

И Ю Н Ь | 2 0 2 1

РусскийМир.ru

Ж У Р Н А Л О Р О С С И И И Р У С С К О Й Ц И В И Л И З А Ц И И

ВЕДЬМЫ И ДЕМОНЫ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ЭТОМ ГОДУ МЫ ОТМЕЧАЕМ 80-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войны, самого трагического события в нашей истории последнего столетия. самого выдающегося и по масштабам выпавших на долю народа испытаний и потерь. И по влиянию на последующую мировую и отечественную историю. Но также и по неослабевающей актуальности для нашего общества спустя прошедшие десятилетия.

Обстоятельства начала Второй мировой и Великой Отечественной до сих пор не только вызывают острые споры, но и становятся все чаще предметом фальсификаций в интересах политической конъюнктуры. Нам все настойчивее приходится отстаивать историческую правду от выдвигаемых, прежде всего на Западе, «обвинений» в якобы «равной ответственности» СССР и нацистской Германии в развязывании войны. Авторы этих попыток упорно не хотят видеть объективных обстоятельств и конкретных особенностей политических процессов в Европе накануне войны и того, как некоторые державы подталкивали Гитлера к агрессии именно в восточном направлении, не хотят видеть попыток «умиротворения» нацистов со стороны Англии и Франции, с одной стороны, и нескрываемых намерений, скажем, Польши выступить союзником Гитлера – с другой.

Мало сомнений в том, что целенаправленные попытки фальсификаций будут продолжены. Но еще меньше сомнений в том, что Россия найдет, чем на них ответить. Во имя памяти тех, кто 22 июня 1941 года вступил в войну с беспощадным агрессором, ставившим задачу полного уничтожения русской цивилизации. 🇷🇺

ИНТЕРВЬЮ

06 Правда
чувств

ИСТОРИЯ

26 Власть ведьм

34 Тайная миссия
капитана Муловского

42 Искусство старообрядческой Фиваиды

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

12 Земля
и пепел

20 Сапоги
победителей

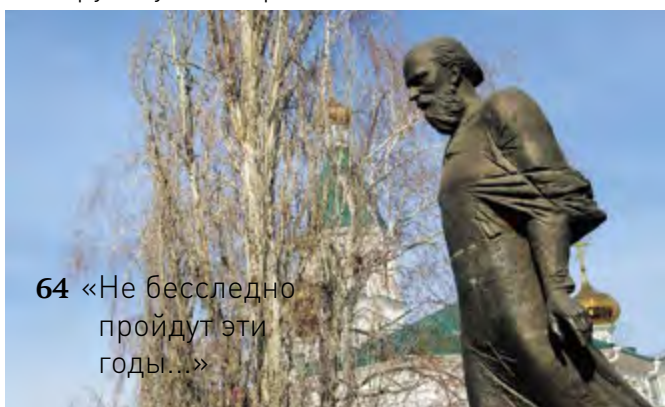
НАСЛЕДИЕ

48 Александр Дюма:
путешествие
в русскую историю

56 Нужно сделать
человека

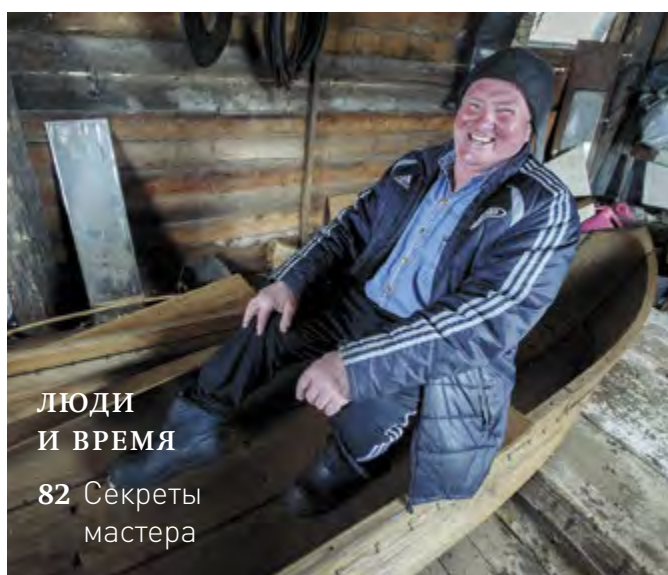

64 «Не бесследно
пройдут эти
годы...»

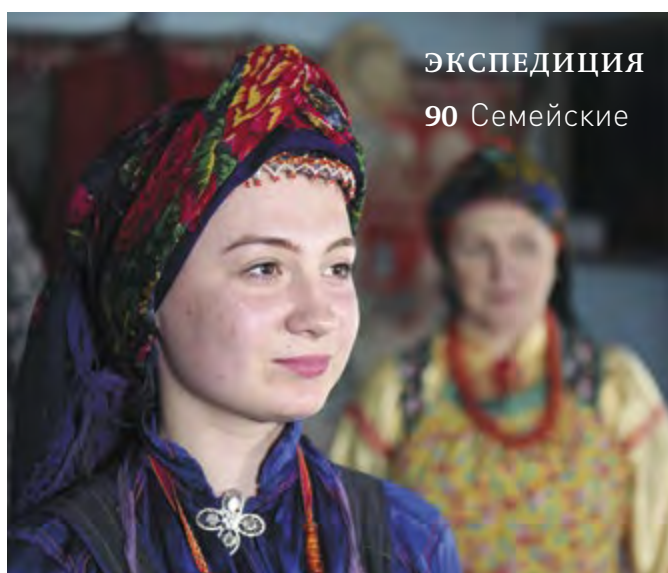
КУЛЬТУРА

72 «Царский»
подарок

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

82 Секреты
мастера

ЭКСПЕДИЦИЯ

90 Семейские

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Арина АБРОСИМОВА
Александр БУРЫЙ
Алексей ГУДКОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНIN С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

ИЛАРИОН

(АЛФЕЕВ Г.В.)
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ПРАВДА ЧУВСТВ

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КАКУЮ ССЫЛКУ ОБ АНДРЕЕ ЖИТИНКИНЕ В ИНТЕРНЕТЕ НИ ОТКРОЕШЬ – ПЕРВАЯ И ДАВНО ПРИСТАВШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА: «СКАНДАЛЬНЫЙ», «МОДНЫЙ». ПРАВДА, ЭТОТ РЕЖИССЕР, НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ, УЖЕ НЕСКОЛЬКО СЕЗОНОВ СТАВИТ СПЕКТАКЛИ В МАЛОМ ТЕАТРЕ, ПЕРЕИДЯ В ИНУЮ «КАЧЕСТВЕННУЮ КАТЕГОРИЮ». ОН РАБОТАЕТ В РАЗНЫХ ЖАНРАХ, УМЕЕТ РАСКРЫТЬ НОВЫЕ ГРАНИ В ТАЛАНТЕ АКТЕРА И НЕ БОИТСЯ ОСТРЫХ ТЕМ.

— **А**НДРЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ, КАК ВЫ сами объясняете свой переход от скандальности к традиционности?

— Любой художник эволюционирует. Я к этим градациям «скандальности» отношусь с долей иронии и даю возможность навешивать на себя любые ярлыки, потому что считаю, что зрители иногда тоньше понимают, как со временем меняется художник. А вот если говорить о режиссерских возможностях, то где бы я мог поставить такую русскую классику, как «Пиковая дама» Пушкина или «Маскарад» Лермонтова? Впервые в России мы поставили «Любовный круг» Сомерсета Моэма, где до последних своих дней главную роль играла Элина Быстрицкая.

Преимущество Малого театра – феноменальная труппа. Считается за честь работать здесь. А после недавней реконструкции он не то что не уступает Большому, он такой же императорский театр, фантастически оснащенный в техническом отношении. В Малом ставится в основном классика, хотя есть и современная драматургия. Год назад я выпустил ко Дню Победы пьесу «Большая тройка: Ялта-45». Но из-за пандемии мы ее сыграли лишь 3 сентября, то есть моим спектаклем Малый театр открыл сезон – такое в моей практике впервые, и это было очень приятно. Получается, выпустили мы спектакль к юбилею Победы, а сыграли премьеру к юбилею окончания Второй мировой войны – 3 сентября. В пьесе три основные роли – три монстра: Сталин, Черчилль и Рузвельт. Их играют три народных артиста: Сталин – Василий Бочкарев, Черчилль – Валерий Афанасьев, Рузвельт – Владимир Носик. Я их просил играть без грима.

— Почему?

— На первой же репетиции я сказал актерам, что не надо играть монстров – это уже пожилые,

несчастливые люди. Мне был важен поток сознания этих персонажей, чтобы была видна их внутренняя мотивация, чтобы они не были как бы костюмными масками. Поток сознания и темперамент мысли – это мастерство актера. Это с одной стороны. С другой – мы не претендовали на историческую достоверность, нужна была некая дистанция.

Автор пьесы, швед Лукас Свенсон, получил доступ к зарубежным архивам и стенограммам тех заседаний и написал неожиданную пьесу – зритель никогда не знал «кухню» переговоров. И наш спектакль – это художественная реконструкция исторических событий: показаны бессонные ночи, адская работа. Каждый нервничает. Это ведь уже немолодые и нездоровые люди. Рузвельт даже не доживет до Победы. Он в каталке – его поднимают офицеры, чтобы перенести и сделать знаменитую фотографию: все трое сидят на фоне Ливадийского дворца и смотрят на закат. Мы сохранили знаменитую мизансцену, и в зале сразу: «Ах!»... Зритель плачет.

— Узнаваемо.

— Они о чем-то в тот момент разговаривают, улыбаются, и потом хохочет Сталин. Мы придумали их реплики. О грустных вещах. Сталин рассказывает о своем сыне, который погиб в лагере и которого он простил – ведь сначала считал его предателем. Рузвельт – о внуках, потому что понимает, что его дни сочтены. Черчилль – о своих бедах. То есть они в этот момент не политики, а люди, которые объединены одной целью. Наверное, они тогда сделали самое главное в их жизни – остановили «коричневую чуму». Понятно, что они перекраивали карту мира, но все-таки они зафиксировали мир на земле. Мы спектакль посвятили Победе, и там есть ключевая фраза – всегда после нее аплодисменты в зале. Сталин говорит, что часто думает, что останется после него: «Нам надо

хотя бы на полвека обеспечить стабильный мир на земле». И когда прошло 75 лет, мы понимаем, что полвека – это очень много.

Но мы даем возможность зрителям самим расставить акценты. В финале – постскрипtum: о каждом из героев краткие справки – красивые, точные и как бы забытые вещи. Мало кто помнит, что Черчилль был лауреатом Нобелевской премии по литературе. Мало кто помнит, что единственный, кто избирался более чем на два президентских срока, – это Рузвельт. О Сталине мы говорим, что это была самая загадочная и противоречивая фигура в новейшей истории России. И знаете, зал на это реагирует спокойно. Да, у нас разные зрители, но Победа объединила всех. Хотя в нашем спектакле сюжет строится на том, что люди никак не могут договориться и каждый новый день для них – очередная катастрофа. Каждый тянет в свою сторону. Они делят земли, торгуются. Очень серьезный вопрос о Польше... Причем, наверное, так остро он никогда в драматургии не ставился. Там есть фраза о том, что польская проблема будет головной болью и в будущем. Разве не так? Вот нашего президента не пригласили

на празднование освобождения Польши, а польские подростки считают, что их страну освободили американцы... Но это же неправда! И это возмутительно, потому что русские их освободили и первыми увидели, что такое концлагерь – все это есть в спектакле. Повисает пауза, а потом народ вскакивает и хлопает...

Надо сказать, что для художественного руководителя Малого театра Юрия Соломина тема войны – особая: он помнит, как артисты Малого театра на свои гонорары от концертов отправили несколько самолетов на фронт.

– *И были фронтовые бригады Малого театра.*

– А надпись на самолетах «Малый – фронту!» обошла все мировые агентства! Когда мы выпустили спектакль, Юрий Соломин сказал: «Мне было принципиально важно, что дети войны играют эти главные роли...» Хочу заметить: первым исполнителем роли Рузвельта был Борис Клюев. Все знали, что он болен, но он принял предложение сыграть в нашем спектакле. И поскольку Рузвельт был в кресле-каталке, Борис Клюев решил так: «Это не я себя буду плохо чувствовать,

а Рузвельт» – такой актерский ход придумал для себя. А в его гримерке сидела медсестра, чтобы делать ему уколы... И 9 мая 2020 года он сыграл бы, если бы премьеру не перенесли. Для меня-то он сыграл... Вот, всего за два дня до премьеры 3 сентября он уходит... У нас на подстраховке был Владимир Носик. И первые спектакли мы посвятили памяти Бориса Клюева. Я попросил оставить его фамилию на афишах и в программках.

– В Советском Союзе года не проходило, чтобы не появлялась военная тема на сцене театра. Сейчас это большая редкость.

– Сейчас – просто по пальцам одной руки можно пересчитать, сколько театров в Москве откликнулось на эту тему. Редкость. И это грустно. Для меня в этой пьесе самое интересное – история страстей. Каждый из них ломает голову, как перехитрить партнера. И только к финалу все они приходят к мысли о том, что, может быть, не надо хитрить. То есть надо все-таки принимать то, что делает твой партнер, даже если тебе это не нравится, надо найти компромисс и уважать позицию другого. И это очень актуально.

– Бывшие союзники навязывают нам переоценку исторических фактов – в этом контексте ваш спектакль транслирует неуважение к позиции России со стороны Запада. Как публика это воспринимает?

– Это сразу бьет! Я в зале смотрю спектакль и рад, когда родители приводят детей. Скажем, парню 13–14 лет, и он смотрит на эти события как на нечто далекое, для него это момент чистой истории, просто акт познания, но он сидит, размышляет...

– В пьесе драматургом что-то осмыслено, что-то дополнено. Плюс режиссерская трактовка и актерская работа при подаче реальной истории. Насколько вы были свободны как режиссер?

– В пьесе каждый глава государства репетирует ночью со своим референтом, прорабатывает будущее утро: что говорит один и что говорит другой. И зрителям потом интересно смотреть: а что же получилось? Вот это – самое ценное для режиссера: мы вольны придумывать любой ход, и самое сложное – внести безусловность. Все, что касается предлагаемых обстоятельств и подробностей, мы придумали, в этом смысле я был свободен.

– Если мало кто сегодня берется за эту тему, почему вы взялись?

– Я бы в любом случае взялся за эту тему, у меня есть личный мотив. Всегда отмечаю День Победы. Я не знал ни одного деда. Оба пропали без вести. И мои бабушки, которые меня воспитывали, продолжали их ждать. Они верили. И даже сны были мистические, это потрясало меня больше всего: бабушка подробно рассказывала, как ей приснилось, что муж пришел, какие у него награды. Я говорил: да как, если его, наверное... Она говорит: нет, я верю, что мы с ним встретимся. Потом я понял, что это – эмоциональная жизнь человека, жизнь подсознания. Так что эта тема мне очень дорога.

Знаете, к 50-летию Победы мы выпустили спектакль, ставший культовым – «Мой бедный Марат». Александр Домогаров – Марат, это была его первая роль в Театре Моссовета, Андрей Ильин – Леонидик, Лариса Кузнецова – Лика. Мы его играли более двадцати лет, недавно перестали, потому что в первой части пьесы герои – подростки. Когда я ставил спектакль, они были просто молодые актеры, а сейчас – уже народные артисты! И они работали уже в разных театрах, много снимались, но всегда прилетали из разных точек мира на этот спектакль и умоляли не вводить других актеров – так им была дорога эта история. Сценограф и художник Андрей Шаров придумал, что все – белое: костюмы, мебель, посуда, стены, пол... То есть это воспоминание, путешествие в прошлое. Несмотря на войну, любовь – единственное, что спасало их, они своим теплом согревали друг друга. Весь смысл пьесы Арбузова в том, что в этой троице подростков нельзя выделить пару. И во всех странах ее играли как историю любви.

– Помню этот спектакль: тотальный белый – как святая чистота людей и чувств. Но я не случайно спросила о режиссерской свободе – сейчас она оголтелая, агрессивная. Право трактовать материал у режиссера есть априори. На ваш взгляд, оно хоть чем-то ограничивается?

– Мы столкнулись с тем, что в режиссуру хлынуло огромное число дилетантов. В кино их еще больше, снимают уже все. В театре – сложнее, но почему-то многие считают, что можно взять текст и ставить как хочешь. Дошло до того, что пьесу ставят задом наперед – начинают с финального события, а потом как бы откручивают сюжет в обратную сторону. В Малом театре такие вещи не проходят, я могу сколько угодно расставлять режиссерские акценты, но – оставаясь в драматургическом каноне. То есть я не могу переписать авторский текст, поменять время действия и место действия. А сейчас ведь все возможно, и многие меняют. И чего добиваются? Ведь сразу видно размывание волшебной профессии, когда слева персонаж, справа реплика, а смысла пьесы нет... Тогда зачем было ставить? Не понимаю. Мы уже

устали от трактовки любого материала, когда все играют или в черных пальто, или в шинелях, или в джинсах. Это уже настолько неинтересно, что Малый театр вдруг оказался необычайно привлекательным для зрителя, который потратит деньги на билет и знает: это будет сюжет, возможно, с другим отношением, это замечательные актеры, проработанные роли, яркие костюмы, хорошая музыка, это не скучно и качественно. Даже школьнику интересно посмотреть русскую классику, когда оживают хрестоматийные образы, потому что он понимает, что не будут герои Гоголя, Пушкина, Лермонтова бегать в джинсах!

– Вы – жукинец, последний ученик Евгения Симонова, наследника вахтанговской традиции, получили два образования – актерское и режиссерское. – Причем оба – с красным дипломом!

– А сейчас вы находитесь в пространстве другой театральной традиции. Конечно, с творческой точки зрения так перестраиваться – интересно, но живет ли в вас вахтанговец в стенах Малого театра?

– Я столкнулся с тем, что за счет сериалов все нивелировалось: актеры почти перестали играть, все просто шепчут текст – якобы это органично. Появились маленькие радиомикрофоны. Честно скажу: средний уровень актеров вырос. Но нет потрясений. А вот актеры Малого театра продолжают завораживать публику, особенно старики, умеющие взять грандиозную паузу – звенящая тишина. Этот психологический экстрим впечатляет больше, чем любая компьютерная графика!

В Малом каждый может сам разобрать роль – и режиссеру легко работать. Могу даже дать какое-то домашнее задание – по Станиславскому. Чего нет уже вообще нигде. В некоторых театрах после репетиций я просто умоляю артистов: вы когда начнете играть? Вот что ушло. В моем спектакле есть и технические приспособления, и видеоряд, и плунжеры поднимаются снизу – мы быстро меняем места действия. Но это не довлеет, потому что для меня самое главное – чудо психологического театра.

Как вахтанговец, я очень люблю форму – это прерогатива режиссера. Сочиняю свой собственный мир и придумываю форму – этого в мастерстве режиссера никто не отменял! Я вижу сразу: профессионал или непрофессионал – по умению режиссера сочинить форму. И актеру комфортно внутри этой конструкции существовать, в этом – мистическая сторона нашей профессии, которая меня греет до сих пор.

Режиссер в чем-то подобен Творцу, только мы из ничего создаем не весь мир, а наш микромир в пространстве сцены. Иногда шучу: когда говорят, что, несмотря на разные конфессии, Бог един, я переношу эту формулу в искусство – как чудо и волшебство. Магическое «если бы» по Станиславскому, которое он подсмотрел у мастеров

Малого театра, странным образом соединило все системы: шукинскую, мхатовскую, Малого театра, щепкинской школы. При всех их различиях существует правда чувств. Лев Толстой говорил: «Искусство – это передача чувств». Вот и получается, что бог-искусство создает русский театр, каждый раз допуская «если бы», чтобы передавать чувства от человека к человеку – это главное.

– *Вы как-то заметили, что сейчас актеры перестали быть легендой, как было раньше. Это минус или, наоборот, есть плюс в таком равном отношении: небожителей нет, все простые смертные – и зрители, и актеры?*

– Я с великими поработал! Последнюю роль сыграл у меня Георгий Жженов в спектакле «Перед уходом» в Театре Моссовета. Рита Терехова – в «Милом друге», дай бог ей здоровья, но на сцену потом она больше не вышла. Людмила Гурченко, Элина Быстрицкая, Людмила Касаткина, Борис Клюев, Ольга Аросева, Любовь Полишук... Михаил Козаков – его знаменитый Шейлок в «Венецианском купце». Это всегда было тайной. И сейчас молодым актерам я говорю: не разрушайте дистанцию, ну нельзя этого делать! Понимаю, «время диктует», вас провоцируют, чтобы вы сняли свой загородный дом, спальню, ванну. Оставьте тайну! Как возникает кумир? Зрители фантазируют о нем, сочиняют мифы, хранят билетики. Знаете, я был в Риге, на том спектакле, когда ушел Андрей Миронов. С ним в машине скорой помощи был Александр Ширвиндт, и, пока его везли в больницу, Андрей Миронов, практически без сознания, договорил монолог Фигаро. Он думал, что играет. Вот какой ужас... На следующие спектакли уже были проданы билеты, и ни один человек не сдал билет! В память об актере. Вот это поразительно. И это – настоящий кумир.

– *Татьяна Васильева мне в интервью сказала: «Моя мечта – умереть на сцене. Это счастье!» Я говорю: это страшно. Она говорит: «Нет, это прекрасно!» Разные точки зрения, разные миры: акт творчества был последней в твоей жизни эмоцией. Но зрителям каково на это смотреть?*

– У актеров есть такое поверье: если ты умираешь на сцене, сразу попадаешь в рай. Поэтому многие и хотят умереть на сцене. Да-да. Ты в роли – ничего не успел ни придумать, ни накопить, значит, ты всего себя отдал профессии. Но будем откровенны: очень многие используют такую сферу, как искусство, для зарабатывания денег. Шоу-бизнес на этом процветает. В театре и кино – сложнее, все видно: тянешь ты или не тянешь, есть у тебя голос или нет. Но и там теперь индустрия, очень многое делается благодаря связям. Часто ныне известные актеры забывают, что на сцене все недостатки проявляются. Умные это понимают и боятся выходить на сцену. Там же надо затрачиваться, нельзя играть с «холодным носом», твоя популярность ничего

не значит, если тебя не слышно, не видно, если ты не органичен. А некоторые вызывают даже отторжение зала...

Людмила Ивановна Касаткина сыграла в моем спектакле «Школа любви». Несмотря на маленький рост, эта хрупкая женщина «брала» огромный зал на 3 тысячи мест – Театр Армии, ее было слышно даже на самых верхних рядах за счет внутренней энергетики и посылки. Без микрофончика. Смоктуновский, Борисов обладали магией гипнотизировать зал: зрители вытягивали шеи, не дышали. Это священный акт, совершенно неземные возможности! И пока не уйдут зрители, испытавшие такое, этот миф будет жить.

Вера Кузьминична Васильева сказала, что я продлил ей жизнь – она играет графиню в «Пиковой даме». У нее была мечта, оказывается, играть в Малом театре. Никто об этом не знал. Всю жизнь она проработала в Театре сатиры. А девочкой бегала на галерку слушать Остужева в роли Отелло. Я подарил ей спектакль «Роковое влечение» к 90-летию юбилею, она сыграла забытую звезду. И там есть замечательная фраза о том, что звезды не умирают. Когда это говорит Васильева, зал взрывается аплодисментами – это про нее!

Многие директора не рискуют ставить спектакли на возрастных актеров – как бы ненадежная ситуация. А я все время говорю: когда вся жизнь отдана искусству, надо ставить персонально! И как ужасно несправедливо, что у них в жизни были паузы. Быстрицкая до моего спектакля не имела десяти лет новой главной роли. Десять! Гурченко со мной сделала три спектакля, но в свои лучшие годы была удалена от профессии – это просто преступление!

– *Вы часто бываете на ток-шоу – у вас потрясающая память на факты, и вас используют журналисты, чтобы вы о ком-то рассказали. Но как творческая фигура вы добровольно нивелируете себя. И знаменитая фраза «Режиссер умирает в актерах» к вам относится напрямую. Что для вас самое обидное, когда вы «умираете в актере», что вы теряете?*

– В XX веке не так много прорывов в бесконечность. Генетика, космос – это прорывы. И впервые в истории появилась профессия режиссера, придуманная Станиславским. Театру более 2 тысяч лет, но такой профессии раньше не было. Зрители всегда помнили имена актеров, сейчас они выбирают спектакли режиссеров, чтобы увидеть какой-то особый мир, оригинальный взгляд... Самый сложный момент у режиссера – говорю про себя – это бессонная ночь после премьеры... Актеры могут расслабиться, а режиссер – нет. Просчитываю, почти как на калькуляторе, что из задуманного удалось, что нет. И это очень важно делать честно по отношению к самому себе: выставляешь себе очень жесткие оценки. И когда ты еще раз сможешь себя удивить – тогда будут и зрители удивлены. Кажется, что режиссеры

немножко роботы, они все знают. Нет. Непредсказуемость в нашей профессии – самое ценное. Не знаю, куда моя фантазия меня приведет, но если из того, что нафантазировалось, воплощена хотя бы треть, это уже победа.

– *А две трети пропадают?*

– Нет, пропало в этом спектакле, но остается внутри меня и проявляется потом – в другом. Как у актеров есть свои эмоциональные копилочки, так у меня есть копилочка моих ассоциаций, образов и снов. Это интереснейшая интеллектуальная «игра в бисер», по Гёссе. В моих спектаклях очень многое из снов. У меня на тумбочке – лампа, блокнотик и карандашик на веревочке. Ночью записал, уснул, утром открываешь – я очень верю в это волшебство. Это чистое подсознание, наитие, как раньше говорили... И самое тяжелое в этой жизни для режиссера – когда ты во сне продолжаешь репетировать с уже ушедшими актерами. Вот, открываю вам тайну... Иногда снится какой-то свет или композиция, которую потом встраиваю в спектакль. Очень люблю метафорический театр, не буквальный, кра-

сивый, который отрывает от быта. Показывать то, что люди видят каждый день, мне неинтересно. В этом смысле я не умираю, многие зрители ищут по разным театрам спектакли Житинкина и ходят не на актеров, а на режиссера, это замечательно! Когда ко мне подходит зритель и спрашивает: а что вы имели в виду в конце спектакля? – я счастлив, что его тронуло, задело... Всегда отвечаю на такие вопросы. И если мое имя уже определенный бренд качества, удивления – это победа. Я считаю, что наша русская публика вообще самая отзывчивая. Я много ставил во Франции, в Америке – там более холодная публика, почти не хлопают, сразу вскакивают и бегут, чтобы побыстрее свою машину вывести с парковки. А русские зрители дарят не только цветы, но и подарки, апельсины, дорогие напитки, книги. Недавно подарили ананас! И мы счастливы – такая любовь! Она иностранцам непонятна. Они попадают в русский театр и видят, что такое русские поклонны: зрители не убегают, а устраивают долгие овации, вызывают артистов на авансцену несколько раз, хотят заглянуть в глаза артисту, сказать спасибо прямо через рампу...

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

В БЕЛОРУССКОЙ ХАТЫНИ КАРАТЕЛИ СОЖГЛИ 149 ЧЕЛОВЕК. В ВЕЛИКОЛУКСКИХ ДЕРЕВНЯХ САННИКИ И АНДРЮКОВО В МАРТЕ И ОКТЯБРЕ 1942 ГОДА ПОГИБЛИ 385 И 360 ЖИТЕЛЕЙ. О ХАТЫНИ ЗНАЕТ ВСЬ МИР. О САННИКАХ, МАЛИНОВКЕ И АНДРЮКОВЕ МАЛО КТО ПОМНИТ. В ПРЕДЫДУЩЕМ НОМЕРЕ МЫ ПУБЛИКОВАЛИ МАТЕРИАЛЫ ДЕЛА О МАССОВЫХ УБИЙСТВАХ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ, КОТОРОЕ ВЕЛА В 1944 ГОДУ В ЭТИХ ДЕРЕВНЯХ ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА. ОБНАРУЖЕННЫЕ ИМИ УЛИКИ И ПОКАЗАНИЯ ПОМОГЛИ ВОССТАНОВИТЬ КАРТИНУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. НО БЫЛО ВАЖНО И ДРУГОЕ – ПОЧТИ НЕ НАДЕЯСЬ НА УСПЕХ, МЫ ИСКАЛИ ВЫЖИВШИХ СВИДЕТЕЛЕЙ ИЛИ ИХ ПОТОМКОВ. УЗНАТЬ, ЧТО ХРАНИТ О СОЖЖЕННЫХ ДЕРЕВНЯХ СЕМЕЙНАЯ И НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ.

... **3** ОЕ ИЛЬИНИЧНЕ МИНИНОЙ 90 ЛЕТ, НО БЫВШАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА СОХРАНИЛА ЯСНОСТЬ УМА, ЧЕТКУЮ РЕЧЬ, А ЕЩЕ – ВОСПОМИНАНИЯ. НЕ ПРО САННИКИ С АНДРЮКОВИЧ, НО ПРО ТО, КАК И ТАМ ВСЕ МОГЛО БЫТЬ. «Сама я из другой деревни, Глазуново, в 50 километрах от Санников. В начале войны отец угонял в советский тыл колхозные стада, осенью 1941 года вернулся домой и остался. А потом вдруг про-

шла слава, что сожгли деревню Соколово, это в 8 километрах от Глазуново. Я никогда раньше не видела своего отца в слезах, хотя он и отправил двух сыновей на фронт, дочь погнала в эвакуацию колхозный скот и пропала где-то по дороге. Было по кому плакать. Но тогда он не плакал. А когда про то, что деревню сожгли, сказали – заплакал. В Соколово жили две его двоюродные сестры. Немцы прознали, что там якобы были партизаны. Окружили деревню. Утром это было. Одна из папиных сестер мешала тесто, а вторая кормила грудью ребенка... Папа мой в тот же день пошел в Соколово, через речку от нас деревня была. И вот мой папа видел, как они лежат убитые. Убитый ребенок на руках у матери. И вторая сестра застрелена – рукава кофты закатаны, руки в тесте. Тесто раньше на столе кулаком мешали...». Из архивных сводок: «1 февраля 1942 г. немецко-фашистские бандиты ночью окружили деревню Соколово и на рассвете по деревне открыли огонь из пулеметов, одновременно в окна домов бросали гранаты. В результате этого бандитского налета было убито 24 человека и ранено 14 человек ни в чем неповинных граждан. 28 домов деревни Соколово было сожжено вместе с мирными гражданами...»

Зоя Ильинична Минина сохранила в памяти расправу над другой великолукской Хатынью – Соколовом, которое разделило судьбу Санников и Андрюкова

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

ИСТОРИЯ ТОНИ

Антонина Ниловна Бородуля, она же Тоня Орехова, умерла пять лет назад, в гостеприимном доме мы встречаемся с ее дочерьми. Людмила и Галина сейчас уже сами бабушки. Но с раннего детства, с того момента, как они себя осознали, помнят и памятник в Андрюкове. В любую погоду Троицу и 9 Мая семья встречала там.

Про страшный октябрьский день 1942 года дочери старались не расспрашивать маму. Вспоминать прошлое Антонина Ниловна категорически не хотела. Но именно она оказалась единственным выжившим свидетелем великолукской Хатыни, с кем удалось при жизни записать видеоинтервью. Эта запись сейчас хранится в городском краеведческом музее.

«У меня был дядя в партизанах, молодой 18-летний мальчик. Папа, как все наши люди, пошел защищать свою страну. А мы жили рядом с Андрюковым, в деревне Агафоново (Антонина Ниловна произносит

из личного архива

по-местному – Агáхонова). Наш дом сожгли сразу, как пришли фашисты. Жить было негде. Нас поселили в Андрюково. Там дом пустовал; наверное, люди убежали от немцев.

Воинская часть, в которой служил папа, шла освобождать Ленинград через Насву, а от нашей деревни до большака на

Антонина Ниловна Бородуля, единственный выживший свидетель Андрюкова, до последних дней сохранила ясную память и оставила воспоминания для местного музея. Великие Луки. 2014 год

Ребята из Ущицкой средней школы Куньинского района возле обелиска в Андрюкове. Поисковый отряд «Велес» со своим командиром, трагически ушедшим Андреем Белугиным, всегда приезжал к памятнику в Андрюкове на 22 июня. 2012 год

Насву 5 километров. Папа и попросился домой. Его отпустили. Дома все были рады. Папа переночевал ночь, мама напекла хлеба, потому что и папа вернулся, и старший брат из партизан приходил, а мама пекла партизанам хлеб, чтобы они не голодовали. И вот утром просыпаемся от сильного шума, грохота. Обычно немцы приезжали и уезжали. А здесь смотрим – идут танки. И за танками сзади – мотоциклы, в каждом мотоцикле по три человека. Папа говорит – собирайтесь, бежим к Удраю, спрячемся под берег. Мама ему отвечает: «Бери девочку и бегите с ней, мы с бабушкой вас догоним». Мы с папой побежали, сели под берег...

К нам присоединилась женщина с мальчиком, не знаю, сколько лет было мальчику, был он старше или младше меня. Она говорит: «Нил Степанович, возьмите нас к себе». Сели. Потом слышим крики, плач детей, дым, смрад страшный, воняет чем-то горелым... Потом все затихло.

Немцы нас вытащили из-под берега. Они решили, что это семья, муж, жена и несколько детей. Один немец слез с танка и показывает – убегайте. Мы пошли. Папа говорит: «Тоня, берите мальчика и эту женщину и бегите. А я побегу сзади. Может быть, они просто при детях не хотят в нас стрелять». И мы с этим мальчиком побежали вперед, а женщина и папа – сзади. В нас не стреляли. Добежали до леса, от страха ничего не видели.

Слышим, что немцы уже уезжают. Мы тогда вернулись в деревню. Горит конюшня, сарай горит. Мы туда скорей. Только стали к сараю подходить, немцы давай обстреливать. Они не подпускали, чтобы люди подходили близко. Сразу наткнулись на папину сестру с двумя детками. Они расстрелянные лежат. Нам потом рассказали – детки не пошли в этот сарай, поэтому их расстреляли.

Слышим под желобом – знаете, коней из таких поили – голос девушки: «Поднимите, пожалуйста, этот желоб. Я ранена, мне его самой не скинуть никак». А это

была Евдокия Савченкова, которая осталась одна-единственная живая, и еще с ней был мальчик. Мы никогда с этим мальчиком больше не встречались.

Отец желоб этот поднял, мальчик выскочил, и я даже не знаю, куда он делся, куда побежал. А тетя Дуся со своей раной не могла идти, у нее нога была раненая. Папа спрашивает: «Дуся, ты не видела моих? Где моя жена с тещей?» Она говорит: «Варюшка там», и на сарай показывает. Стоять невозможно было около этого сарая, как пахло горелым мясом. Папа, когда стал искать, видит – лежат сторевшие люди. И только человека тронешь, он рассыпается в прах. Бабушку и маму нашли по одежке, по папиному костюму. У него в кармане был гребешок для волос и кисет, раньше же табак самосад растили и в кисете носили. И по своему пиджаку этому он маму нашел.

Он хотел маме с бабушкой могилку отдельно сделать, но там даже зарывать было нечего. – Вас потом отправили к партизанам?

– Да. Папе надо было возвращаться в часть, а я нашла партизан и там жила. Потом папа рассказал в воинской части, что деревню сожгли, осталась одна 5-летняя дочка. И его отпустили еще на два дня поискать, может быть, остались родственники, кому меня отдать. Но найти мы никого не смогли.

Помню барак в партизанском отряде. В этом бараке сидели в основном такие, как я, которым некуда было идти, у кого сторели все. Было голодно. Когда папа меня нашел, я встать не могла. Ножки у меня не ходили, распухли. Отец командиру партизанского отряда говорит: «Ты знаешь, дочка – это все, что у меня есть. Возьми, пожалуйста, ее к себе в дом, который из бревен построен. Помоги. Дадут тебе кусочек хлеба, дай ей хоть пятьдесят грамм, чтобы она выжила. Выживет – я тебя отблагодарю, если я сам выживу. Когда война закончится, куда-нибудь ее подберу». И правда, взял меня этот партизан к себе в тепло, на-

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

Дети деревни Андрюково – Ольга, Николай и Дарья Ивановы.

25 октября 1942 года они спаслись, уйдя в лес за ягодами. Снимок сделан примерно в 1935 году

Зачистка. Фото из архива нациста Отто Барча. Это репортажная съемка: фото сделаны карателем во время карательной операции зимой 1942/43 года в соседнем с Великолукским Себежском районе Псковской области. Фактически перед нами репортажная съемка уничтожения Санников, Андрюкова и десятков тысяч русских Хатыней

чал за мной ухаживать, таблетки давать. Еды мне много сразу не давали, есть вдоволь я не могла, чтобы плохо не было, а так помаленечку...

...Знаете, долгого разговора об Андрюково у нас с папой никогда в жизни не было. Он боялся со мной этот разговор начинать. А я боялась его расспрашивать... Мне этого никогда не забыть. Я очень редко про это говорю, не хочу вспоминать. Это очень страшно. Скажу так: немцев, которые старше 80 лет, я не хочу их видеть. Не могу. Немцы, наверное, разные были. Но к нам они пришли людей убивать. Когда их в 1946 году казнили в Великих Луках на площади, мне, девочке, их было не жаль. Ты же ребенка убивал, как тебе не жалко его было?..»

ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ ЕВДОКИИ

Евдокию Савченкову допросили только через 9 месяцев после начала следствия по массовому убийству в Санниках, Малиновке и Андрюкове, хотя ее место проживания было известно еще в марте 1944 года. Дело ее показаний дополнял уже не военный, а районный следователь. Предположу, что так произошло потому, что все эти 9 месяцев Евдокия была не в состоянии что-либо рассказывать.

«Протокол допроса. 1944, декабря 3. Савченкова Евдокия Кирилловна, 1910 г.р., уроженка д. Андрюково Овсищенского сельсовета, малограмотная, несемейная, беспартийная, проживает: д. Андрюково, инвалид войны.

По поводу зверств немецко-фашистских войск в Андрюково могу показать следующее: «Я проживала в дер. Андрюково Овсищенского сельсовета. Всего в нашей деревне было 24 хозяйства. После оккупации нашей территории, немцы нас эвакуировали в Насву, но вскоре после эвакуации 19 хозяйств прибыли обратно в Андрюково для снятия урожая.

25 октября 1942 г. рано утром нашу деревню окружил немецкий карательный отряд численностью человек примерно пятьсот. Все они были вооружены автоматами, наганам, к деревне подогнали танк, немцы были в зеленых френчах, на рукавах

ИЗ АРХИВА ОТТО БАРЧА

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

Уже к вечеру я услышала детские голоса, оттолкнула корыто, вижу знакомую женщину с двумя детьми, они спаслись в речке. Двигаться я не могла, попросила, чтобы меня оттащили, но они отказались, потом увидела, что недалеко идет парень. Я стала кричать, он меня оттащил к скирде, там я пролежала два дня, пока меня не увезли. Еще лежа в сарае, я услышала звон стекол, это мужчины, закрытые в моем доме, когда дом подожгли, видно, искали спасения. Но спастись никому не удалось, так их всех и сожгли живыми...»

Для Санников, Малиновки и Андрюкова кончилась история живых. Пришло время памяти.

ПАМЯТЬ

После войны сожженные карателями деревни так и не возродились. Объятые немцам ужасом перед огромными братскими могилами, в которые превратились эти заросшие травой поля, люди никогда больше не строили там дома. «Нас в Санники родители не пускали. Да мы сюда и сами не ходили, — рассказывает Надежда Васильевна Спиридонова, которая выросла в Решеткове. — Хотя на бугры, где после войны еще долго можно было найти россыпи неразорвавшихся патронов, нас тоже не пускали. Но мы, несмотря на запрет, туда бегали. А Санники обходили стороной. Здесь было все сожжено, сровнено с землей. Тут в мирное время ни картошку не сажали, ни хлеб не сеяли. Вообще это поле не трогали». Ужас пережитого навсегда остался с выжившими. Дочь Валентины Венедиктовы Жарских, еще одной из выживших жертв Андрюкова, рассказывала нам: «У мамы к старости появился невыразимый страх огня. Особенно когда он горит в деревянном доме. Ей все время кажется, что в комнате дым. Она внуков к плите не пускает, потому что там огонь на стенах пляшет». Галина, дочка Антонины Ниловны Бородули, будто

и фуражках была нарисована «смерть» (череп с перекрещенными костями. — Прим. ред.). Прибывшие в деревню немцы стали выгонять всех жителей и поджигать дома. Кто не мог идти, сразу же на огороде и пристреливали. Всех жителей деревни согнали в один двор, усадили, мужчин повели для допроса. Спрашивали, нет ли партизан. Когда мужчины были в доме, мы все с нетерпением и тревогой ожидали, что будет. Вскоре на пороге появился мужчина, которого взяли на допрос. Как только он стал спускаться со ступенек, его пристрелили, также пристрелили и второго мужчину. Затем всех мужчин отделили от женщин и загнали в дом, дом заколотили и окружили со всех сторон. Женщины, дети, старухи стали выстраиваться по двое и расстреливаться. Людей переталкивали через порог, и мертвые мирные жители валялись кучей в хлев, сарай и под навес. В это время деревня уже вся горела. Остался неподожженным только мой дом, где были закрыты все мужчины. Когда подошла моя очередь, меня толкнули в спину, и я полетела под навес на груды трупов. Меня ранили в ногу, и я очутилась между трупами, на ногах у меня лежала двоюродная сестра, рядом со мной лежала родная сестра

с пятилетней девочкой. Они были еще живы, девочка кричала. Я услышала голос немцев (нрзб.), и они ушли. Через некоторое время я услышала, как щелкнула дверь, и они снова пришли, два раза выстрелили и ушли. Это расстреляли мою сестру с дочкой. Потом весь сарай обложили соломой, подожгли и ушли. С другого сарая доносился сильный крик, видно много людей там было ранено, немцы бросили туда гранату, обложили соломой, подожгли и ушли. Тогда меня охватило всю пламя, я почти в бессознательном состоянии выбежала из сарая. На мне горела одежда. Я упала, очнувшись, увидела, что вокруг меня никого нет, и отбежала дальше и упала между бревен, стащила на себя лежавшее рядом корыто и так лежала почти до вечера, пока из деревни не ушли все немцы.

Учащиеся Великолуцкого педагогического училища, 3-й курс, выпуск 21 июня 1941 года. Фото сделано в мае 1941 года в Великих Луках. Во втором ряду первая слева — уроженка Андрюкова Дарья Иванова. В ее семье погибли четверо. Фото из семейного архива

Допрос жителей советской деревни. Из архива Отто Барча

ИЗ АРХИВА ОТТО БАРЧА

продолжает ее рассказ: «Мама очень боялась самолетов. Когда они с отцом после войны жили в Ленинграде и над городом летели самолеты, она, уже большая девочка, пряталась, плакала, кричала. Думала, что снова началась война и летят бомбить их деревню».

Как хранили память о трагедии Санников, свидетельствует Надежда Васильевна Спиридонова. «Про сожженные деревни нам, детям, не рассказывали. Но взрослые собирались за столом, и нет-нет да и прорывалась в их разговоре история Санников и Малиновки». «Я жила у тетки, в наш дом приходили на посиделки женщины. Мое место было на печке, оттуда всех видно и все слышно. Они говорили и про войну тоже», – вспоминает Галина Михайловна Исаева. «Про сожженные деревни знали все – и дети, и взрослые, хотя особо разговоров о них не вели. И чужого, и своего горя было с избытком. Люди в душе благодарили Бога, что их миновал этот ужас. Обсуждений трагедии Санников я не помню. Тяжело это было. И не принято», – уточняет Александр Григорьевич Смирнов.

Галина Михайловна Исаева рассказывает, как вспоминали свое родное сожженное Андрюково ее свекровь Ефросинья Бойченкова, которая спаслась от смерти только потому, что ее угнали на работу в Литву, и ее односельчанка Евдокия Савченкова. «Соберутся они с тетей Дусей и голосят в голос, как по покойникам принято. Разговариваются, вспоминают, а потом как схватятся, обнимутся, плачут, и слезы у них катятся...». «Мама не смотрела военные фильмы. Никогда. Начинается военное кино – в доме выключают телевизор, – вторит ей Людмила, дочь Антонины Ниловны Бородули.

Со своей невысказанной болью приходили люди к обелискам. Кого могли, похоронили близкие. У кого близких не осталось – прямо в остовах сожженных домов в братских мо-

Из архива
Отто Барча

ИЗ АРХИВА ОТТО БАРЧА

гилах похоронили партизаны. Потом пришла Красная армия, и теперь уже председатели сельсоветов хоронили оставшихся непогребенными. Над могилами невинно убиенных ставили первые обелиски – простые деревянные пирамидки, и возвращались к своей жизни: кто – идти в бой, кто – пахать землю. После войны деревянные обелиски заменили на бетонные. Андрюкову, которое было ближе к наезженной дороге, повезло больше. В 1968 году там поставили бетонную стелу, посадили вокруг ели и березы. При советской власти за памятниками ухаживали местные колхозы. Приходили помянуть погибших родня и соседи – плели из лапника венки, делали самодельные бумажные цветы, растилали скатерти на сорок чело-

век, раздавали детям, как было принято на поминках, пряники и конфеты. И себе наливали по сто граммов.

А потом люди умерли, колхозы развалились. Некому стало ухаживать за обелисками. Антонина Ниловна признавалась в интервью: ей было очень обидно, что десятилетиями никто, кроме родных и соседей, не вспоминал об Андрюкове.

Так продолжалось, пока ее не разыскала Ирина Михайловна Кузьмина: «Антонина Ниловна, мы беремся за это дело. Может, обратят внимание на 360 невинно убиенных?» «Не надо, – ответила ей тогда Антонина Ниловна. – Семьдесят лет никто не думал и не знал про это место. И теперь не вспомнят». «Нет, – сказала Ирина Михайловна. – Больше так не будет».

ИЗ АРХИВА ОТТО БАРЧА

Из архива
Отто Барча

**ИСТОРИЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ
КУЗЬМИНОЙ**

«Я – поздний ребенок. Мой отец перед войной жил в Великих Луках, а мама с родителями – в Иванове, недалеко от Андрюкова. Там родилась ее младшая сестра, Галина. Вот на фотографии – отец, мама, очень красивая. Фотография даже подписана – деревня Иваново Великолуцкого района Псковской области. Но прямо перед войной дедушку перевели председателем колхоза в другую деревню под Великими Луками, Баландино. Из Иванова семья уезжает, но там остаются друзья. Мама часто бывала в Иванове, пока не началась война. Отец в 1939 году был призван в армию, войну встретил под Киевом, попал в окружение. Дошел до Чехословакии, остался жив, но в теле навсегда застряло много осколков.

Когда началась война, маме было 17. В сентябре Баландино уже было в оккупации. Мама с сестрой спасались, бежали то в одну деревню, то в другую, пока не оказались в прифронтовой полосе. Тетя маленькая была, ей было 4 года. У нее в памяти сохранились обрывки о войне. Помнит, как в какой-то

АНДРЕЙ СЕМАШКО

деревне немцы устроили танцы. Согнали девушек. Одна не пошла танцевать с немецким солдатом, и он у всех на глазах ее застрелил. Дед, мамин отец, погиб под Вязьмой. Для мамы это был очень тяжелый удар. Письма дедушки у нас сохра-

Ирина Михайловна Кузьмина, учитель истории лицея №10 в Великих Луках с 1991 по 2012 год

нились. Одно из писем вошло в Книгу Памяти Великолуцкого района. Дед писал, что на Смоленщине они зашли в деревню, захотели попить воды, заглянули в колодец, а он полон мертвых голеньких детей возраста Галунчика – так он называл мою тетю.

После войны мама работала учительницей истории в школе №8 в Великих Луках. И в память о своем погибшем на фронте отце она начала создавать музей и собирать воспоминания свидетелей тех страшных событий. Отцовские раны, мамнины разговоры с фронтовиками – в этой атмосфере я росла. С 3 лет, как себя осознала, собирала свои детские книжки, пластинки и все пыталась передать в музей – не пригодятся ли? Музей 3-й ударной армии, которая освобождала наш город, мама создала в школе №8, и его знали в разных уголках Советского Союза.

Первый раз в Андрюкове я тоже побывала с мамой. Она возила туда своих учеников и взяла меня. Им тогда было по 12, мне – 10 лет. Потом мы записывали свои впечатления о походе, а я нарисовала деревце. Когда мы с ребятами были в Андрюкове, там еще чудом оставалась одинокая яблоня. Голое поле – и вот эта яблоня. Я написала про то, как мне было страшно на нее смотреть. Яблоня – это жизнь. Мой отец был учителем биологии, и он всегда учил меня, что все возрождается – деревья, трава. Только люди не могут возродиться. Была жизнь, пришли фашисты, и вот яблонька осталась, а людей нет.

Видимо, мамино влияние на меня было очень сильным, потому что я тоже стала учителем истории и стала возить в Андрюково уже своих учеников. С помощью Виктора Ивановича Розанова, который был тогда вице-президентом общественной организации «Союз возрождения Псковского края», и командира поискового отряда «Велес» Андрея Белугина

АЛЕКСАНДР КОРНЕЕВ

мы по своей инициативе поставили первые указатели на ближайшем шоссе, которое проходит мимо Андрюкова к Иванову. Они сообщали, что сворачивающая с шоссе грунтовая дорога ведет к великолукской Хатыни.

А еще нам первыми удалось поговорить с Антониной Ниловной. Узнали о ней случайно. Мы дружили с поразительным человеком, учительницей из маминой школы Надеждой Ивановной Берзиной. И когда я в очередной раз рассказывала ей об Андрюкове, она посоветовала: «Тебе надо встретиться с Антониной Ниловной. Она, кажется, из тех мест». Надежда Ивановна попросила у Антонины Ниловны разрешения на нашу встречу. Та отказала: «Не хочу вспоминать прошлое». И только долгими усилиями Надежды Ивановны, человека честнейшего и порядочного, удалось ее переубедить.

На встречу с Антониной Ниловной я взяла с собой свою ученицу Лизу. Она была умной девочкой, но всегда как будто считала себя выше остальных ребят. Мне было важно показать ей, что есть другая сторона жизни, не только тот глянец, к которому она стремилась. «Будешь записывать интервью», – поручила я ей.

Мы просидели у Антонины Ниловны несколько часов. Наша собеседница прерывала свой рассказ, уходила на кухню, пила воду, принимала таблетки, просила подождать и дать ей немного отдохнуть. Мы медленно погружались в ледяной ужас пережитого. Когда мы с Лизой вышли на улицу, я ни о чем ее не спрашивала. Поняла, что нам обеим тоже нужно время, чтобы перевести дух. Вокруг нас цвела жизнь, был май, все зеленело, а в рассказах Антонины Ниловны сгорали заживо люди. Потом Лиза сказала мне: «Спасибо, что вы взяли меня с собой». Мне было важно услышать эти слова. Стоящая передо мной девочка поняла цену жизни...».

Виктор Иванович Розанов, вице-президент ООО «Союз возрождения Псковского края» с 2005 по 2018 год, много сделал для того, чтобы привести памятник Андрюкова в порядок

ИСТОРИЯ ТЕХ, КТО БУДЕТ ПОТОМ

С девочками мы встретились в одной из питерских кофеен – одноклассницы из Великих Лук, ученицы Ирины Михайловны, давно перебрались в город. Мне было важно понять, как работает та самая «связь времен», что остается в памяти и сердце, когда тебя учит истории Ирина Михайловна Кузьмина? Начали с корней, это важно. «Не все могут говорить о войне. Мне кажется, взрослые, прошедшие войну, жалели не видевших ее детей, не рассказывали им всей правды. А мой папа многое рассказывал, – начинает разговор темноволосая Дарья Агурьянова. – Хотя отец и родился после войны, но сохранил для меня воспоминания очевидца – моего прадеда, который пережил оккупацию в деревне под Великими Луками. А бабушке с мамой стороны в войну было 14 лет. Она рыла окопы под Великими

Луками, потом ее увезли в тыл без родителей, и она работала на военном заводе в Челябинске, за это ей дали награду. Моя прабабушка по маме, как и прадед, пережила оккупацию в великолукской деревне с оставшимися детьми. Еще до войны она буквально выходила, вылечила народными средствами своего сына, который не мог двигаться из-за туберкулеза костей. Во время войны мой дядя стал летчиком. В 1943 году он выпрыгнул из горящего самолета, сильно обгорел, попал в госпиталь под Москвой и там умер от ран. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «За отвагу». О войне в нашей семье знают не понаслышке...

Ирина Михайловна с пятого класса была нашей учительницей истории. Летом, когда заканчивались занятия в школе, мы обычно ходили в походы, и однажды она привела нас в Андрюково. Мы доехали до поворота, а потом шли через поле к обелиску. Был прекрасный майский день, нам было весело. А затем нам рассказали, что произошло на этом поле. Для нас это было удивительно: за что убили столько людей? Почему это произошло? Там были маленькие дети, и мы тоже – дети. А что, если бы мы оказались там? Мне кажется, детям надо чувствовать, что свидетели

Установка указателя на повороте к обелиску в Андрюкове, в центре – Антонина Ниловна Бородуля. 2007 год

«Мои дети пока совсем маленькие, – продолжает моя собеседница. – Но когда они подрастут, обязательно привезу их сюда. Хочу научить их ценить жизнь». Заблоченное поле у Андрюкова перекопано вдоль и поперек оросительными каналами, до Санников – 7 километров лесом. И нет ни у бывших сельсоветов, ни у Великолукского района денег на дорогу, устало объясняет мне Александр Григорьевич Смирнов: «Только на территории Переслегинской волости 9 братских захоронений и три памятных места. Без федеральной помощи не потянуть».

P.S.

В 2017 году у трассы, где начинается поворот на Андрюково, силами великолукской администрации в память о сожженной деревне был установлен мемориальный крест. Хорошо, что появилось это напоминание. Но новодельный памятник не заменит внутреннего потрясения, пережитого на подлинном месте гибели людей. Там и есть настоящее место памяти – об этом говорили все мои собеседники. «Культурная память, сберегаемая для будущего, хранится не только в библиотеках, музеях и архивах – она привязана и к определенным топографическим координатам. Эта часть культурной памяти недвижима, ее нельзя перемещать; нужно самому совершить путешествие, чтобы соприкоснуться с ней – так определит значение «мест силы» известный специалист по мемориальной культуре, немецкий историк Алейда Ассман. – Особой задачей мемориальных мест в пространстве и времени является возвращение событий прошлого в настоящее. Без подобных мест памяти событиям прошлого никогда не стать частью коллективной и культурной памяти, которую можно передавать из поколения в поколение».

Только прикоснувшись к посыпанной пеплом и залитой кровью земле Санников и Андрюкова, живым можно понять настоящую цену жизни.

Уборка на обновленном захоронении в Андрюкове к 9 мая 2011 года

Дарья Егорова (Агурьянова), выпускница великолукского лицея №10, ученица Ирины Михайловны Кузьминой (2004). Этому поколению и их детям хранить память дальше

гребенных здесь людях. Хочется видеть здесь памятник про человека – мне так ближе. Человеческий масштаб помогает прочувствовать личную трагедию. И по материалу – что-то рукотворное, тактильное...».

«Дорога к обелиску должна быть удобной, чтобы туда смог добраться и маленький ребенок, и пожилой человек. Возможно, часть ее стоит пройти пешком, и это уже будет началом мемориала, – поддерживает подругу Ольга Чернова. – Остановиться у дорожки, почитать таблички с историями погибших, рассмотреть их фотографии, узнать, как деревня жила до войны. И постепенно приближаться с еще ничего не подозревающими людьми к страшной развязке».

из личного архива

войны были такими же людьми, как и они сами». Очень важно, признается Дарья, оказаться на самом месте трагедии. Поэтому так нужна хорошая дорога к Андрюкову, указатели на трассе. Чтобы люди, которые ничего не знают про великолукскую Хатынь, могли сюда добраться и отдать дань памяти погибшим. «Когда, путешествуя, мы с друзьями проезжаем в других странах подобные мемориалы, всегда останавливаемся, чтобы рассмотреть их подробнее, – рассказывает Даша. – Эти места потом невозможно забыть. Так складывается история страны. Она вспоминает Музей Холокоста в Берлине. Там есть витрины с обычными домашними вещами, а рядом – история человека, которому этот предмет принадлежал. Например, швейная машинка. Стенд рядом рассказывает, что хозяйку забрали и увезли в Освенцим, а машинка чудом сохранилась у выживших родственников, которые потом передали ее в музей. «Мне кажется, Андрюково заслуживает не только мемориала, но и места памяти, – говорит Даша. – Чтобы добравшийся туда путник мог посидеть около обелиска, послушать тишину, узнать о по-

САПОГИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ИЗ ОДНОГО КВАДРАТНОГО МЕТРА КИРЗЫ ПОЛУЧАЛИСЬ ДВЕ ПАРЫ САПОГ. ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БОЛЕЕ ПОЛОВИНЫ РЯДОВОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ НОСИЛО КИРЗОВЫЕ САПОГИ, СДЕЛАННЫЕ ОБУВЩИКАМИ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

«Д

О СИХ ПОР НЕ совсем понимаю, // Как же я, и худа, и мала, //

Сквозь пожары к победному Маю // В кирзачах стопудовых дошла». Школьница Юлия Друнина, прибавившая себе год, чтобы попасть на фронт, сменила туфельки на грубую солдатскую обувь в 16 лет. Ее первый муж, поэт Николай Старшинов, вспоминал о знаком-

стве с демобилизованным после контузии батальонным санитаром Друниной, которая ходила по коридорам Литературного института в солдатских кирзовых сапогах.

История кирзы началась в начале XX века. В 1904 году инженер-генерал-майор Михаил Поморцев пропитал несколько слоев парусины смесью из яичного желтка, парафина и канифоли.

Этот первый отечественный кожзаменитель был одобрен Артиллерийским комитетом и назван «кЕрза» (от англ. Kersey – «грубое сукно»). Сапоги из керзы успешно прошли испытание в Русско-японской войне, а затем и в Первой мировой. Однако со смертью Поморцева в 1916 году развитие производства керзы сошло на нет. К изобретению Поморцева вернулись в 1930-е годы: советские химики Борис Бызов и Сергей Лебедев наладили выпуск синтетических каучуков, которые использовали для пропитки тканей. В 1941 году из Москвы в Киров для налаживания производства керзы прислали химика-изобретателя Ивана Плотникова. Еще до войны он вместе с инженером Александром Хомутовым сконструировал оборудование, на котором, используя наработки Поморцева, Бызова и Лебедева, получил первую советскую керзу. В войну именно Киров стал местом массового производства материала для солдатских сапог. Тогда же «керза» превратилась в «кирзу».

Каска,
котелок, ложка
доставлены
в музей с полей
сражений

Этот репродуктор висел
на улице поселка

ЮФТЬ И КИРЗА

Как случилось, что в богатом на экспонаты музее Вахрушевской средней школы не оказалось кирзовых сапог, учительница истории Людмила Николаевна Кушкова не знает. А ведь здесь можно увидеть даже деревянные модели обуви местной фабрики, построенной купцами Вахрушевыми еще в середине XIX века. Гордость музея – старые яловые сапоги, которые выпускались на фабрике в Вахрушах во время Русско-японской войны. Рядом с ними на полке сто-

ят сапоги с длинными носами, которые, возможно, тачались еще во времена Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Создательница экспозиции, покойная Слава Александровна Мясникова, работавшая модельером Вахрушевского кожевенно-обувного комбината, очень гордилась этими экспонатами. А вот что-

В коллекции
хранятся сапоги
с подошвами
на деревянных
шпильках

Неисчислимо количество
литературных произведений,
в которых упомянут армейский сапог

бы в школьном музее появились кирзовые сапоги, которыми вахрушевские обувщики в годы войны снабжали Красную армию, Людмиле Николаевне пришлось долго допрашивать мужа: куда он спрятал сапоги после того, как прошлой осенью работал в них на огороде? Сапоги отыскались в дровянике...

Учительница истории взяла за уши пару кирзовых сапог и поставила их на стол перед нами. «Здесь литьевое крепление. А во время войны было гвоздевое крепление. Они долго были гвоздевые», – объясняет Людмила Николаевна. Это раньше знал каждый ученик Вахрушевской школы. В детстве Людмила Николаевна не раз бывала на Вахрушевском комбинате, где эти кирзовые сапоги шили. В летние каникулы она, как и ее подруги, подрабатывала: покрывала готовые сапоги черной аппретурой, чтобы они блестели.

В школьном музее немало экспонатов, связанных с войной. Старая армейская фляжка с мятинами, привезенная из-под Ленинграда. Керосиновая лампа военного времени: на производстве не хватало электричества, часто работали при свете таких ламп. Старый репродуктор принес один из жителей поселка. А вот стертая солдатская ложка из алюминия, на которой выцарапана фамилия бойца. Но наше внимание привлекают старые кирзовые сапоги на столе. «Юлия Друнина называет кирзачи стопудовыми», – говорит Людмила Николаевна. – Но вот яловые-то намного тяжелее

были. Подержите их в руках! Ведь чем хороша была кирза? Легче и дешевле натуральной кожи!»

Считается, что с середины XIX века, когда Вахрушевы стали выделывать и производить кожу, поселок Вахруши (сначала это была деревня Малоозавалинская, потом село Вознесенское-Вахрушевых) мало изменился. Здесь до сих пор стоят каменные дома, которые возвели основатель производства Тимофей Вахрушев и его сыновья. В них и сегодня живут люди. Каменный храм, превращенный после революции в жилой дом, тоже построили Вахрушевы. Достопримечательностью поселка считается неоготический особняк одного из Вахрушевых, возведенный по проекту вятского архитектора Ивана Чарушина. Сейчас в нем столовая. От особняка всего несколько шагов до ворот бывшего Кожевенно-обувного комбината им. Ленина, где в корпусах, также построенных Вахрушевыми, располагается несколько обувных предприятий. Тут до сих пор шьют обувь для армейских нужд. Конечно, крестьянин-маслобойщик деревни Малоозавалинская Тимофей Вахрушев, который основал на берегу реки Моховицы выделку юфти и производство обуви, вряд ли понимал, что заложил производство сапог для Российской армии. Дело решила местная юфть: в силу ряда особенностей она имела хорошие водоотталкивающие свойства, что и стало решающим фактором при выборе материалов для амуниции. Армейские сапоги помогли наследникам Тимофея Вахрушева

Неоготический особняк был возведен последними фабрикантами на «сапожные» деньги

расширить дело. В 1910 году в Вахрушах уже работала механизированная обувная фабрика, а годом ранее газета «Новое время» писала, что одни вятские заводчики могли бы обеспечить сапогами всю армию. Так что когда началась Великая Отечественная и главный центр производства кирзы оказался на

Кировском комбинате искусственных кож, то ответ на вопрос, где шить кирзовые сапоги, был очевиден. В Вахрушах.

...На светло-зеленом фасаде административного корпуса предприятия «Вахруши-Литобувь» можно увидеть две мемориальные доски. Они сообщают, что в годы войны работниками Вахрушевского кожевенно-обувного комбината и работниками эвакуированного на комбинат обувного предприятия им. Леккерта из Торжка было выпущено 8,5 миллиона сапог. Доски установлены в рамках проекта областной ветеранской организации «Надежный тыл». Почетное право их открытия было предоставлено 93-летнему ветерану труда и труженику тыла Владимиру Федоровичу Соколову. «Помимо кирзы, – объясняет ветеран, – в производстве сапога применяли юфть. Кирза позволила облегчить и удешевить сапог. Но сам кирзачто комбинированный. Нижняя часть, в том числе носок, изготавливается из юфти, остальная часть, в том числе голенище, из кирзы».

Соколов мальчишкой пришел на комбинат в 1942 году. Мать его умерла, брат погиб в боях под Ленинградом. Приютила его тогда семья замужней старшей сестры.

Владимир Соколов встал к станку в годы войны

13-летний паренек работал мездрильщиком, очищая шкуры от подкожной клетчатки и сала, работал в зольно-дубильном цехе учеником слесаря, чистил насосы, коллекторы, обслуживал тянущие машины... Сырье загружали в двухметровые чаны, где оно отмокало, затем перебирали, обрабатывали химическими препаратами, снова загружали и перегружали. Поворочай каждую партию по 2 тонны весом 14 часов в сутки! Владимир Федорович и сейчас легко может перечислить сырье, которое шло на изготовление юфты для сапог: полукожник, яловка легкая, бычина легкая...

Эта тяжелая работа спасала мальчишку от голода. На сырьевых базах мясо со шкур снимали неровно, чтобы не испортить шкуры. Прежде чем приступить к работе, он срезал со шкур остатки мяса и варил их в ведре. Владимир Федорович проработал на комбинате 52 года. Закончил трудовую деятельность бригадиром клееваров. «Я так привык к этой работе, – на прощание признается старик, – что до сих пор хожу на улицу, где стоит комбинат, чтобы подышать родным запахом кожевенного производства!»

РУЧНАЯ РАБОТА

Заместитель директора по социальным вопросам предприятия «Вахруши-Литобувь» Любовь Николаевна Плотникова хранит реликвии, свидетельствующие о былой славе вахрушевских обувщиков: знамена, грамоты, Книги почета, фотографии. Кстати, только на старых фотографиях можно увидеть одноигольные колонковые машины, на которых шились кирзовые сапоги для фронтовых дорог. С них Плотникова обычно начинает экскурсии для школьников. Рассказывает, что все больше места на производстве занимают новинки научно-технического прогресса, а вот раньше основная часть производства требовала ручного труда. Во-

В этих стенах
шили кирзачи

Так под иглой
колонковой
машины
рождается
новый сапог

обще, старого оборудования, на котором шили сапоги в Вахрушах во время Великой Отечественной, не осталось. В годы войны новое оборудование на фабрику не поступало, а прежнее пришло в негодность, как и колодочное хозяйство. «Но на качестве сапог это не сказывалось, – заверяет Любовь Николаевна. – Кстати, раритетные колонковые машины, которыми в 1950-е годы заменили старые, остались. Они почти точная копия тех, на которых шили кирзовые сапоги в войну. Хотите взглянуть?»

Мы посмотрели. Машины чем-то напоминали... пулеметы.

О том, как предприятие в годы войны справлялось с огромным заказом на сапоги, Плотникова знает из записанных воспоминаний и по устным рассказам ветеранов труда. Когда мужчины ушли на фронт, в цеха фабрики пришли девушки и женщины. Когда стало ясно, что производство нуж-

Эти помещения хранят память о трудовых вахтах военного периода

но увеличить, к станкам встали и подростки. Фронту нужны были сапоги. В целях экономии и из-за сложностей в снабжении приходилось импровизировать. Применявшаяся в производстве мука была заменена опилками. В результате перевода дубления кож на полусухой метод напловину сократили расход танидов. К каждому сантиметру юфти и кирзы относились как к драгоценности. И главное: был запущен свой фурнитурный цех для изготовления подошвенных и каблучных гвоздей.

Кстати, последний крупный заказ на пошив кирзовых сапог военной поры в Вахрушах приняли десять лет назад от «Мосфильма». Вахрушевы посчитали выполнение заказа данью памяти ветеранам Великой Отечественной войны. Изготовили сапоги в рекордные сроки.

При слове «кирза» Любовь Плотникова немного морщится. И это понятно: как не вспомнить тяжелый запах, слезящиеся глаза и черные от кирзы руки? Вот только этимологию слова «кирза» Плотникова объяснить не решилась. «Это лучше на «Искож» узнать!» – посоветовала она. Всю кирзу для солдатских сапог привозили в Вахруши с Кировского комбината искусственных кож.

...Когда Лариса Леонидовна Мицина училась в Кировском механико-технологическом техникуме, предмет «технология искусственной кожи» преподавал Дмитрий Иванович Жилин. Это

Сегодня кирзачи производят на другом оборудовании

был высокий, добродушный человек, любивший пошутить со студентами. Однако когда дело доходило до кирзы, Жилин всегда сильно критиковал авторов справочников, в которых указывалось, что слово «кирза» имеет иностранное происхождение. Особенно поднимал на смех версию, согласно которой к созданию кирзы приложил руку министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон. Дмитрий Иванович внушал студентам, что «кирза» – это акроним от «Кировский завод искусственных кож». Как производилась кирза, Лариса Мицина увидела, когда в 1967 году, после окончания техникума, пришла работать лаборанткой на Кировский комбинат искусственных кож. «Я застала работниц, которые делали кирзу в военные годы», – говорит председатель совета ветеранов киров-

ского комбината «Искож» Лариса Леонидовна Мицина.

Сначала на комбинате производили шорно-седельные изделия для лошадиной упряжи. Затем из Москвы прислали инженеров-химиков Хомутова и Плотникова, а оборудование переделали под промышленное производство кирзы. К сожалению, людей, помнивших московских специалистов, Мицина не застала.

Зато помнит, как первое время ее пугали черные руки работниц цехов, жаловавшихся на кожные заболевания. Дело в том, что в смесь, которой обрабатывали трехслойную хлопчатобумажную ткань для превращения в кирзу, входили сажа, каучук, химикаты для вулканизации, бензин, формалин... Запах стоял невыносимый. Смесь эту ведрами заливали в пропиточные ванны, черпая из тележки, которая катилась по цеху. Потом ткань пропускали через машину, наносившую лицевой слой кирзы. Чтобы убрать наплывы с ткани, женщины, не останавливая механизм, ножами срезали ступки, рискуя потерять под валами руки. Потом материал шел под барабаны, которые делали тиснение под кожу. 70-килограммовые рулоны ткани женщины часто таскали сами. Готовую кирзу вручную резали ножами.

Сколько сапог прошло через руки Валентины Бушмелевой, она и сама не знает

Забивают гвозди в подошвы кирзачей только по заказу киностудий

Помнит Мицина и тех работников, которые наждаком зачищали многометровые куски готовой кирзы, чтобы убрать неровности лицевого слоя. Она тогда поинтересовалась у них: а не проще ли в брак такие куски списать? Но работницы ответили юной лаборантке, что в войну каждым сантиметром кирзы дорожили.

В раствор, который наносился на кирзу после тиснения под кожу, входил клейстер на основе казеина. Чтобы отправить под ракуль дополнительную порцию раствора, надо было надеть резиновые перчатки. В войну их не хватало. Поэтому работницы приспособились окунать руки в горячий раствор хозяйственного мыла, после чего зачерпывали раствор, чтобы отправить его в машину. Так казеиновый клейстер не приставал к рукам...

ДОШЛИ ДО БЕРЛИНА

Памятник труженикам тыла, открытый в 2016 году в Кирове, представляет собой группу: мальчик передает ППШ войнам Красной армии. За спиной подростка барельеф с изображением различных видов деятельности тружеников тыла. Изготовления кирзы и пошива сапог среди них нет. Но работницы, благодаря которым армия в годы войны была обе-

Другой обуви для подростков у станка в то суровое время не было

Памятник перед Кировским комбинатом искусственных кож

спечена кирзовыми сапогами, не обиделись, увидев, во что обут мальчик. «В наших кирзачах стоит!» – сказали они Мициной, когда навестили музейную комнату при совете ветеранов.

...Владимир Федорович Соколов рассказал, как готовил кожу для носков солдатских сапог, Лариса Леонидовна Мицина поведала, как производила кирзу для голенищ, а 93-летняя Валентина Васильевна Бушмелева и сейчас во всех подробностях рассказывает своим правнукам, как всю жизнь шила кирзовые сапоги. Впервые она сшила кирзачи, когда ей исполнилось всего 14 лет.

На Вахрушевский кожевенно-обувной комбинат она пришла работать в 1942 году. Отец и брат погибли на фронте. Дома, в деревне Луза, плакали от голода младшие братья и сестры. А на комбинате работникам выдавали 500 граммов хлеба. От деревни Луза до ворот комбината было 7 километров. Первое время Валентина проходила их босиком – обуви у нее не было. Чтобы пропустили на проходной комбината, подругам приходилось выносить ей свои ботинки. Сначала работала уборщицей, потом ее посадили за одноигольную машину пришивать перед сапог. С 1942 по 1952 год Валентина каждый день ходила на комбинат. Сапоги девочке казались тяжелыми. Запах от кожи и кирзы был одуряющий. Почерневшие ладони и запястья она отмывала долго.

«Вот, гляди-ка, – говорит она дочери Галине, протягивая руки, – может, я слепа, но до сих пор черноту вижу!» Галина, внуки и правнуки уверяют Валентину Васильевну, что руки у нее чистые, а пахнет от нее духами, а не кирзой.

А Валентине Васильевне до сих пор снятся бесконечные ряды черных кирзовых сапог. «Мы сапогам, – вспоминает Валентина Васильевна, – говорили, чтобы они дошли до Берлина. Так ждали Победы!»

ВЛАСТЬ ВЕДЬМ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОЛДОВСТВО В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV–XVI ВЕКОВ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ВЕДЬМОВСКИЕ КОЗНИ ПРОНИЗЫВАЮТ РУССКУЮ ИСТОРИЮ. ИСКОНИ ВРАГ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОСЯГАЛ НА ОБИТАТЕЛЕЙ И ОСОБЕННО ПРАВИТЕЛЕЙ РУСИ. ФОРМЕННЫЙ БЕСПРЕДЕЛ НАЧАЛСЯ СРАЗУ ПОСЛЕ ТОГО, КАК МОСКОВСКИЕ КНЯЗЬЯ ПРЕКРАТИЛИ МЕЖДОУСОБИЦЫ И ПРИСТУПИЛИ К СОБИРАНИЮ СТРАНЫ.

БЛАГОЧЕСТИВЫЕ ГОСУДАРИ подвергались непрерывным нападениям. Сами они, находясь под Господним покровительством, были недоступны для дьявольских каверз, но в заботах окружали себя сподвижниками, лишенными подобной благодати. Через этих сподвижников и действовал сатана. А кроме того, бил по близким родственникам, беспечным женам, падучим на мед искушения, и детям малым, непричастным Святым Даров. Прародитель всех бед ранил куда мог, метя в государеву душу, душу страны, душу царствия земного, душу каждого православного христианина. И это вечный бой. Параллельный мир духов незрим, но бесспорно существует, что подтверждается церковными канонами. Христианин не может сомневаться в его реальности, как и в том, что духи бывают добрыми и злыми, ангелами и демонами. Уже при крещении неопит признает приверженность добру. Святой отец вопрошает: «Отрицаеши ли ся сатаны, и всех

дел его, и всех аггел его, и всего служения его, и вся гордыни его?» Ответ: «Отрицаюся!» Так всегда, но потом проходят годы, человек слаб, а дьявол хитер – верность нарушить легко, он поможет.

Попущением Господним бесы искушают людей, которым ради спасения души необходимо следовать евангельским примерам, внимать церков-

цы божии – мнихи, схимники и благочестивые священнослужители, возглавляемые церковью, вооруженные святыми таинствами, постом и молитвой. Потери бывают и с той, и с другой стороны. Но утрата овцы несопоставима с утратой пастыря. Его душа особенно полезна врагу человеческому, стократ вкусней простых невегласей.

Государь – отражение Царя Небесного на земле, его образ и зеркало. Вне священства он – главный, знамя страны, лик народа, ответ за всех перед Господом. Его грех – общий грех; его искушение – искушение для каждого; его падение – генна для мира тленного, триумф сатаны и конец времен. Чем ближе государь к идеалу, тем ожесточеннее борьба демонов за него, вокруг него; тем изощреннее их злодеяния. Это особенно видно на истории становления Московского государства.

Дьявол делал все возможное, чтобы искоренить православие, не дать ему власти в Святой Руси. Первый Рим пал, погрязнув в ересь; второй не устоял

ным предписаниям. Порой бесы буквально захватывают, вселяются в того, кто дал повод или просто слаб. Более того, беса можно наслать, поклонившись ему, потребовав в качестве платы ущерб кому-то. Конечно, не на каждого они способны покуситься. Праведник, например, в полной безопасности. Кроме того, зло далеко не все- сильно. Ему противостоят агн-

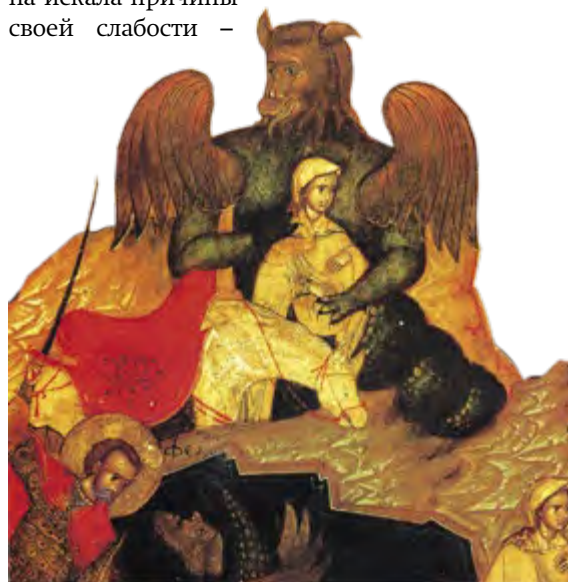
КОЛПАК АНЖЕЛЫ ВУЛШЕВОЙ

от сарацин в 1453 году; и лишь последний, третий – осколок правоверия в далекой Московии – жив. Только он начал набирать силы, как на него обрушились сатанинские удары. Особым нападениям подвергся государь – великий князь Иван Васильевич, которого иногда называли царем. Праведность его не вызывала сомнения, а потому бесы атаковывали супруг, детей, семья его, наследие, чтобы не пророс корень благочестия в землях русских.

ВОРОЖЕЙ И КОЛДУНЫ-ВРАЧЕВАТЕЛИ

Казалось бы, именно в годы падения Константинополя в Москве обосновалось счастье. В 1452 году венчался наследник московского престола, будущий великий князь Иван III, с тверской княжной Марьей Борисовной. Мужу было 12 лет, супруге – 10. Единственный сын, Иван, родился у них в 1458-м. Это был брак по расчету. В 1446 году в ходе гражданской войны князь Василий Иванович

был изгнан из Москвы Дмитрием Шемякой, ослеплен и вынужден укрываться в Твери. Дабы заручиться поддержкой местного князя Бориса Александровича, Василий Тёмный обещал женить сына на его дочери. Позднее расстановка сил изменилась, но слово есть слово, брак состоялся, хотя многодетным не стал. Молодая княжна искала причины своей слабости –

а слабость в этом вопросе тогда признавалась только за женщиной – и в итоге обратилась за помощью к знахарке. Вот тут сатана и нанес свой удар.

Ведуны занимают пограничное положение, иногда пересекая грань дозволенного. Им доступен мир неведомого. Ведь любая болезнь лишь отчасти от телес, в большей степени она порождение духовного ущерба. Бесы терзают человека за грехи, а потому нужно молиться, причащаться, поститься, гнать их. Если неведомо, то обманывать. В особых случаях – договариваться, торговаться. Тут важен посредник – ведун, чародей. Он может излечить, принять на себя бесовский удар, отвести его, исхитриться. Это, конечно, грешная и запрещенная практика, признак слабости, риск, но иногда помогает. Мария решилась. И послала свой пояс с прислужницей Натальей, женой дьяка Алексея Полуэктова, бабке-ворожее. А через несколько дней слегла и преставилась, не дожив до

25 лет. Как хоронить стали, возложили на нее святой покров, с излишком, чтобы все покрыл, даже свисал. Чуть отошли, а он уже мал. Тело набухло, ткань сползла. Ясно стало, что бесовскими кознями сведена в могилу супруга великокняжеская. Иван приказал провести следствие. Выяснилась роль Полуэктовых, история с поясом и бабкой. Все причастные подверглись репрессиям. Но поскольку на то была воля княгини, казней не случилось. Полуэктова на шесть лет отлучили от двора. О других летопись умалчивает. Захоронили Марию 24 апреля 1467 года в кремлевском Вознесенском соборе, а через пятьсот лет ее останки обследовали и обнаружили в них большое содержание ртути, что, возможно, и стало причиной смерти. Ртуть – жидкий ме-

талл – известна с древности и применялась в многочисленных строительных, медицинских и прочих практиках. У Марии была травма грудной клетки, которую, надо полагать, лечили какими-то сложносоставными мазями. Так бесы и подобрались к ней. Но Бог хранил князя Ивана, не убив, сделал сильнее веру его и вручил венец царский. Оженился он снова в 1472 году на Софии Фоминичне Палеологине, племяннице последнего византийского василевса, Константина, передавшей кровь и дух римских императоров на Русь. Родила она Ивану шестерых сыновей и многих дочерей, но козни врага человеческо-

го не оставляли благочестивое семейство. Колдуны-врачеватели продолжили попытки подобраться к трону. В 1483 году явился «некий немчин Онтон», зарекомендовавший себя сначала умелым знатоком. И был он в большой чести у великого князя. А тут заболел князь касимовский Каракуч. И поручили Онтону лечить его. Каракуч на слово был остер, опаслив до сатанинских практик, подозревал Онтон, порицал его. И не смог Онтон скрыть злобы своей. И умирал Каракуча «смертным зельем за посмех». Великий князь Иван потребовал наказать Онтон смертью – единственным лекарством для колдуна. Врача отвели на Москву-реку «под мост зимою» и зарезали ножом «как овцу». Ритуальный характер казни здесь не очень заметен, но ясно, что простых преступников не отправляли именно под мост и не кололи как животных, чтоб кровь потом речная вода смыла – другие казни были публичными и должны были быть приме-

ром для окружающих, демонстрироваться, а не замалчиваться, делая экивок миру астральному.

В 1490 году новый иноземец втерся в окружение великого князя – магистр Леон, «жидовин из Венеции». Прибыл он в Москву из Рима вместе с родным братом царицы Софии, а потому первое время вызывал доверие. И взялся лечить камчугу (подагру) у княжича Ивана, наследника русского престола, сына Марьи Борисовны. И дал ему «зелье пити», и «жещи нача скляницами по телу, вливая горячую воду», и стало Ивану хуже, и умер он. Понятно стало, что Леон злую волю исполнил. На сороковой день поминовения отвели Леона на реку на Болвановье и отсекли голову. Формат казни для дьявольского приспешника был таким же, как и в прошлом случае.

ЖЕНЫ-КОЛДУНЫ

После смерти княжича Ивана остался сын Дмитрий, внук великого князя. Но подрастали и дети Софии, также претендовавшие на роль наследников. В конце XV века особенно жестокие интриги поглотили придворную жизнь Москвы. Впоследствии, в 1570-е годы, бежавший в Великое княжество Литовское Андрей Курбский писал во вступлении к своей «Истории о делах великого князя Московского»: «Если бы рассказывал я с самого начала и все подробно, много бы пришлось писать о том, как посеял дьявол скверные навыки в добром роде русских князей прежде всего с помощью их злых жен-колдуний. Так ведь было и с царями Израиля, особенно когда брали они жен из других племен». Женщины слабы на искусы, а потому, как считали современни-

головы, а некоторым еще руки и ноги.

Расследование выявило причастность к событиям царицы Софии Палеологини, к которой «приходиша бабы с зелием». Колдуний («баб лихих») сыскали, арестовали и казнили так, чтобы нейтрализовать их посмертную колдовскую силу – бескровно: утопили в реке ночью. А царь Иван стал держать супругу на отдалении и относиться к ней с опаской: «жити в бережении». Ясно было, что дьявол подобрался слишком близко. Курбский

прямо называл Софию «кудесницей-гречанкой»: он считал, что будущий Василий III «от чародейницы гречки рожден». Иван решил передать трон Дмитрию, которого венчал на великое княжение в 1498 году. Но к 1502-му ситуация изменилась. Влияние на отца вновь захватил Василий, а Дмитрий с матерью оказались в опале. В итоге они были даже арестованы. В какой-то мере на это повлияла их близость к интеллектуальному кружку «жидовствующих», вскоре осужденному как еретический. После церковного собора 1504 года все его активисты были публично сожжены. А в 1505 году умер и сам великий князь. Престол перешел Василию, который не стал освобождать племянника, а дождался его смерти. Коронованный наследник Дмитрий умер в порубе в 1509 году. Пока тот был жив, Василий не решался венчаться на царство. А потом уже и не важно было. Никаких подобных церемоний при великом князе Василии так и не состоялось. Он был правителем по праву рождения, а не миропомазания.

ки, именно через них бесовские козни особенно близко подбирались к правителю, что отражалось в целом на политической жизни. Так, в 1497 году в Московском государстве разразился скандал, в ходе которого старший великокняжеский сын, княжич Василий, был арестован («посажен за приставы»), а его мать София оказалась в опале. Судя по летописным свидетельствам, речь шла о заговоре с целью государственного переворота. Сторонники Василия признали, «что отец его князь великий хочет жаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего князя Дмитрея Ивановича» и стали торопиться с упреждающими мерами. Царевич Василий должен был «отъехать» от отца, собрать сторонников в Вологде и предъявить свои претензии на власть. Царевича Дмитрия планировалось умертвить. Возможно, кто-то намекал и на жизнь великого князя Ивана, который, узнав о заговоре, был беспощаден. 27 декабря 1497 года шесть организаторов восстания из числа детей боярских казнили: всем отрубили

Только сын Василия, будущий Иван IV, через пятьдесят лет, в 1547 году, был коронован. Тогда ритуал модернизировали: Иван надел шапку Мономаха, но стал именоваться не просто великим князем, а царем – первым венчанным царем на Москве. Это потом. Путь династии к этому триумфу был сложен. За грехи недобрых родственников и советников Василий Иванович долгое время был наказан бездетностью. Вплоть до 1530 года наследника у него не было. Да и тот родился не без слухов о дьявольских каверзах.

УМОРИТЬ ГОСУДАРЯ

В сентябре 1505 года, буквально накануне смерти, великий князь Иван женил сына на боярской дочке Соломонии Сабуровой, но та оказалась бесплодной. После двадцати лет попыток, мучений и стыда она была пострижена в монахини, а Василий потребовал найти себе другую супругу. И уже в январе 1526 года 47-летний великий князь женился повторно – избранницей оказалась 18-летняя Елена, дочь литовского эмигранта князя Василия Львовича Глинского. Соломония прожила в иночестве еще семнадцать лет, преставилась в суздальском Покровском монастыре и была канонизирована церковью в лике преподобных. Поговаривали, что у нее таки родился сын, но уже в монастыре. А кроме того, болтали, что знахари старались разрешить ее от бесплодия, а потом приворожить охладевшего царя. Все тщетно. Но и новый брак не сразу спас династию.

Василий, писал Курбский, «будучи стар, с упомянутой преступной и совсем молодой женой разыскивал повсюду злодейских колдунов, чтобы помочь ему в деторождении, не желая, чтобы властителем по

нем был брат его». Только четыре с половиной года спустя у великокняжеской четы появился первенец – Иван, будущий Грозный. В 1532 году родился второй наследник – Юрий. А Василию было уже 53 года. Устойчивые придворные слухи передавали, что не обычными были те беременности, но от «злодейских колдунов», «от чаров» зачат был царевич, писал потом князь Курбский.

Уже следующей осенью, 1533 года, государь разболелся. Сохранилась пространная повесть о болезни и смерти великого князя Василия, созданная очевидцем. Там исключительно подробно описаны последние дни правителя. В сентябре 1533 года у него на задку образовался нарыв, возможно, сродни чирью («мала болячка на левой стороне на стегне на сгибе близ нужного места»). Первое время великий князь пытался недуг не замечать, но потом слег. В конце октября 1533-го на пути в Волоколамск ему стало совсем

плохо, было тяжело дышать, нарыв гноился и мешал движениям. Он едва смог добраться до Москвы и скончался через месяц – в ночь с 3 на 4 декабря. Престол принял 3-летний младенец Иван при регентстве матери Елены.

А в конце того же, 1533 года челобитную на имя царя подал некий Иван Яганов, долгие годы служивший соглядатаем на государственном содержании. Он докладывал, что «намедни» явился к нему на подворье некий Ивашко Черной, который тоже имел отношение к сыскной службе, возглавляемой дворецким боярином

Иваном Юрьевичем Шигоной Поджогиным, и попросил передать, что за некое «пожалование» готов выдать «тех мужиков», которые над великим князем в Волоколамске чародействовали («кудесы били»). Звали их «Грызла и Пронка Курица». Подкладывали они в руку Василия некую мошну с неведомыми реликвиями («мошинец»), а потом «похвалялись», что «на государя пакость наводили». «Мужики» эти были тогда в Москве, а держал их кто-то у себя «лиха для». Иванка обещал всех выдать. Понята на документе указывает, что его читали царице Елене. Но дальнейшая судьба донощиков нам неизвестна. Издатель документа М.М. Кром полагает, что ход делу дан не был, хотя речь шла о показательном примере «козней против юного государя».

Молодому Ивану пришлось выдержать еще немало бесовских покушений – вплоть до своей кончины первый русский царь вынужден был страдать от их обилия. Особенное впечатление на будущего великого самодержца произвели события 1547 года, во многом ставшего знаковым для всего позднейшего правления.

«КТО ЗАЖИГАЛ МОСКВУ?»

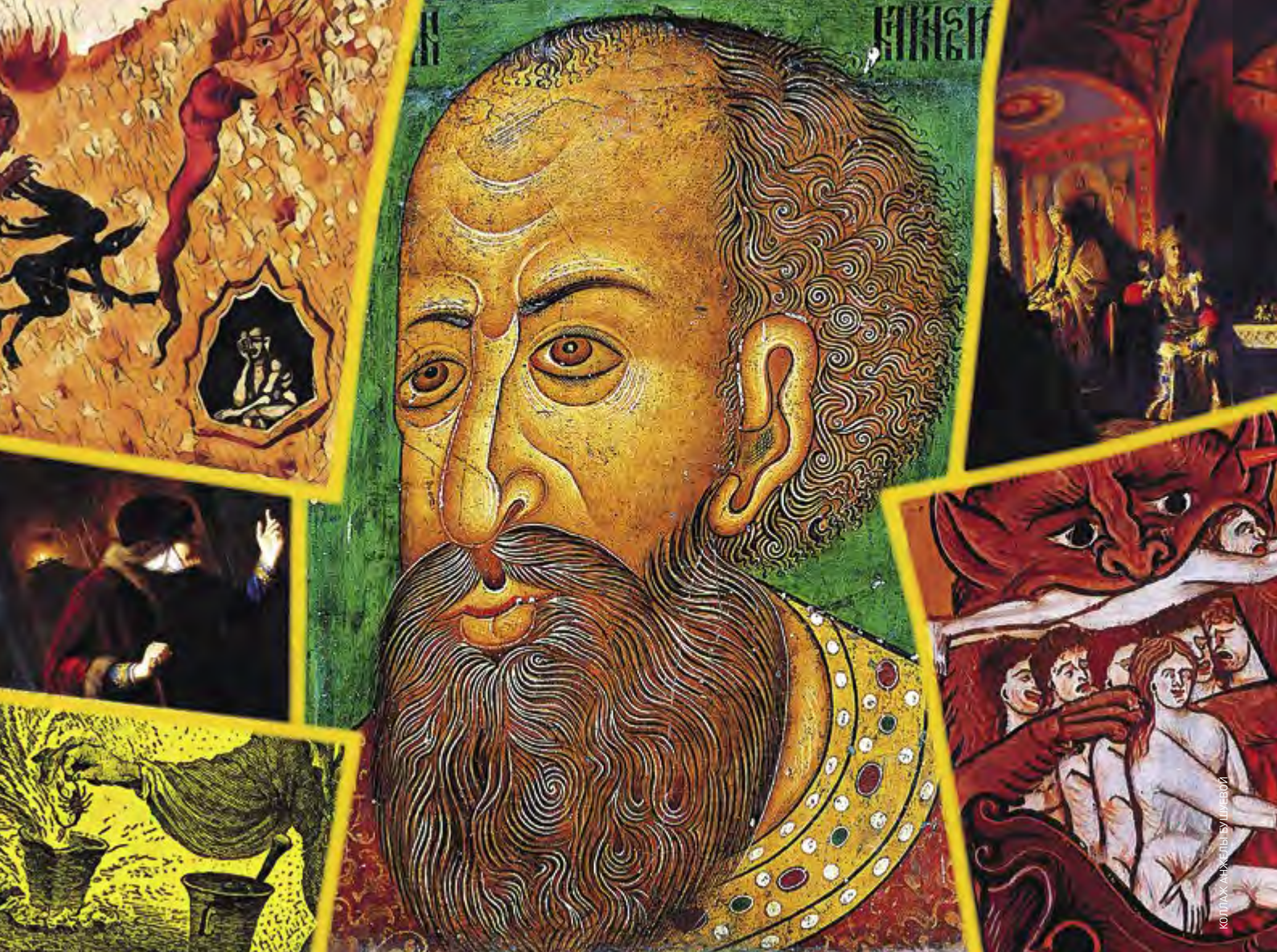
Это был год начала его царствования, а также оформления личной семейной жизни: 16 января 1547-го он был венчан на государство, а 3 февраля женился. 17 февраля с молодой супругой пешком отправился на богомолье к Троице и вернулся только 5 марта, во вторую субботу поста. И вдруг на Страстной неделе, в Великий вторник, 12 апреля, в Москве разразился страшный пожар, уничтоживший почти весь Китай-город. В одной из башен у реки рванул порох, разметав ее по окрестностям. К Пасхе все стихло. Но на следующей неделе в среду, 20 апреля, запылало за Яузой. Стали говорить о поджогах. Власти приступили к расследованию, еще когда не везде огонь потушили. Некоторых «зажигальщиков» нашли и казнили. Одним отрубили головы, других посадили на кол, а некоторых бросили прямо в тот пожар, что ими был почат.

Но апрельские ненастья оказались только прелюдией «вели-

кого пожара», который охватил Москву 21 июня 1547 года. Современники сравнивали его с апокалиптическим наваждением. Горело и сгорело все.

Мощь была такая, что «железо, яко олово разливашеся». Занялась церковь Воздвиженского монастыря на Арбате «от свечи». А потом разразилась внезапная буря. Ветер мгновенно разнес огонь во все концы столицы, перекинув в Кремль, где запылали главные храмы, Чудов монастырь, Оружейная и другие палаты, государев дворец с примыкающими постройками – всё. Была уничтожена царская казна, храмы лишились убранства и росписи, включая «деисус Андреява письма Рублева, златом обложен» в Благовещенском соборе. Огонь распространялся так быстро, что некоторые не успевали укрыться. Митрополита Макария пламя блокировало в Успенском соборе. Двое сопровождавших его погибли. Сам архиерей, спрятав на груди икону Богородицы, на веревках спустился через стену к Москве-реке. При этом веревка обгорела, и часть высоты он пролетел, упал и покалечился. Сатана бесновался по московским улицам гневом

на обретение православием нового царствия.

«Великие деревья и забрала крепкия и храмы многия от самыя земли из основания яростно восторгахуся и на высоту, яко плевы развеваемы и всюду разметаемы», – сообщается в Степенной книге. Мгновенно вспыхнув, пламя столь же внезапно спало, уничтожив столицу за считанные часы. Сметено было все. По летописцу Никольского, сгорело 25 тысяч дворов и 250 церквей. Погибли тысячи горожан: «1700 мужеска полу и женска» по одним данным, 2700 – по другим, 3700 – по третьим.

И навел «на нас Бог грехи ради наших»... Современники сверились с летописями и заключили: «таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоваться, великими князьями славна и честна быть по государству их». Город лежал в руинах, по пепелищу бро-

дили тысячи обездоленных. Молодой царь был в тот момент в загородной резиденции, а потому ужасов бедствия не видел; лишь на второй день после пожара отправился в Новоспасский монастырь

навестить едва спасшегося митрополита. Иван въехал в обгоревшую и заваленную трупами столицу. Поздний летописец, XVII века, записал, как государя обуял ужас и он расплакался: «И видеше граду погоревшу от огня и святыя церкви и людей погорело много, лежаще трупья мертвых. И о сем сжалися князь великия, кои расплакатися ему вельми слезно».

Взволнованный самодержец прибыл к ложу раненого предстоятеля Русской церкви, где состоялось его совещание со священством и близкими боярами о причинах происшедшего. Одни летописи говорят только о совместной думе, другие – о многочисленных наставлениях, которые преподал царю Макарий. Лишь один источник – так называемая Царственная книга – сообщает подробности. Считается, что она отражает позднюю, отредактированную версию событий, взгляд самого Ивана Грозного. Бояре с митрополитом выдали самодержцу заключение,

что пожары были следствием колдовства: «вражьи́м наветом начаша глаголати, яко волхвоуанием сердца человеческие выимаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре». Речь держал духовник государев протопоп Федор Бармин, а за ним бояре Иван Петрович Федоров и князь Федор Иванович Скопин-Шуйский. Их слова убедили Ивана, и он «велел того бояром сыскати» – приказал провести следствие.

Все выглядело очень странным. Событиям предшествовали знамения. 3 июня вдруг, едва начав «благовестити вечерню», обвалились большой колокол. В подмосковную царскую резиденцию тогда прибыло с челобитием псковское посольство, над которым Иван глумился и издевался. Падение колокола, кажется, спасло им жизни – царь срочно уехал дивиться невероятием. О происшедшем псковичи записали в своей летописи, где поместили и сопутствовавшие небесные знаки: «А на троичкой неделе, в среду [25 мая 1547 года], во Пскове бысть знамение: на небеси круг надо всем Псковом бел, а от Москве на тои круг на белой иныя круги яко дуги видно на краи наступили, страшни велми, и на болшом кругу перепояски...» Потом на преполовении солярного цикла в дни летнего солнцестояния и случился этот пожар, начавшийся и окончившийся внезапно, будто сатанинской рукой проведенный, став исключительно разрушительным и смертоносным. Даже версии о «зажигальщиках» никто не высказал. Лишь упала свеча, и буря разнесла пламя, уничтожив все вокруг. Начали искать колдунов. Найти, однако, никого не удалось. И бояре решили по ста-

им волхвов. Испуганный Иван уверял, что в его доме их нет. Не поверили, потребовали досмотра. Он согласился. Только после этого бунтари удалились. Царь немедленно приказал «тех людей имати и казнити», но они «разбежашася по иным градам»; никого поймать не удалось.

Иван на всю жизнь затаил обиду на народное «скудоумие» и страх перед дьявольскими атаками.

Ясно, что пожар был бесовским покушением, отчего произошла и одержимость толпы. А вот Глинские, судя по всему, действительно интересовались ведовскими практиками, о чем все знали. Матери царя, Елены Глинской, уже не было в живых, а вот бабка Анна признавалась под прямым подозрением. Судя по всему, репутация ведьмы за ней закрепилась не случайно. Не на пустом месте возник образ старушки, сорокой летающей над Москвой и разносящей пламя.

Помимо простых горожан единственным пострадавшим после этих событий оказался боярин Михаил Васильевич Глинский, занимавший высшую придворную должность конюшего. Он был отставлен. Про Анну позднее ничего не известно. Собственно, про нее вообще толком ничего не известно, кроме причастности к волхвованию и пожару 1547 года. Даже о происхождении ее гадают. Поздние припоминания утверждают, что она была дочерью сербского деспота Стефана Якшича. В остальном бабка царя вписана в круг иноземных «злых жен-чародейц», которые, по мнению Курбского, окружили в те годы московский трон и лишили страну праведных правителей. ❶

Продолжение следует.

ТАЙНАЯ МИССИЯ КАПИТАНА МУЛОВСКОГО

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛИ ПУБЛИКОВАТЬ КАРТЫ СОБСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ, ЧТО ВЫЗВАЛО НЕОДНОЗНАЧНУЮ РЕАКЦИЮ ЕВРОПЕЙСКИХ НАУЧНЫХ КРУГОВ. КАЗАЛОСЬ БЫ, НАКОНЕЦ-ТО РОССИЯ ОТКРЫВАЛА ТАЙНЫ СВОИХ НЕОБЪЯТНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. ОДНАКО ЕВРОПЕЙЦЫ ОЗАДАЧИЛИСЬ: А НЕ СЛИШКОМ ЛИ ВЕЛИКИ ЭТИ ТЕРРИТОРИИ И МОГУТ ЛИ ВООБЩЕ СУЩЕСТВОВАТЬ ПОДОБНЫЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МАСШТАБЫ?

В АДРЕС ПЕТЕРБУРГА посыпались упреки: публикуя карты, российское правительство якобы стремится скрыть подлинные размеры своих территорий, ввести в заблуждение европейскую науку и отпугнуть военно-морские державы от поисков новых путей на Восток, в северные акватории Тихого океана, вдоль немыслимого по протяженности азиатского побережья Сибири. Какие планы скрывает коварная и могущественная северная империя, навязывая мысль о невозможности достигнуть ее отдаленные восточные рубежи? Насколько прочны позиции Петербурга в отдаленной Тартарии? Проверить это можно, минуя арктические массивы Северного Ледовитого океана, так как путь на север открывается и через Тихий океан: там, в морских просторах между Азией и Америкой, по всей вероятности, раскинулись массивы «ничейных земель», которые должны стать колониями европейских держав.

TERRA NULLIUS

Теоретическое обоснование колонизации было разработано и освоено еще в библейские времена и эпоху Античности.

Со времен римского права оно получило юридическое обоснование: *terra nullius* – «ничья земля». В правовых кодексах эпохи Просвещения эту доктрину использовали как средство для захвата «нулевых» областей, находившихся вне привычных рамок цивилизации. Населявшие их народы не знали частной собственности, а следовательно, нарушали «силу естественного закона», обязывавшую граждан возделывать доставшиеся им земли. Тем самым территории аборигенов признавались открытыми для колониального вмешательства и установления европейских законов. Принцип *terra nullius*, уходящий корнями в библейское понимание сотворения земли «из ничего», получил в Новое время расширительное прочтение, впитав

Тартария на карте Азии, составленной Иоганном Кристофом Гоманном (1703–1730)

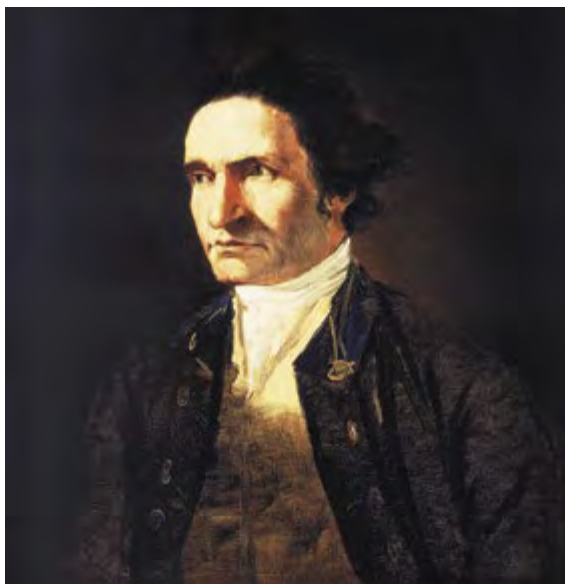
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

Ф. Джукс.
Корабли
«Резолюшн»
и «Эдвенчер»
экспедиции Кука
на Таити

идеи, обосновывавшие капиталистический порядок. Новый взгляд на сущность собственности, которая должна принадлежать тому, кто увеличивает ее стоимость, позволил подвести теоретическую базу под идеи европейского колониализма, сплавив идеологию имперского проникновения, постулаты христианского богословия, доктрину цивилизаторской миссии европейца и идеи расового и социального превосходства. В число подпадавших под действие принципов terra nullius «дефектных» территорий в первую очередь попадали восточные области Северной Америки и Южная Америка, населенные индейцами, а по мере проникновения европейцев в Тихий океан – Австралия, Новая Зеландия, Океания и северо-западные районы Северной Америки. Одним из первых европейских мореплавателей, вступившим в эти регионы, был британский мореплаватель Джеймс Кук. В секретных статьях правилительственных инструкций, данных ему перед третьим кругосветным плаванием, говорилось: «Вы должны также с согласия туземцев при надлежащих обстоятельствах вводить во владение от имени короля Великобритании страны, которые будут вами открыты и которые не были открыты и не посещались раньше [подданными] других европейских держав, и оставлять у обитателей предметы, ко-

торые являлись бы свидетельствами и признаками вашего пребывания у них. Если же вы откроете необитаемую страну, вы должны ввести ее во владение его величества, установив знаки в качестве первооткрывателей и перво владельцев». Опыт подобного рода действий у Кука уже был. Он, например, присоединил к владениям Британской империи Северный остров Новой Зеландии: 31 января 1770 года мореплаватель установил на самой высокой точке острова в проливе Королевы Шарлотты (сегодня – пролив Кука) столб с британским флагом и вступил в официальное владение островом. За здоровье супруги короля Георга III офицеры распили на холме бутылку вина. Пустую тару они ве-

Портрет
Джеймса
Кука работы
художника
У. Ходжеса.
Между 1775
и 1776 годами

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ликодушно подарили местному вождю, которого чуть ранее «облагодетельствовали» трехпенсовиком и гвоздями. В августе 1770 года Кук продолжил начатое: подойдя к крайней точке восточного побережья Новой Голландии (Австралии), он объявил все побережье британским владением под названием «Новый Южный Уэльс» и поднял на берегу британский флаг. Однако в северной части Тихого океана вышел конфуз. 19 июня 1778 года, когда корабли Кука «Резолюшн» и «Дискавери» проходили возле острова Уникам, в поле зрения моряков появилось каноэ с алеутами. По словам Кука, вели себя туземцы необычно: «Индеец... стал объяснять что-то знаками, и при этом он снял шляпу, кланяясь на европейский лад; такое поведение побудило наших людей бросить ему конец, и индеец привязал к нему небольшой оловянный ящичек, или корбочку. После этого он еще что-то сказал, и, делая нам разные знаки, туземцы отошли от кормы и покинули «Дискавери». Никто не подозревал, что в ящичек что-то вложено; когда же каноэ ушли, его совершенно случайно открыли и обнаружили клочок бумаги, сложенный и аккуратно помещенный в него. На этой бумаге было что-то написано на русском языке (так было предположено), и словам предшествовала дата – 1778 год. В самом же тексте был упомянут 1776 год, и это все, что можно было понять из записки, так как никто ни на «Дискавери», ни у нас не мог ее прочесть». Сначала британцы подумали, что ее написали какие-то русские, потерпевшие крушение; затем предположили, что автор письма – некий русский торговец и вручил он индейцам бумагу для передачи ее «первому, кто посетит данное место». Вряд ли они могли предположить, что на самом деле алеут преподнес им расписку о получении от него ясака, составленную русскими промышленниками на острове Уникам.

21 июня приключения продолжались: к британским судам подошло еще одно каноэ. Приплывший алеут снял шляпу и «поклонился таким образом, как это сделали те, кто посетил «Дискавери». Вывод британцев был очевиден: «русские должны иметь сношения и торговые связи с этим народом». Бросалась в глаза европейская одежда индейца. С собой он привез серую лисью шкуру и гарпуны на обмен и беспрестанно прихлебывал какую-то жидкость из «пузыря». Алеут также показал записку на русском языке и, после того как его одарили подарками, ушел кланяясь.

В октябре 1778 года, совершив полярное плавание в Чукотском море, Кук вернулся к Алеутским островам. В гавани Самгунудха на острове Уналашка, где он пробыл более трех недель, он часто встречался с местными жителями, обменивая табак на сушеную лососину. 8 октября он получил в дар от алеутов «ржаной каравай, или пирог, в форме сахарной головы с начинкой из отличной лососины с перцем». Куку была также передана записка на непонятном языке. «Мы, однако, не сомневались, что дар этот исходит от русских, живущих по соседству, и тем же путем послали нашим неизвестным друзьям несколько бутылок рома, вина и портера, полагая, что эти напитки будут для них отраднее всего». Кук не ошибся. 10 октября на корабль явилась делегация «меховщиков» со стоявшего на якоре в русской фактории судна. Они были весьма сведущими в географии и «охотно давали мне все сведения, в которых я нуждался». Один из них, Петер Реубин, оказался хорошо образован в навигации и поведал Куку, что еще подростком плавал с самим Витусом Берингом. 15 октября прибыл новый гость. Им оказался «здешний начальник», воспитанник Иркутской « навигацкой » школы Герасим Измайлов. В своем рапорте от 20 апреля 1779 года, направленном в контору над Петро-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гавань
на острове
Уналашка.
Гравюра
К.В. Ческого.
1768 год

павловским портом, Измайлов докладывал, что находился в торговой поездке по островам, когда получил известия о приходе англичан, плавающих на двух кораблях «с острова Лондона». Он с «крайним поспешанием» направился на Уналашку: «Находился трое суток на главном корабле, называемом «Разулушан», командир в ранге полковника именем Демерсук, а на другом корабле «Эскавре», командир в ранге майора Чир Тлярк... А при отбытии своем поручил г-н камандор конверт, о котором крайне просил, чтоб переслать по надписи и кланяться в поес. И я просил г-на командора, чтоб пожаловал для сочинения всего ихнова плавания, ибо он пожаловал мне карту сверическую... В знак своего милосердия г-н командор пожаловал по должности моей для усмотрения высоты солнца квандрант, а также и своей шпагой». Известия о появлении Кука на севере Пацифики произвели в Петербурге эффект разорвавшейся бомбы: путь к закрытым дотеле для иностранцев русским владениям был открыт. Стремясь сохранить под контролем ситуацию на отдаленной тихоокеанской периферии, русское правительство пришло к выводу о необходимости официально «застолбить» свои права на эти владения и основать здесь постоянные поселения.

ЛЮДИ ДЖЕЙМСА КУКА

Однако одно – делать выводы; совсем другое – воплотить их в реальности. Проекты устройства заморских поселений и получения прибылей от торговли пушниной и чаем витали в воздухе. Но как было в Петербурге разобраться, насколько эти проекты соответствуют реалиям суровой тихоокеанской периферии? Терялись в догадках и иностранные дипломаты, пытавшиеся из салонных сплетен почерпнуть хоть какие-то сведения о геополитических намерениях Екатерины II. Например, испанский посланник в России граф Франсиско Антонио де Ласи писал в Мадрид: «Российская императрица, глядя на карту своих владений, сказала, что если Азия и Америка являются собой один континент, она продолжит завоевания в этой части земного шара, а если, как утверждают русские мореходы, эти земли разделяет всего один пролив, она пошлет разведку по морю».

В феврале 1781 года в российскую дипслужбу в Гамбурге поступило извещение от профессора Кристиана Майера, проводившего в 1760-х годах в России наблюдения за прохождением Венеры мимо Солнца. Речь шла о его знакомом, 29-летнем уроженце Вислаха (Пфальц) Иоганне Генрихе Циммермане, который «имел щастие» матросом

участвовать в плавании Кука на «Дискавери». Вернувшись из Великобритании, Циммерман в августе 1781 года устроился на службу к курфюрсту Пфальца Карлу IV Теодору, получив должность смотрителя судов на озере Штарнбергер-Зе под Мюнхеном. Но Циммерман явно жаждал большего, поэтому и поделился с Майером конфиденциальными сведениями: якобы во время плавания с Куком «нашли они... дорогу из Северной Америки в Камчатку». По словам Майера, Циммерман предлагал «с помощью астронома и при посредственном ветре в три или четыре недели из... Петропавловской гавани переплыть в Северную Америку» и «через то торговлю и власть Российского государства весьма разпространить и способным себя почитает полезные оказать услуги». Как выяснилось, Циммерман во время плавания с Куком, в нарушение всех инструкций, вел тайные записки. Издав в 1781 году на основании этих дневников сочинение о плавании Кука, Циммерман, по видимому, рассчитывал, что в качестве эксперта сможет вновь попасть в Тихий океан. Однако в Петербурге его ждал отказ. Летом 1782 года Циммерман получил предложение от подданного Нидерландов торговца Вилема Болтца принять участие в готовящейся Австрийской империей экспедиции из Триеста

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

к мысу Горн и далее к северо-западному побережью Северной Америки для организации торговых факторий по добыче пушнины. Сам Болтц, в 1750-х годах приобщившийся в Лиссабоне к торговле драгоценными камнями, поступил «волонтером» в Британскую Ост-Индскую компанию. В 1760 году он прибыл в Бенгалию, много ездил по Индии, занимался скупкой алмазов в Бенаресе. Благодаря «знанию индийских языков», Болтц вел торговлю во всей Индии и в Китае. Итогом его кипучей деятельности стал конфликт с Ост-Индской компанией: в 1769-м Болтц был задержан и выслан в Великобританию. Началось судебное разбирательство. Противостояние достигло высшей

Портрет
Иоганна Генриха
Циммермана
работы
художника
И.-Г. Эдлингера

точки, когда Болтц опубликовал трактат «Соображения об индийских делах», в котором обвинил руководство компании в произволе, коррупции и ведении контрабандной торговли. В 1775 году Болтц оказался на службе Австрийской империи, предложив императрице Марии-Терезии план по устройству имперских колоний в Африке, Персии, Китае и Индии. Центром будущих морских операций Болтц видел два порта на Адриатике: Триест и Ливорно – морские ворота Тосканского герцогства, часто используемые Габсбургами для тайных операций в Средиземном море. Поначалу Болтца ждал успех: удалось наладить отношения с извечным соперником британцев в Индии, султаном княжества Майсур могущественным Хайдер-Али. После плавания фрегата «Иосиф и Терезия» под флагом Священной Римской империи в Индийский океан под протекторат Габсбургов попали стратегически важные Никобарские острова, располагавшиеся на путях между Индией и Китаем. А на Малабарском побережье и в заливе Делагоа (ныне – Мапуту) у берегов Мозамбика началось возведение австрийских торговых факторий. Однако содержание заморских колоний оказалось непосильной ношей для Вены, испортившей к тому же отношения с конкурентами – Великобританией, Францией и Данией. А из-за конфликта с инвесторами затрещала по швам компания самого Болтца: один из них, влиятельный антверпенский банкир Шарль Проли, начал «выдавливать» его из масштабной «игры» в Индийском океане.

Тогда Болтц приступил к реализации проекта, целью которого было исследование и коммерческое освоение Северной Америки. Во время аудиенции в Вене в мае 1782 года идеи Болтца одобрил император Иосиф II, мечтавший об осуществлении австрийского кругосветного плавания. К реализации замыслов Болтца привлек Циммермана и трех дру-

Русская Аляска

гих «ветеранов» Кука: помощника астронома Джорджа Гилпина, оружейника Джорджа Диксона и матроса Уильяма Уокера. От них он получил копии карт и планов последнего плавания Кука. Однако финансирование австрийского плавания сорвалось. И тогда Болтц решил обратиться в Петербург. В письме от 27 декабря 1782 года на имя вице-канцлера графа Ивана Андреевича Остермана он рисовал грандиозные перспективы, подчеркивая, что осуществление его проекта позволило бы российской короне не только увеличить владения на Тихом океане, но и совершить научный прорыв. «Я имею в виду, — писал Болтц, — открытие сообщения, существование которого есть все основания предполагать, между Гудзоновым заливом и Тихим морем, если бы этот проход оказался на тех местах, которыми овладело бы ее величество». «Среди встреченных островов в Тихом море, — писал Болтц, — есть несколько очень подходящих для сахарных плантаций и очень благоприятно расположенных», а значит, овладение ими принесет немалую коммерческую выгоду. С помощью же поставок российского снаряжения можно резко удешевить подготовку плавания корабля под российским флагом из Триеста и «за одно плавание через мыс Горн сделать больше, чем русские с Камчатки добились за двадцать». На проект Болтц просил у российской императрицы ассигнований в 150 тысяч рублей, предлагая в залог два корабля с грузами, а также готовившееся в Триесте к выходу в море исследовательское судно и обещая «возместить сумму... по счастливом возвращении наибольшего из этих кораблей в какой-либо европейский порт».

Предложение Болтца не было принято. Затем он безуспешно пытался заинтересовать своими идеями короля Неаполитанского Фердинанда IV и короля Франции Людовика XVI. В 1786-м он предложил королю Швеции Густаву III основать островную

Вид Петропавловской гавани и Авачинской губы к ее устью. Гравировал К.В. Ческий

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

колонию Больтсхольм у побережья Западной Австралии, но и этот план сорвался: два фрегата и торговое судно под руководством Болтца были готовы отправиться из Гётеборга в «Восточные моря», однако из-за русско-шведской войны экспедиция была отменена. Последние годы жизни Болтца прошли в Лондоне и Лиссабоне, а скончался он в полной безвестности в Париже.

Вилем Болтц. Гравюра XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КАПИТАН-КОМАНДОР БИЛЛИНГС

Перспектива организации русского плавания из Триеста выглядела чересчур авантюрной, тем более что в Петербург поступали и другие проекты, сходные с планами Болтца. Автором одного из них был лондонец Джозеф Биллингс. Потеряв родителей в детстве, Биллингс был вынужден пойти служить на флот и через несколько лет попал на корабль Кука: с апреля 1776 года он служил помощником астронома Уильяма Бейли на «Дискавери», а в сентябре 1779-го был переведен на «Резолюшн». Вернувшись в Великобританию, он получил чин мичмана и под командованием бывшего второго помощника Кука, лейтенанта Джеймса Кинга, служил на кораблях «Конкистадор», «Крокодайл» и «Резистанс». Правда, когда в 1782 году 40-пушечный «Резистанс» отправился в очередной рейд в Вест-Индию, Биллингс из-за долгов сидел в тюрьме, но в январе 1783-го вышел на свободу благодаря вмешательству президента Лондонского королевского общества сэра Джозефа Бэнкса, финансиста и участника первого кругосветного плавания Кука. Тогда-то, по видимому, Биллингс и попал на заметку российского посланника в Лондоне Ивана Матвеевича Симолина: судя по записи в жур-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Карта
Российской
империи
1786 года
с делением на
наместничества

нале Адмиралтейств-коллегии, Биллингс, изъявивший желание поступить на русскую службу, 18 октября 1783 года был принят на флот лейтенантом и вскоре прибыл в Петербург.

Явился он не с пустыми руками. В письме вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Ивану Григорьевичу Чернышеву он писал: «Я прибыл в Россию не столько с целью служить ее величеству в качестве офицера флота, сколько надеясь, что найду применение в какой-либо экспедиции в моря, соседствующие с Камчаткой. И льщу себя надеждой, что, прослужив 12 лет на флоте, из коих пять лет я употребил на сопровождение известного капитана Кука в его последнем плавании с целью открытия северо-западного прохода между Азией и Америкой, меня могут счесть способным открыть торговлю мехами с островами, открытыми во время этого вояжа». Острова эти, по мнению Биллингса, никогда не посещались европейцами и расположены столь близко к Камчатке, что «вполне возможно установить крайне выгодную торговлю с северными областями Китая. И было бы вполне уместно расширить эту торговлю до Японии, что сделает ее еще более выгодной». Также интересовали Биллингса научные изыскания: «Пока занимались бы добычей

пушнины, – рассуждал он, – я мог бы продолжить дальше открытия капитана Кука в этих морях и определить точное расположение островов, о которых упоминалось выше».

В августе 1785 года Осип Осипович, как Биллингса именовали в России, возглавил секретную «Северо-восточную географическую и астрономическую экспедицию», которая финансировалась из средств Кабинета ее императорского величества и отправилась на поиски «Северной матерой земли между землей Иркутского императорского величества губернии и противоположными берегами Америки». В 1786–1789 годах на судах «Паллас» и «Ясашна» Биллингс предпринял попытку из устья Колымы вдоль побережья Северного Ледовитого океана пройти Беринговым проливом в Тихий океан, но, дойдя до мыса Баранов Камень, вынужден был из-за сплошного льда повернуть обратно. В 1790–1793 годах на судне «Слава России» Биллингс плавал к Алеутским островам и северо-восточным берегам Азии, пытался вновь обойти Чукотский полуостров, но в итоге вынужден был остановиться в заливе Святого Лаврентия, откуда с небольшим отрядом совершил сухопутный переход по Чукотке. Вернувшись в Петербург с тяжелым воспалением легких, он был переведен

на Черное море. До выхода в отставку в 1799 году в капитан-командорском чине Биллингс занимался гидрографическими работами в районе Севастополя – Еникале – Одесса, а также описал устья рек Кубань и Днестр, по результатам которых подготовил альбом «Карты и виды берегов Черного моря». После выхода в отставку он жил в Москве, женился на Екатерине фон Пестель – тетке декабриста Павла Пестеля. В браке родилась дочь Надежда, мужем которой был управляющий делами и именными князей Трубецких Василий Дмитриевич Корнильев – дядя Дмитрия Ивановича Менделеева по материнской линии.

Несмотря на отправку Биллингса на Дальний Восток, беспокойство в Петербурге нарастало. Осенью 1786 года статс-секретарь генерал-майор Петр Александрович Соймонов начал готовить специальную записку о состоянии дел в тихоокеанских владениях империи. По указанию графа Чернышева ему были переданы «список карт и журналов по секретным экспедициям, посылаемым в северо-восточное море». Среди документов находились материалы плаваний Беринга, Чирикова, Шпанберга, Синдта, Креницина и Левашова. Подготовленные Соймоновым записки «О торге и звериных промыслах на Восточном

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

океане» и «По случаю покушения со стороны аглинских торгово-промышленников на производству торгу и промыслов звериных в Восточном море» были представлены в Коммерц-коллегию. Основная их идея заключалась в том, что Великобритания укрепляет влияние в Китае и Японии и подбирается к землям, открытым русскими мореходами. По мнению Соймонова, следует ожидать, что британцы «заведут чрез то в тех отдаленных краях некоторый род постоянных контор по примеру канадских, которые в отсутствие судов будут посылать для ловли зверей своих промышленников или доставят меною от тамошних жителей». В качестве защиты земель, «российскими мореплавателями открытыми», предлагалось «завести на том море несколько военных морских судов», направив в Тихий океан три-четыре фрегата, установить дипломатические и торговые отношения с Японией и Китаем, а также начать строительство нового порта в устье реки Уды «вместо существующего доселе Охотского».

Н.-А. Монсио.
Людовик XVI
дает инструкции
Лаперузу
29 мая 1785 года.
1817 год

ГРАФ ДЕ ЛАПЕРУЗ В ТАРТАРИИ

Обдумывая проекты колонизации Тихого океана, власти Российской империи еще не знали, что на их границах появился новый конкурент – Франция. В конце июня 1786 года к южному побережью Аляски подошла экспедиция под руководством Жан-Франсуа де Гало, графа де Лаперуза, на назначении которого настоял сам король Людовик XVI, покровитель наук и большой знаток географии и механики. За право по-

пасть в состав участников этой экспедиции развернулась настоящая борьба. Вместе с Лаперузом в плавание на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия» отправились ботаник, физик и метеоролог Робер де Ламанон, физик и минералог Жан-Андре Монже, биолог Жозеф Пюг де Буассье де Ламартиньер, математик и астроном Жозеф Лепот Дажеле, участвовавший в экспедиции к берегам Антарктиды под руководством Керклена де Тремарека в 1773–1774 годах, и математик Луи Монж, брат знаменитого Гаспара Монжа. Во время снаряжения экспедиции Дажеле и Монж преподавали математику в Парижской военной школе, в которую в октябре 1784 года поступил 15-летний корсиканец Наполеоне Буонапарте – «невисокий молодой брюнет, печальный, хмурый, суровый, но при этом резонер и большой говорун». Прекрасные математические способности выдвинули его в число «лучших математиков школы». Дажеле любил вспоминать о своем плавании в далеких морях и целые

Ж. Броссар
де Больё.
Портрет
лейтенанта
Жан-Франсуа
де Гало
де Лаперуза.
1778 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

уроки рассказывал о поисках таинственной Terra Australis Incognita, совершенно очаровав своих учеников, мечтавших о флотской карьере. В том числе и Бонапарта, мечтавшего отправиться со своими преподавателями в экспедицию. Но в состав ее он не прошел. Не суждено было Наполеону и попасть на флот: верный кастовым традициям французский флот редко давал места небогатым корсиканским дворянам. К тому же во время обучения Наполеона скончался его отец Карло Буонапарте, и овдовевшая Летиция Буонапарте настояла на том, чтобы Наполеон, на плечи которого легло содержание семьи, поступил в артиллерию. По составленным королем инструкциям Лаперузу надлежало упорядочить открытия, сделанные Куком в Тихом океане, и снискать дружбу вождей племен добрым отношением и подарками, среди которых насчитывалось более 600 зеркал, 2600 гребней для волос, 5 тысяч швейных игл и медали с отчеканенным профилем короля. Двигаясь на восток вдоль побережья Аляски, Лаперуз 2 июля открыл небольшой, окруженный ледниками фьорд, названный им «Гаванью Французов» или «Французским Портом». Отметив стратегические достоин-

ства открытой им бухты Литуйя как потенциальной опорной базы Франции на юго-востоке Аляски, граф расставил соответствующие «метки» державного владения: на острове в центре бухты, где при крушении шлюпок, направленных на исследование глубины залива, погибли французские моряки, возвели кенотаф; у подножия высокой скалы закопали бронзовую медаль и бутылку с помещенным в ней соответствующим текстом; при входе в бухту возвели небольшой форт и соорудили

Г. Миллер.
Фрегаты
«Буссоль»
и «Астролябия»
у берегов
Аляски.
Июль 1786 года

Жан-Франсуа
де Гало,
граф де Лаперуз

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

астрономический наблюдательный пункт. Были налажены дружественные отношения с индейцами-тлинкитами.

Лаперуз прекрасно понимал, как трудно будет закрепиться в этих удаленных необжитых землях. Тем более что вокруг лежали испанские и русские владения. Тем не менее граф поплыл дальше, к Испанской Калифорнии, в сентябре он наведася в испанский Монтеррей, после чего пересек Тихий океан и в начале 1787 года зашел в Макао. Отсюда его путь пролегал в Восточно-Китайское море и далее, к берегам пресловутой Тартарии. Он успешно обогнул южную оконечность острова Сахалин, пройдя названным позже в его честь проливом, и направился на север по Татарскому проливу.

В сентябре 1787 года Лаперуз вошел в Авачинскую бухту. Командант Охотской и Охотской области полковник Козлов-Угренин, совершавший в это время объезд своих «необъятных владений», принял французского мореплавателя в Петропавловске. Судя по письму от 23 сентября 1787 года, отправленному послу Франции при русском дворе графу Луи-Филиппу де Сегюру, Лаперуз остался чрезвычайно доволен и Козловым-Угренинным, и Камчаткой: «У себя на родине среди лучших друзей я не смог бы найти более любезного приема. Между тем у него не было никакого приказа на мой счет, но он знал, что мореплаватели являются гражданами вселенной, и было бы невозможно быть принятыми русскими с большей учтивостью. Всякого рода помощь, которую только позволено было получить в этой бесплодной стране, нам была предоставлена, и за нее не захотели принять никакой платы. Какое зрелище, г-н граф, видеть тот же дух благородства и величия, который прославил навеки правление Екатерины, простиравшимся до пределов ее обширной империи». ❶

Окончание следует.

ИСКУССТВО СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ФИВАИДЫ

АВТОР
АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ

ИСТОРИЧЕСКИ ФИВАИДОЙ НАЗЫВАЛИ ВЕРХНИЙ ЕГИПЕТ – РОДИНУ ХРИСТИАНСКОГО МОНАШЕСТВА. ПОЗЖЕ ТАК ПОЭТИЧЕСКИ ИМЕНОВАЛИ ЛЮБОЕ МЕСТО, ИЗВЕСТНОЕ МОНАСТЫРЯМИ, СКИТАМИ И ОКРУЖАВШЕЙ ИХ ДЕВСТВЕННОЙ ПРИРОДОЙ. СВОЯ ФИВАИДА, СЛАВНАЯ САМОБЫТНЫМ ИСКУССТВОМ И РЕМЕСЛАМИ, БЫЛА И У РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ.

В ОКТЯБРЕ 1694 ГОДА В верховьях реки Выг диакон села Шуныга Даниил Викулин и посадский человек села Поневец Андрей Денисов основали небольшую старообрядческую общину. Она быстро росла и вскоре стала одним из крупнейших по территории и числу жителей старообрядческих поселений. Культурное же влияние Выговской обители было столь велико, что распространялось не только на творчество окрестных крестьян, но и на все места компактного проживания старообрядцев.

Общежительство состояло из Выговского (мужского) и Лексинского Крестовоздвиженского (женского). Женское было основано в 1706 году в 20 верстах от Выговского на берегу реки Лексны. Первыми руководителями пустыни стали Даниил Викулин и Андрей Денисов, избранный настоятелем (киновиархом). Несмотря на то, что члены общины являлись преимущественно мирянами, жизнь в Выгореции строилась по монашескому уставу – свою «генеалогию» общежительство вело от Соловецкого монастыря. На рубеже XVII–XVIII веков пустынь уже имела обширное хозяйство: пашни, мельницы, скот, морские промыслы и т.п. Благодаря петровскому ука-

зу о веротерпимости 1702 года и политическому таланту братьев Денисовых, выговцы заручились покровительством как местных властей, так и ряда влиятельных лиц в Петербурге. Это послужило залогом дальнейшего развития Выгореции, переживавшей в XVIII столетии культурный и экономический расцвет. Фактически на Выгу было создано самоуправляющееся мини-государство – с храмами и скитами, мастерскими и скрипторием, школой и больницами, с гостиницей, пристанью и, что особенно важно, с самобытными литературой и искусством. Последнее включало в себя каллиграфию, живопись, резьбу по дереву, металлопластику, лицевое и орнаментальное шитье, изготовление мебе-

Святцы.
Фрагмент
с изображением
козерога. Выг.
1830-е годы.
Собрание
Виктора
Смирнова.
Санкт-Петербург

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ли и предметов быта. Искусство Выгореции являло органичный синтез византийских и древнерусских художественных традиций с элементами стиля барокко. Некоторые исследователи даже говорят об особом, выговском барокко, рассматривая его как «эхо» московского.

«ПЕРЬЯМИ ЧЕРКАЮТ, КНИГИ СОСТАВЛЯЮТ»

Главным искусством для выговцев, безусловно, было книгописание. Примерно к середине XVIII столетия здесь оформилась собственная школа переписки и оформления манускриптов. Качество их отмечал еще писатель и этнограф Павел Мельников (Печерский). В бытность чиновником особых поручений МВД он в 1854 году составил «Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», где отмечал: «Лучшими переписчиками считаются поморские, т.е. живущие в скитах и деревнях Олонецкой губернии. Поморское письмо отличается как правильностью орфографии, так и каллиграфическим искусством». По красоте и мастерству исполнения именно выговские рукописи занимают первое место среди большинства славяно-русских книг XVIII–XX веков.

Выговскую школу каллиграфии и миниатюры отличают тонкость и изящество линий, богатство красок и великолепный

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Книжные переплеты. Выг.
Слева – 1810–1820-х годов, справа – 1774 года. Государственный исторический музей

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Фронтиспис. Святцы. Выг. 1820-е годы. Собрание Максима Максимова. Санкт-Петербург

орнамент, восходящий к столичному придворному искусству последней четверти XVII столетия. К 1760-м годам формируется поморское полууставное письмо. Титулы книг украшались роскошными заставками, в основу которых легли гравированные листы работы известных мастеров Оружейной палаты – Василия Андреева и Леонтия Бунина. Процветало на Выгу и искусство переплета. Из выголексинского скриптория («грамотной кельи») вышли сотни красочных Святцев, Житий, певческих книг и прочих рукописей различных средневековых жанров. Здесь же была составлена летопись обители – «История Выговской пустыни» за авторством киновиарха Ивана Филиппова.

Необычным для того времени был тот факт, что большинство выговских книгописцев составляли девушки и женщины – насельницы Лексинского общежития (в 1838 году таковых насчитывалось около 200). В сочиненной на Выгу «Псалме выголексинских девиц» пелось: «Знатныя писицы, всяк в своей светлицы, оне перьями черкают, книги составляют». Семен Денисов, сменивший на посту настоятеля брата Андрея, составил «Наставления надзирательнице «грамотной кельи» Наумовне». Киновиярх писал: «В праздности и без дел ни единая бы сестра гра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мотница да обретается, но все рукоделию да прилежат. А по келиям иным ходити без дела и шататися не попушати. <...> Надзирательнице же со страхом Божиим и ревностью надзирати: да будут в келии вся благообразна, целомудрена и спасительна».

Заставка-рамка. Торжественник. Выг. 1810-е годы. Собрание Виктора Смирнова. Санкт-Петербург

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Инициал «Б». Стихирарь. Выг. 1780-е годы. Собрание Виктора Смирнова. Санкт-Петербург

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Владельческая запись купца Владимира Долгова. Святцы. Выг. 1830-е годы. Собрание Виктора Смирнова. Санкт-Петербург

В другом сочинении, регламентирующем работу скриптория, – «Чинное установление о писмах, его же должны все грамотнии писицы со опасством соблюдать» – говорится: «Писали бы писицы тщательно, яко Богу служаще». Выговские книгописцы крайне редко указывали свое авторство, лишь иногда обозначая его инициалами. По всей видимости, это объясняется сугубой монолитностью выговской школы: члены книгописной артели ощущали себя не индивидуальными мастерами, а частичками единого общинного организма. Так, в составе сборника рабочих материалов и черновики выговского наставника Андрея Борисова сохранились две рукописные тетрадки – их, демонстрируя собственный талант, переписывали 28 «писиц», ставя на полях свои инициалы. Другим интересным документом, касающимся истории выголексинского скриптория, является «Тетрадь рабочих и поминальных записей «грамотной кельи» на Лексе за 1829–1837 гг.». «Тетрадь» дает представление о характере работы «писиц», бумаге и красках, которыми они пользовались, а также о репертуаре создаваемых ими рукописей и лубков. О значении местной «грамотной избы» для русской культуры говорит хотя бы тот факт, что в Поморье она была известна как «Лексинская академия», чьи «выпускницы», грамотницы-начетчицы, рассылались по всей стране.

ИКОНОПИСЦЫ И ЛИТЕЙЩИКИ

Одно из важнейших мест в творчестве выговцев занимала иконопись. Иконописное дело служило им как для удовлетворения собственных нужд, так и для изготовления икон на продажу. Стоит оговориться, что на Выгу отношение к иконописи было чрезвычайно трепетным. Качество местных икон никогда не приносилось в жертву количеству, как то часто бывало в иных иконописных центрах – таких, например, как Палех, Холуй или Мстёра. В начальный период существования общежительства здесь нашли приют вязниковский иконописец Алексей Гаврилов, архангелогородец Афанасий Леонтьев, каргопольцы Даниил и Иван Матвеевы. Все они принесли с собой художественные традиции собственных земель. Уже в стенах обители эти традиции шлифовались, оттачивались и взаимобогащались, претерпевали влияние строгановских и соловецких писем. Так рождался самобытный выговский стиль с его изысканной цветовой гаммой, золотой пробелкой одежд персонажей и тонким, «кудрявым» каллиграфическим письмом. Некоторые образы имеют редкую иконографию, что явилось результатом обширной художественно-археологической деятельности жителей Выгореции. Из подобных икон отметим образ «Всех Святых Российских Чудотворцев». Среди старообрядцев выговская иконопись обрела статус художественного эталона, что способствовало притоку на Выг иконописцев из других регионов, приезжавших сюда для повышения профессиональных навыков.

Особую славу Выгу принесла меднолитая икона, в том числе великолепные эмалевые образцы. Основанная в 1719 году «медница» (литейная мастерская) бесперебойно работала вплоть до закрытия общежительства. Согласно преданию

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Двунадесятые праздники и поклонение иконам Богоматери. Складень. Выг. Середина XVIII века. Государственный исторический музей

Сошествие во ад. Икона. Выг. 1820–1830-е годы. Собрание Игоря Федорова. Москва

«от отец», медное дело зародилось на Выгу еще в конце XVII столетия, буквально с первых дней существования обители. Тогда же здесь появились литейные формы (матрицы) для отливки икон и створ. Со временем выговцы начали изготавливать собственные формы. Композиционные и иконографические особенности выговской медной пластики связывали ее как с новгородскими изделиями XV–XVI веков, так и с произведениями московских мастеров XVII столетия. Источники сырья были самые разнообразные. Как правило, его поставляли покровители из приверженцев «древлего благочестия» и дружественно настроенные промышленники. Кроме того, обитатели пустыни и сами были опытны-

ми рудознатцами, что весьма ценили местные предприниматели. Творчески перерабатывая древние сюжеты, применяя новые орнаменты, используя цветные эмали и золочение, выговские мастера добились высочайшего художественного уровня своих изделий, отличавшихся практичностью и устойчивостью к механическим повреждениям. Расцвет производства медной пластики на Выгу пришелся на первую половину XIX столетия. Причем среди покупателей местной продукции были не только старообрядцы – да и сегодня она чрезвычайно ценится антикварами независимо от национальности и вероисповедания.

Популярность выговской металлопластики вызвала к жизни многочисленные подражания. Иконы «а-ля Выг» стали отливать не только по всему Беломорскому побережью, но также на Урале, в Москве и в ряде других регионов.

РИСОВАННЫЙ ЛУБОК

Из всех выговских искусств наиболее самобытным и оригинальным является искусство рисованных лубков (настенных листов). Собственно, именно Выгореции оно и обязано своим рождением. Идея рисованного лубка состояла в том, чтобы как можно более наглядно, но в то же время лаконично передать истину «древлего благочестия». Наиболее ранние из сохранившихся выговских лубков относятся к 1750–1760-м годам. Предварительно

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Птица Сирина святого и блаженного рая». Лубок. Выг. Начало XIX века. Государственный исторический музей

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Птица райская Алконос». Лубок. Выг. Рубеж XVIII–XIX веков. Государственный исторический музей

нанесенный легкий рисунок раскрашивался жидкой темперной краской, обеспечивавшей прозрачность и ровный кроющий тон. Весь процесс выполнялся вручную. Поскольку выговский лубок не знал ни тиража, ни печати, то каждое изделие было уникальным, что придавало ему дополнительную ценность. На лубках мы встречаем как односюжетные композиции («Птица Сирина»), так и многосложные живописные повествования, выстроенные по принципу последовательного рассказа о том или ином событии («Изгнание из рая», «Разорение Соловецкого монастыря»). Наиболее распространенные лубочные сюжеты – различные назидательные изречения и полезные советы, именовавшиеся «добрыми друзьями» человека: заключенные в орнаментальные круги (овалы) дидактические наставления помещались на изображении

древа («О добрых друзьях двенадцати», «Древо разума»). В аналогичных кругах также размещали духовные стихи и песнопения, где соответствующий текст сопровождался крестами (знаками русской средневековой нотации). Особой популярностью среди выговских художников пользовался духовный стих на сюжет библейской притчи о блудном сыне. Немало настенных листов отражало содержание дидактических рассказов и всевозможных притч из литературных сборников. В них обыгрываются темы утверждения добродетели и предотвращения порока, нравственного воспитания, повествуется о райском блаженстве и адских муках. Из подобных лубков наиболее известна композиция под названием «Аптека духовная» («О врачевании духовном»). В качестве лекарств на «картине» предстают «огонь божественной люб-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Даниил Виколин, Андрей Денисов, Семен Денисов и Петр Прокопьев. Лубок. Выг. Начало XIX века. Государственный исторический музей

ви», «вода от слез», «сито смирения», «корень послушания», «листья терпения», «семя кротости», «цвет чистоты» и «плод добрых дел». Другим характерным изображением этого рода выступает лубок «Смерть праведника и грешника» – композиция листа разделена на две части: на левой стороне лубка изображена блаженная кончина праведника, чью душу бережно держит на руках ангел; а на правой – бесы железным крюком выдергивают душу палящую грешницы. Производство лубков на Выгу было органично связано с местной традицией икононой живописи и каллиграфии – один и тот же человек мог рисовать миниатюры, писать иконы и изготавливать лубки. Рисованный лубок вообрал в себя высокие художественные начала древнерусской живописи и примитив народной картинки, что отражалось как в технике, так и в сюжетах. Настенные листы Выгореции – это искусство, в котором духовность допетровской Руси нашла свое новое красочное воплощение. Мудрость «божественных книг» заиграла здесь яркой темперой, золотом и киноварью.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«СЕ ДРЕВО ПРЕСВЯТОЕ»

Среди изготавливавшихся в Выгореции деревянных изделий особое место занимают кресты-голгофы. Помимо резного восьмиконечного креста их композиция включает в себя изображения орудий страстей и всевозможных кириллических букв – сокращенных молитвословий и эпитетов: «ника» (победа), «царь славы», «кхвв» («крест – хранитель всей вселенной»), «бббб» («бич Божий бьет бесов») и т.п. Иногда этот общий минимум дополняется декоративными элементами и архитектурными деталями: цветками, завитушками, колоннами, арками, куполами. Деревянные голгофы могли иметь самые разные функции: они служили иконами, намогильными досками, что вставлялись в надгробия, выполняли роль поклонных крестов. Уходя своими корнями в Новгородско-Псковскую Русь, это искусство стало своеобразным символом материальной культуры Русского Севера. Лаконичность и даже грубоватость предметов, их сдержанная цветовая гамма сочетаются с невероятным богатством заложенной в них символики. Стилистическая строгость и кажущаяся незамысловатость памятников словно перекликаются с суровостью северной природы и столь же призрачной простотой «пустынного жития». Крест-голгофа «распускается» перед искушенным зрителем словно цветок: здесь нет ничего лишнего, ничего случайного – за каждой буквой, каждой деталью стоит целая философия, уходящая вглубь веков.

Интереснейшим явлением в истории искусства Русского Севера была выговская расписная мебель: шкафы и шкафчики-поставцы (низкие шкафы, что обычно ставились на скамью), ящики и филенки. В допетровской России картины на различных предметах интерьера были обычным явлением. Мастера Выгореции продолжили эту традицию. Живопись имела не только декоративное, но и дидактиче-

Голгофа. Выг.
XVIII век.
Собрание
Дениса
Пересторонина.
Москва

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ское значение, приобщая хозяина к христианским ценностям и сюжетам. На выговской мебели мы находим таких персонажей, как райская птица Сирий, единорог – символ целомудрия и чистоты, лев, двуглавый орел, аллегорические персонификации времен года. Также встречаются роскошные растительные композиции и даже целые пейзажи. Местные художники не чу-

Двуглавый орел.
Филенка. Выг.
1740-е годы.
Государственный
исторический
музей

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

рались и новомодных заимствований – например, изображения «крылатых сердец» из книги «Символы и эмблемата», составленной по указу Петра I и весьма популярной в XVIII веке. На Выгу делали также и вещи из бересты. К примеру, различные туеса и шкатулки, многие из которых – подлинные шедевры: тончайший ювелирный рисунок геометрической формы в сочетании с подложной слюдой и ярким красноватым фоном давал потрясающий визуальный эффект. Впрочем, поскольку искусство изготовления берестяных изделий было народным, «мирским», то наставниками обители оно не приветствовалось. Так, до наших дней дошел знаковый исторический документ: постановление Выговского собора XVIII столетия, запрещавшее свободную продажу красочно оформленных предметов из бересты. В нем, в частности, говорилось: «...мнози от трудников летом между трудами тчатся делати ови туески, ови крошни или ино что, делают же сия не по чину пустынному, но с прикрасами мирскими, слюду полагают, басмами басмят...»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Притча о слепце и хромце.
Дверца шкафа. Выг. XVIII век.
Государственный исторический музей

Что еще изготавливали на Выгу? Пелены, покровы, лёстовки (древнерусские четки), головные уборы, перчатки, обувь, бумажники, гайтаны и прочие предметы повседневного обихода. Добротные и изысканные, выполненные руками выголексинских мастериц, они шли на продажу, в том числе на знаменитые ярмарки в селе Шуньга, пополняя «бюджет» обители...

С воцарением Николая I атмосфера вокруг Выгореции стала стремительно накаляться, а ее экономическое положение – ухудшаться. Среди серии правительственных указов, направленных на «искоренение раскола», был и указ, запрещавший выговцам переписку и распространение книг (1838). Окончательное угасание Выголексинского общежития произошло при Александре II, в 1856–1857 годах, когда местные часовни были запечатаны, а их имущество описано. Те рукописи, иконы и вещи, что не были вывезены самими старообрядцами до закрытия

Келья
«большакова»
и «Мертвая
горка»
(кладбище)
на Выгу. Фото
1912 года

Мемориальный
комплекс
на месте
Выговской
обители.
2010-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

моленных, разошлись по музеям, библиотекам и частным собраниям.

В 1912 году II Всероссийский собор христиан Поморского церковного общества принял постановление об увековечении памяти отцов-основателей Выга, в связи с чем было решено обратиться к министру внутренних дел с ходатайством о передаче Выголексинского общежития и прилегающих к нему кладбищ в общинное ведение. Однако воплощению этих планов помешала начавшаяся вскоре война. Сегодня о существовании Выгореции напоминают лишь несколько полуразрушенных деревянных построек первой половины XIX века и рельеф местности. Впрочем, в 2012-м, ровно через сто лет после принятия соборного постановления, силами отдельных энтузиастов начались первые попытки реставрации разоренной обители. История Выголексинского общежития дает нам один из тех замечательных примеров, когда небольшая группа людей, вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам, сумела не только самоорганизоваться, но и создать собственный удивительный мир – мир, полный творчества, уюта и красоты. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Александр
Дюма.
1855 год

АЛЕКСАНДР ДЮМА: ПУТЕШЕСТВИЕ В РУССКУЮ ИСТОРИЮ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

РОССИЯ, 1858 ГОД. В ГАЗЕТАХ ПОЯВЛЯЮТСЯ СООБЩЕНИЯ О ПРИЕЗДЕ В ПЕТЕРБУРГ ИЗВЕСТНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ДЮМА – ОТЦА. НОВОСТЬ ТОТЧАС ЖЕ ВЫЗЫВАЕТ ВЗРЫВ В ОБЩЕСТВЕ. ОДНИ ВООДУШЕВЛЕНЫ: ОНИ ХОТЯТ УВИДЕТЬ ЗНАМЕНИТОСТЬ СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ И ПОЗНАКОМИТЬСЯ. ДРУГИЕ В РАСТЕРЯННОСТИ: ТРЕВОЖАТСЯ, КАК БЫ РОССИЯ НЕ ПРОИЗВЕЛА НА ФРАНЦУЗА СЛИШКОМ УДРУЧАЮЩЕЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ. ТРЕТЬИ РАССЕРЖЕНЫ: ОНИ УВЕРЕНЫ, ЧТО ЭТОТ «ВЕЛИКИЙ СКАЗОЧНИК» НАПИШЕТ О РОССИИ ДЕСЯТОК ТОМОВ НЕБЫЛИЦ И АНЕКДОТОВ.

ТАКОВА УЖ БЕГУЩАЯ впереди писателя слава, во всем Дюма чрезмерен: слишком уж плодит, слишком легок, слишком одарен. Это восхищает и раздражает. И вызывает страх. Ведь и Россия – это сплошное «слишком». Она слишком странная, слишком необъяснимая, слишком противоречивая, чудеса в ней перемешаны с ужасами, красота – с уродством. Что способен понять в ней иностранец? Даже если этот иностранец – Дюма. Или тем более, если Дюма.

Но отец «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» едет не изучать, а жить, чувствовать. И потому все получается, Россия ему открывается.

Впрочем, Россия открылась Дюма не сразу. Долгое время он мог всматриваться в нее лишь издали. Еще в 1840 году он издает роман «Учитель фехтования». Роман о любви декабриста Ивана Анненкова и французенки-модистки Полины Гёбль пишется по запискам Огюстена Гризье, который провел в Петербурге полтора года в середине 1820-х годов. И роман этот уже полон симпатии и интереса к России. Конечно, не обходится автор без брюзжания по поводу российских дорог и чиновничьего бардака, без колких комментариев в адрес российских монархов, но все же нельзя не заметить, что, даже довольствуясь чужими пересказами, Дюма Россией больше любит, нежели критикует. Любуется и мечтает. Так мечтают о путешествиях в далекие, удивительные, полные чудес края. Но именно эта тяга на восток надолго отрезала для Дюма путь в Россию. Роман, повествующий о восстании декабристов, был запрещен Николаем I, а автора объявили нежеланным в России гостем. Лишь после смерти Николая, когда его сын, Александр II, взял курс на либерализацию и реформы, поездка стала возможной. Благо и случай представился. В Париже писатель познакомился с русским графом, литератором и меценатом Григорием Кушелевым-Безбородко,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вид на Неву и Смольный монастырь от ограды дачи Кушелевых-Безбородко. Рисунок работы неизвестного художника. Середина XIX века

путешествовавшим с семьей по Европе. Вот он-то и пригласил Дюма в Россию. Семья Кушелевых пообещала обеспечить ему содействие в перемещениях по стране: помимо особняка в Петербурге у семьи имелись поместье под Москвой, земли за Нижним Новгородом и близ Казани, рыбные промыслы на Каспийском море. От перспектив у автора «Королевы Марго» закружилась голова. Конечно же, он не мог отказаться.

Все сложилось легко и изящно. На зависть злопыхателям, которые, к слову говоря, не переводятся уже двести лет. Как в XIX веке сокрушались, так и сейчас многие сокрушаются, что Дюма чересчур легкомысленный и все написанное им это занимательные безделицы. Но

возьмите бриллиант. Разве он не безделица? Разве он угрюмо серьезен? Он создан природой, чтоб сиять и радовать взор. Так природа создает и талант. Вот и Дюма весело сверкает и переливается настроением в слове, не особенно заботясь о том, чтобы это слово не показалось кому-то слишком уж острым.

Едва ступив 19 июня 1858 года в компании художника Жан-Пьера Муане на палубу корабля «Владимир», Дюма тут же пускается рассказывать о славном князе, в честь которого названо судно. И рассказ этот ироничен, даже едок, ведь повествователь берется объяснить, как креститель Руси стал святым. По всему выходило, что святости правителя предшествовало наличие 6 жен и 800 наложниц и убийство брата. Такой юмор трудно принять от чужеземца. Да что там, и соотечественникам такого смеха не прощают, вспомнить хотя бы, как обрушились позднее на Салтыкова-Щедрина за то, что в «Истории

Портрет графа Г.А. Кушелева-Безбородко. 1856 год

одного города» он очень уж своеобразно пересказал легенду о призвании варягов. А тут беспечный француз, который все окидывает быстрым взглядом и тут же спешит этим взглядом поделиться на страницах издаваемого им журнала «Монте-Кристо».

Впрочем, и француз нет-нет да и напомнит, что в каждой шутке – лишь доля шутки и что улыбки не бывает без искренности, а искренность – это, как ни крути, уже серьезно. И потому он считает нужным честно предупредить своего читателя о формате своих записок: «Я не из тех путешественников, которые высказывают притворный восторг, любят тем, чем проводник рекомендует любоваться, и делают вид, будто испытали при виде людей и зданий, которыми принято восхищаться, чувства, отсутствующие в их сердце. Нет, я перебрал, продумал свои впечатления и описал их для тех, кто прочтет эти строки; быть может, я сделал это плохо, но я не описывал ничего такого, чего бы не пережил».

Что же Дюма в России пережил? Ни много ни мало, а события нескольких столетий. Писатель, путешествуя по России, перемещался не в пространстве, а во времени, перемахивая из эпохи в эпоху.

Иван Александрович Анненков. Портрет работы Н.А. Бестужева. 1836 год

Прасковья Егоровна Анненкова (Полина Гёбль). Портрет работы Н.А. Бестужева. 1836 год

ДВА ВЕКА ПЕТЕРБУРГА

Конечно, не чужды путешественнику из Парижа и маленькие человеческие радости. Он, как и все туристы, любит Невой, мостами, дворцами, но все-таки для искушенного парижанина это больше декорации исторических событий, сцена, на которой играют великие исторические фигуры. Санкт-Петербург – это место действия Петра I и Екатерины II, в основе драматургии – внутренний конфликт исторического гения, сюжетные узлы – заговоры, дворцовые перевороты, интриги.

Личность Петра, ее великая тайна сокрушают Дюма. Как ни старается он писать если не безмятежно, то хотя бы объективно, отчаянно цепляясь даже за не самую завидную роль исторического адвоката (незавидную, потому что русский царь уж точно ни в каких оправданиях кого бы то ни было не нуждался), у него не получается оставаться беспристрастным повествователем.

Дюма начинает с попыток объяснить политику русского самодержца читателю-французу: «Петр унаследовал огромную державу и чувствовал себя в ней запертым в клетке один на один с варварством, бунтарством и насилием». Но очень быстро автор понимает, что объяснить, растолковать с точки зрения здравого смысла, как его понимают в Европе, ничего невозможно, и тогда он просто дает волю чувствам. «Удивительный пример явил миру этот государь, – заключает он, – деспот по рождению, по положению, по духу, властелин народа, где дворянин – раб суверена, а народ – раб дворянина, где сын – раб отца, жена – рабыня мужа: он сделал для свободы этих людей больше, чем любой из нынешних патриотов или античных республиканцев». О Петре Великом нельзя судить как о человеке, понимает Дюма: свое личное счастье тот принес в жертву государству, его истории. В этом

Дюма записывает
путевые
впечатления
для журнала
«Монте-Кристо».
Карикатура

Санкт-Петербург,
Петропавловская
крепость.
Акварель работы
неизвестного
художника.
Середина
XIX века

смысле путешественник противопоставляет первого русского императора шведскому королю Карлу XII: «Если бы Карл XII был убит, это в конце концов была бы только потеря человека; Швеция осталась бы такой, какой она была, какой должна была быть. Если бы был убит Петр I, то погиб бы не только человек, но и цивилизация, империя потерпела бы крушение».

И так же Дюма пишет о Екатерине II. Размышлениям о ее

судьбе и значении для России он предается, прогуливаясь мимо скульптуры императрицы в парке усадьбы Безбородко. Поначалу француз спотыкается о все ту же трудность объяснения: как-то нужно разрешить многие противоречия, первое из которых связано уже с началом царствования Екатерины. Ведь ее восхождение на трон было, как бы мы выразились сейчас, не совсем легитимным. А если уж говорить до конца откровенно, то совсем нелегитимным. Во Франции середины XIX века, пережившей несколько революций и крушений правящих династий, конечно, тоже все складывалось порой очень затейливо, но общество так привыкло к спорам о правах, свободах и морали, что о сложном приходилось говорить со множеством оговорок. И вот Дюма пытается вписаться в формат: «Безусловно, преступление всегда преступление, история и запечатлевает его как таковое. Но ведь и для суда присяжных – суда, воздающего по заслугам обычным людям, и для суда потомков – воздающего по заслугам монархам, огромное значение имеют смягчающие обстоятельства. Не поставите же вы на одну доску Вильгельма Телля, убившего Гесслера ради свободы Швейцарии, и кюре

Менгра, разрезавшего свою служанку на куски, ради того, чтобы скрыть, что она беременна». Сопоставление обескураживающее, но главное заключается совсем в других строках. «Ни Петр Первый не мог спасти Россию, не избавившись от Алексея, ни Екатерина не могла продолжить дело Петра Первого, не избавившись от Петра Третьего», – твердо и лаконично заключает Дюма.

В тени Петра I и Екатерины II Дюма как будто не вполне себе принадлежит, но все меняется, когда он отдаляется от этих великих фигур на почтительное расстояние. Ни Павел I, ни его сын Николай священного трепета у француза не вызывают, над ними можно уже и пошутить. Эпоха первого откровенно беллетризируется: главы о непродолжительном правлении сына Екатерины разбавляются одновременно анекдотами и мрачными, совсем уж невероятными легендами. Николаевское время довольно просто объясняется характером правителя. «Император Николай, несомненно, являлся крупной исторической фигурой, – отмечает Дюма. – В нем было нечто от античного Юпитера: он знал, что, нахмутив брови, заставляет трепетать шестьдесят миллионов человек. Зная это, он слишком часто хмурил брови, вот и все». Конечно же, нет, не все. Но Дюма увидел так.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЕСКОВА И ДОСТОЕВСКОГО

Впрочем, увидел Дюма и многое другое. Россия – это не ее монархии. Чтобы хоть немного узнать эту суровую северную страну, надо идти в народ. И француз отваживается: «Я могу сказать по-русски «направо», «налево», «пошел», «стой» и «домой». С таким запасом, да еще памятуя о всюду восхваляемой смекалке русского мужика, я надеюсь, что не пропаду».

Александр Дюма.
Начало 1860-х
годов

И.-А. Вейсс.
Вид на Неву
с Троицкого
моста. Середина
XIX века

В таком настроении возникают, само собой, совсем другие сюжеты. Даже глядя на шпиль Петропавловской крепости, Дюма вспоминает не о завоеваниях Петра I, не о темных казематах, в которых томились политические враги Екатерины II. Глядя на крепость в строительных лесах, Дюма передает читателю историю о ремонте ангела, парящего над крышей собора. Ангел пострадал от бури, вот-вот могло отвалиться крыло – но как починить скульптуру на высоте более 120 метров? Возведение лесов обошлось бы казне очень дорого. Подлатать ангела вызвался ярославский крестьянин Петр Телушкин. Мастер убедил ответственных лиц, что сможет взобраться на шпиль без специальных сооружений, и при этом по простоте ли душевной, по лихости ли природы не попросил за это никакой платы. И не обманул – забрался и все починил. Слава о нем дошла до императора, и мастер был щедро вознагражден.

Так об истории писали в русских газетах. Но то, как ее раскрыл Дюма, поражает. Позже так будет писать Лесков. Телушкин – это ведь типичный герой Лескова, гений-чудак из народа, герой, чья трагическая судьба раскрывается в комических обстоятельствах. Поразительно, как это все увидел и почувствовал иностранец. А всего-то, казалось, и нужно было не ставить точку там, где ставили ее русские журналисты. Дюма отказывается от напрашивающегося хеппи-энда и не заканчивает историю награждением мастера 4 тысячами рублей от императора. «Но, получив в руки такое богатство, Телушкин погиб, – пишет Дюма. – До той поры то ли из-за отсутствия средств, то ли по своей умеренности он не пил». Дальше можно не продолжать. Теперь это уже классика. Все мы читали «Левшу».

Предвосхищает Дюма, если не кощунственно это прозвучит для русского слуха, и Достоевского. Мыслимы ли такие сравнения, когда и сам Федор Михайлович жизнелюбивого француза не жаловал? Но почитайте главу

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Каторжники». Это ведь невероятное, нестерпимое что-то: история крестьянина, решившегося убить, чтобы заплатить оброк, история женщины, у которой барин отобрал ребенка, чтобы своим молоком она кормила дорогих породистых щенят, история несостоявшегося рекрута, чья невеста бросилась в реку, когда поняла, что граф хотел взять ее в любовницы. Да-да, тут разумеется влияние Гюго, но ретроспективно невозможно не видеть здесь и предтечу Достоевского. Читаешь и не можешь избавиться от образа мальчика, затравленного собаками, и девочки, погубленной скукающим Ставрогиным. Пробирает до мурашек.

КОГДА И ДАНТЕСА ЖАЛКО

А еще Петербург – это поэты. Пушкин, Лермонтов, Некрасов – вот три русских гения, которых Дюма особенно выделяет.

Пушкин – это наше все. Слишком наше. Пушкин – это сокровище типично русское. Мы как-то очень уж привыкли к этому. Смиримся с тем, что в мире он не составляет той величины, что, например, Достоевский. И мы давно объяснили себе этот феномен. Пушкин, пусть и с его всемирной отзывчивостью, слишком национален, плюс мы отдельно ценим его за тот русский язык, что он нам оставил. Так вот Дюма, представьте себе, увидел в Пушкине то же самое, для него не стало загадкой, чем его гений так дорог нам. «Народ лишь тогда может считаться интеллектуально развитой нацией, когда у него возникает свойственная его духу литература, – пишет Дюма. – Избранные басни Крылова и поэзия Пушкина знаменуют начало духовного развития России». Француз понял, что без Пушкина не было бы той русской литературы, цветение которой он застал в середине XIX века.

Но есть Пушкин-поэт и есть Пушкин-человек. Это банальность, но тем удивительнее, сколь многие люди не хотят принимать этот факт во внимание. Именно поэтому у нас история с Дантесом – это трагедия высшего порядка,

Шарж Шарля Амеде де Ноз «Дюма и его репутация любителя медвежьих бифштексов» в иллюстрированной газете Le Charivari. 1858 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

это не иначе как торжество злых сил. Дюма же эта драма видится слишком человеческой, и он сочувствует всем ее участникам: Пушкину, ставшему заложником ревности и страсти, несчастной Наталье Гончаровой, ставшей жертвой сплетен, и даже Дантесу, который пытался убедить поэта в беспричинности и бессмысленности дуэли. Мы, русские, не принимаем такой суд. В нас слишком глубоко впечатано «Погиб поэт, невольник чести». Не человек погиб – поэт. Отсюда непримиримость. И жена виновата, потому что пустая кокетка, потому что не смогла по-настоящему полюбить (как будто можно судить за нелюбовь), и общество виновато – не уберегло, и император виноват, ну а Дантес и вовсе виноват больше всех – не понимал, на

кого поднял руку. Дюма отказывается от такой интерпретации – имеет право.

К Лермонтову у Дюма, кажется, чувства более глубокие. Хотя он о нем меньше пишет и еще меньше старается его объяснить. Дюма как будто даже ревниво оберегает его, бережет для себя. Точнее, в мире издателя «Монте-Кристо» Михаил Юрьевич словно раздваивается: один – сокровенный, о котором невозможно говорить, а лишь случайно проговариваешься, и за тенью которого бросаешься на Кавказ, другой – общий на всех гений. Вот тот, другой может запросто стать даже персонажем какого-нибудь авантюрного романа, Дюма с легкостью импровизирует отдельные сцены и диалоги. Это похоже порой на анекдоты о наших

Ж.-П. Муане. Беседка в саду. 1858 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

приводила Дюма чуть ли не в священный ужас. Особенно, конечно, эпоха Иоанна Грозного. «Иоанн Грозный в России – личность легендарная, – пишет Дюма. – В первые четырнадцать лет своего правления он поднимается до высшей степени могущества, в течение следующих тридцати доходит до пределов ужаснейшей жестокости. Калигула рядом с ним – голубок. Нерон – агнец». Писатель, захваченный масштабом исторической фигуры, пробует, насколько возможно, разобраться в причинах и следствиях, анализирует за много лет до Фрейда детство и юность Иоанна IV, старается дать и представление о царивших нравах, об обществе XVI века. И следить за развитием мысли Дюма невероятно интересно.

Эпоха Грозного – это полыхающий пожар в истории России. Пожаром было и Смутное время. Пламя, всепожирающий огонь – это для Дюма образы и самой Москвы. Они проходят через все главы о Первопрестольной. По пожарам Москва так же считает свои несчастья, как Петербург – по наводнениям. Самым ужасным, конечно, был пожар 1812 года. «Наполеон думал, что его гений провидел все: кровавые битвы, суровые зимы, даже мысли, – пишет Дюма. – Он в Москве, с ним двести тысяч человек, ему не страшны никакие катастрофы. Он предусмотрел все, кроме одного – пожара!

– Так вот, как они воюют! – воскликнул Наполеон. – Мы были обмануты цивилизованным Санкт-Петербургом, они так и остались скифами».

Пожар на одной из московских улиц вспыхивает и во время пребывания в городе самого Дюма. Неутомимый писатель и публицист мчится на место событий. И увиденное его изумляет. Он и вообразить не мог, какое стихия огня может иметь воздействие на русских людей, что она в них раскрывает. В то время, когда одни являют истинное мужество в борьбе с бе-

великих в исполнении Хармса. Выглядит это примерно так: «Лермонтов служил в гвардии, когда написал свои первые стихи. Император вызвал его к себе.

– Мне докладывали, сударь, что вы пишете стихи?

– В самом деле, Ваше Величество, иногда случается.

– На это есть особые лица, милостивый государь. Моим офицерам незачем заниматься поэзией. Вы поедете воевать на Кавказ – это дело более вас достойно.

Лермонтову только того и нужно было. Он поклонился, уехал на Кавказ и там, глядя на величественную горную цепь, где был прикован Прометей, написал свои лучшие стихи.

Ведь прелесть же что такое!

Что до Некрасова, то с ним Дюма познакомился в Петергофе благодаря посредничеству Григоровича. Французского писателя поразили стихи Николая Алексеевича. «Никогда еще горестный вопль, вырвавшийся из глубин общества, не звучал с такой силой в поэзии», – воскликнул Дюма. После знакомства романист сразу же перевел, пользуясь подстрочником Григоровича, несколько некрасовских стихотворений и незамедлительно отправил их для публикации в «Монте-Кристо».

МОСКВА, СПАЛЕННАЯ ПОЖАРОМ

Воздав полагающиеся почести Петербургу, Дюма отправился в Москву. Об этой поездке он долго мечтал, предвкушал встречу, много от этой встречи ожидал. Москва была для Дюма фантастическим городом, пережившим безумства Грозного и Смуту, городом, «узревшим катастрофы, подобные крушениям персидского Камбиза и вождя гуннов Аттилы», городом, ставшим крайней точкой, где французы вознесли свое знамя и горько поплатились за это. И Москва не обманула надежд создателя «Трех мушкетеров». Дюма был потрясен.

Почти сразу по прибытии путешественник поспешил в Кремль. Дюма изумили кремлевские башни, удивил памятник Минину и Пожарскому, восхитили Оружейная и Грановитая палаты, напугал собор Василия Блаженного («это плод больного воображения безумного зодчего»). И даже вечернее небо над Красной площадью, это алое зарево, повергло парижского гостя в трепет.

Насколько величественна форма, настолько грандиозно и содержание. История Москвы

Красная
площадь.
Литография
Ш.-К. Башелье
и Л.-Ж. Жакотте
с рисунка
И.И. Шарлеманя,
фигуры
Ж.-А. Дюруи.
Середина
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

дой, другие равнодушно наблюдают. «Почему вы не устроите цепочку?» – спрашивает француз обер-полицмейстера. И тот не понимает, о чем ему толкуют. Дюма объясняет: когда во Франции случается пожар, все спешат к фонтану, колодцу или реке, чтобы встать живой цепью до места пожара и передавать ведра с водой из рук в руки, чтобы пожарным не приходилось бегать туда-сюда.

«– Хорошо придумано, даже прекрасно, – отвечает обер-полицмейстер. – Но у нас не существует закона, который мог бы заставить людей этим заниматься.

– И у нас нет такого закона, – удивляется Дюма. – Но помогать готовы все! Я сам видел, как принцы стали в цепочку, когда начался пожар Итальянской оперы».

Полицмейстер горько усмехнулся и заметил, что русский народ до такого братства еще не дорос. Прошло двести лет, цепочки во время пожаров по-прежнему для России непонятный феномен, даже если дело происходит в каком-нибудь медвежьем углу, до которого не может быстро добраться техника. А зевак все так же хватает.

ВНИЗ ПО ВОЛГЕ

Потрясенный Москвой Дюма отправляется дальше – в провинцию. Путешественник спешит в Нижний Новгород на крупнейшую ежегодную ярмарку и не догадывается, какой удивительный сюрприз его там ожидает.

Нижний Новгород. Сцена у ярмарочного моста. С рисунка В.П. Рыбинского 1857 года

Еще при приближении к городу до парохода, на котором находится Дюма, доходит страшный шум, похожий на гул перед землетрясением. Это был гул голосов. Суматоху, что царил на берегах реки, романист сравнил с шумом и гамом улицы Риволи вечером после фейерверка. А уж в Нижнем Базаре творилось и вовсе настоящее столпотворение – нагромождение торговых галерей, ларьков, кругом очереди, всюду носильщики, прилавки усыпаны всякой всячиной. Одних орехов тут продавалось на 400 тысяч франков, а самоцветов – на 3 миллиона, икры – на 2, шелков – на 8, всего русских товаров на 190 миллионов, европейских – на 18, азиатских – на 17. Эту ярмарку писатель покинул оглушенный, но удовлетворенный.

А вечером Дюма отправился на чаепитие к губернатору Александру Муравьеву. Когда Дюма впервые узнал о

Нижний Новгород. Самокатская площадь на ярмарке. С рисунка В.П. Рыбинского 1857 года

планируемом визите, он не смог не сострить: «– Он из тех Муравьевых, которых вешают, или из тех, которые вешают?» Француза заверили, что из первых, объяснили, что декабристу была дарована новым императором амнистия. И более того – в качестве компенсации за страдания его назначили губернатором Нижнего Новгорода.

На этом-то приеме и ждал Дюма сюрприз. Минут через пять после появления в губернаторском доме Дюма было объявлено о приходе новых гостей. Дальше француз описывает происшедшее так: «Генерал взял меня под руку и подвел к вновь прибывшим.

– Господин Александр Дюма. Затем, обратившись ко мне: – Граф и графиня Анненковы, герой и героиня вашего романа «Учитель фехтования».

Я вскрикнул от удивления и очутился в объятиях мужа и жены».

А потом, когда Дюма пришел в чувство, они, конечно, о многом говорили. Создатель «Учителя фехтования» узнал о дальнейшей судьбе «своих героев», узнал о том, как роман был принят в России. Да, он был запрещен, но это лишь прибавило ему популярности: даже торговцы продавали платки с изображением сцен из романа. Более того, книгу в нару-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Николаевич Муравьев (1792–1863), нижегородский военный губернатор, сенатор

шение запрета супруга читала сама императрица.

Вообще, оказалось, что Дюма в России знали так же хорошо, как Гюго, Бальзака, Мюссе, Жорж Санд, и притом так же хорошо, как знали его и всех перечисленных в самом Париже. Гость из Франции отплатил той же монетой – познакомил своих соотечественников на страницах своего журнала с лучшими русскими поэтами и прозаиками.

НА КАВКАЗ

Из Нижнего Новгорода Дюма отплыл в Казань, там пробыл день, собрал все легенды про дракона Зиланта и царицу Сююмбике и скорее отправился через Саратов в Астрахань. На устье Волги путешественник проводит неделю, гостит у князя Тюменя, изучает быт и нравы местных татар, калмыков, киргизов и армян и наконец в начале ноября отправляется на Кавказ.

Дюма, конечно, не хочет признавать, что он устал и измучен постоянными передвижениями и невозможностью никуда добраться легко и быстро, но его перо говорит само за себя. Обычно стремительный и острый слог его делается ленивым, вязким, точно унылые степи, которые пришлось преодолевать на лошадях из-за того, что единственный пароход, который мог доставить Дюма в Баку, приказал долго жить. И даже упоминания Дюма о подстерега-

ющих на пути к Кизляру опасностях, прячущихся в оврагах кабардинцах и чеченцах не сильно оживляют его степные хроники.

Но все точно по волшебству меняется, когда Дюма наконец добирается до Кавказа. Тут впечатления сменяют одно другое с быстротой молнии, чувства рвутся наружу, точно гряды Кавказских гор из земли. Дюма становится прежним острословом и метким наблюдателем, он вновь фонтанирует анекдотами и легендами. И опять на зависть злопыхателям.

Александр Дюма
в черкеске

Казанский
кремль и башня
Сююмбике
на гравюре
Турнерелли
середины
XIX века

Ж.-П. Муане. Улица в Тифлисе.
1858 год

В русских газетах консервативного толка пишут, что секрет неистощимой плодovitости автора бесчисленных романов кроется в самом гнусном плагиате. Журналисты, сами все путая, обвиняют француза в подлоге, будто в новом цикле, «Кавказ», он присваивает себе целые страницы из повести «Аммалат-бек» Бестужева-Марлинского, тогда как Дюма сам в своих записках ссылаясь на это произведение не единожды, отдавая все почести русскому автору. Кто не рискует обвинить путешественника в воровстве, обвиняет в фанфаронстве: дескать, Дюма только тем и занят на Кавказе, что расхаживает в черкеске, балагурит да пьет без меры вино. «Знаменитый романист, как уверяют, рассказывал даже своим друзьям, что он видел самого Прометея, по-прежнему прикованного к скале Эльбруса», – язвят авторы «Санкт-Петербургских ведомостей».

Но правда в том, что цикл Дюма о Кавказе – это невероятно интересное чтение, продолжение не менее увлекательных «Путевых впечатлений. В России», изданных у нас в трех томах. Несколько месяцев странствий Дюма по Кавказу (Кизляр – Дербент – Баку – Тифлис – Поты – Трапезунд) вылились еще в одну прекрасную книгу. Даже предисловие к ней – отдельное эпическое произведение, а каждая новая глава – замечательная новелла. Да, еще порой кажется, что Дюма сопровождал в горах и селениях этих дивных краев призрак Михаила Юрьевича – до того хорошо это написано.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НУЖНО СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ОСТАНЕТСЯ ЛИ ЧТО-ТО ОТ «КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ» ВО ВРЕМЕНА, КОГДА СЛОВО «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ» УЖЕ КАЖЕТСЯ АНАХРОНИЗМОМ? МОЖНО ЛИ СЕГОДНЯ ЧИТАТЬ КНИГУ О ВОСПИТАНИИ НАСТОЯЩЕГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА НЕ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА, А ДЛЯ ДУШИ? АКТУАЛЕН ЛИ СЕГОДНЯ ОПЫТ МАКАРЕНКО? А КАК ЖЕ ТА САМАЯ ПОЩЕЧИНА?

ИСТОРИЯ СЕМЬИ Макаренко начинается в городе Крюкове под Кременчугом. Там познакомились и в 1875 году поженились железнодорожный маляр Семен Макаренко и дочь чиновника из обедневших дворян Татьяна Дергачева. О предыдущих поколениях этой семьи мало что знали даже дети. Отец был круглым сиротой, рос у тетки, на расспросы отпрысков о детстве отвечал: «Нечего мне вам рассказывать. Хлебнул я горя немало, и вспоминать об этом мне прямо тяжело. Да и к чему?» Младший брат Антона Макаренко, Виталий, вспоминал, что отец много читал, писал почти без ошибок, выписывал газеты и журнал «Нива»; в домашнюю библиотеку входили приложения к «Ниве» – полные собрания сочинений Чехова, Короленко, Куприна, Сервантеса, Мопассана. Дед по материнской линии, Михаил Дергачев, был интендантским чиновником в Крюкове, владел хорошим домом с садом. У матери было два брата, оба спились. Сестры были замужем за железнодорожными рабочими, одна из них страдала тяжелым наследственным пороком сердца. Большое сердце было и у Антона Макаренко.

В семье было четверо детей: Александра, Антон, Наталия и Виталий. После рождения Александры семья переехала в Белополье, в поселок у железнодорожной станции – Антон родился уже там. В марте 1888 года

Родители
А.С. Макаренко:
Татьяна
Михайловна
и Семен
Григорьевич.
1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

беременная им Татьяна Михайловна поскользнулась на льду и упала, роды начались в тот же день, мальчик появился на свет недоношенным. Как пишет Виталий Макаренко, Антон рос очень болезненным ребенком и сильно страдал от золотухи, бесконечных фурункулов и карбункулов. Антон рано научился говорить, но ходить стал только в полтора года. А матери приходилось ухаживать не только за вечно болеющим сыном, но и за парализованной дочерью Наташей. Антону было трудно участвовать в детских играх, потому что он, по словам брата, «был очень неловок, неуклюж, самое главное, страшно близорук». Дети жестоко подшучивали над ним: привязывали к ноге старую кастрюлю или дохлую кошку, совали понюхать букет, посыпанный перцем, а когда все купались – мочили его кальсоны и завязывали узлами. Он очень страдал – и от скверного отношения, и от одиночества; чуть не единственным его другом была девочка по имени Поля, на которой он позже едва не женился.

В 1897 году, в 9 лет, Антон поступил в начальное железнодорожное училище, а с 1901-го по 1904-й посещал четырехклассное училище в Кременчуге. В 1905 году окончил одногодичные педагогические курсы – и после этого стал работать в Крюкове учителем в железнодорожном училище. То есть с 17 лет уже сам зарабатывал на жизнь. Правда, как вспоминал брат, в жизни

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

семьи юноша принимал мало участия, из своего жалованья в 47 рублей отдавал матери только 10. А когда она возмущалась, что его на эти деньги не прокормить, отвечал как типичный трудный подросток, что не просил его рожать и что родители должны осознавать ответственность за свои поступки. Брат называет это ужасающим цинизмом, но, вероятно, это не столько цинизм, сколько подростковая глупость. Может быть, хорошему педагогу в самом деле надо пройти через все ошибки и соблазны юности, чтобы понимать потом, как с ними справиться.

Антон был очень некрасив и очень влюбчив; брат пишет, что он влюблялся каждые две недели, и приводит в воспоминаниях даже небольшой донжуанский список.

А.С. Макаренко с преподавателями Крюковского высшего железнодорожного училища. 1910–1911 годы

Крюковские вагонные мастерские, на территории которых располагалось Крюковское начальное училище. Конец XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КРЮКОВСКИЙ СКАНДАЛ

К 17 годам юноша совершенно разочаровался в жизни и любви и стал помышлять о самоубийстве. Он был уверен, что Бога нет, жизнь бессмысленна, детей вообще не надо рожать и выпускать в этот жестокий мир. От самоубийства его отговаривал местный батюшка, который предложил приходить почаще в гости: «Матушка будет рада вас видеть, я уже говорил ей о вас, она вас успокоит, она женщина и сумеет найти нужные слова». Окончилось это тем, что Антон увел матушку, Елизавету Федоровну, от батюшки, и прожил с ней следующие двадцать лет, хоть и жаловался брату, что она мещанка. Матушка была на восемь лет его старше, очень любила его и прощала многочисленные увлечения.

В Крюкове эта история вызвала страшный скандал. Семен Макаренко, отец семейства и церковный староста, порвал с сыном. Только на Пасху 1908 года, когда мать затосковала, что Тоси нет за праздничным столом, велел послать за ним, но, кажется, так и не простил сына.

Юный Макаренко читал книги по истории и философии, увлекался Ницше и Шопенгауэром, зачитывался «Полом и характером» Вейнингера, как и многие юноши той эпохи. Следил за всеми новинками художественной литературы. Словом, первое десятилетие XX века было для него временем самообразования и поисков себя.

В 1911 году он решил жить отдельно и переехал на станцию Долинская под Елисаветградом (Кировоградом). «Станцию и поселок при ней можно было охватить одним взглядом, – писал Макаренко. – Нас окружала степь, однообразная, ровная, молчаливая. А что там было в степи? Два кургана на горизонте, да скрытое в балке село, да на большой дороге столбы и пыльные вихри. На станции было маленькое депо, так называемое «оборотное»; работало в нем народу несколько десятков человек, и на самой станции

еще меньше, тихое было место, пыльное и бедное». В Долинской он тоже преподавал. Заняться там было нечем, брат Макаренко вспоминал, что именно в Долинской тот научился пить водку. В 1914 году Антон Макаренко поступил в Полтавский учительский институт, который в 1917-м окончил с золотой медалью. Он снова обложился книгами, жил на стипендию в 15 рублей и почти голодал. Отец посылал ему 10 рублей в месяц от имени матери. В это время Макаренко пытался писать прозу. В 1914 или 1915 году послал свой рассказ Горькому, которому рассказ показался слабым. Макаренко решил больше не заниматься литературой, хотя дневники вести не бросил.

СПАСАТЬ ТОСЮ

Первая мировая могла перевернуть всю его жизнь, как перевернула жизнь младшего брата и целого поколения ровесников. Но он был слишком близорук, совершенно негоден для военной службы.

В конце декабря 1916 года, когда Виталий Макаренко уже отучился на офицера, побывал на фронте и лечился после ранения, Антон «был мобилизован как ратник ополчения 2-го разряда для прохождения строевой подготовки и был направлен в казармы в Киев». Там он и встретил Февральскую революцию. Казарменная жизнь так ему претила, что он писал Елизавете Федоровне, что покончит с собой. Та позвала Виталия «спасать Тосю». Виталий после своего фронтового опыта не нашел ничего ужасного и спросил: «А что бы ты делал на фронте?» «Я бы застрелился», — ответил Тося. Через месяц он демобилизовался.

Окончив педагогический институт, Антон Макаренко стал инспектором Крюковского железнодорожного училища. Елизавета Федоровна тоже стала учительницей, окончив женские курсы в Киеве. Брата Макаренко взял к себе учителем спорта, рисования и математики. Считается, что именно с легкой руки Вита-

А.С. Макаренко на военной службе. Киев. 1916 год

лия Семеновича в систему Макаренко вошли элементы строевой подготовки: мальчишки интересовались военным делом и просили научить их военному строю, захотели иметь собственное знамя. Сам Антон Семенович изначально был против, но со временем стал сторонником строя, формы, дисциплины — вообще военного порядка. Он проникся и другой идеей брата — театральным кружком. Сам он играть на сцене не мог из-за сильной близорукости и стал суфлером. После Октябрьской революции и во время Гражданской войны

Украина часто переживала смену власти: то ее возглавлял гетман, поддерживаемый австрийско-германскими войсками, то власть брали красные, то белые, то махновцы, то петлюровцы. Когда Кременчуг и Крюков оказались под властью деникинцев, Виталий Макаренко мобилизовали. В 1919 году он с отступающей Белой армией ушел в Крым, затем в Константинополь и Галлиполи, затем перебрался во Францию. Антон же уехал в Полтаву. Братья больше никогда не виделись.

НЕТ ДЕФЕКТИВНЫХ ДЕТЕЙ

Гражданская война сделала беспризорниками около 7 миллионов детей. Они жили воровством и подаянием, умирали от голода и холода, забивались в переполненные поезда, чтобы уехать на юг — туда, где тепло, где можно выжить. Перед новой властью встала серьезная проблема: что делать с этой армией беспризорных детей? Ведь очень скоро она могла вырасти в армию асоциальных взрослых.

В 1920 году Полтавский губнаробраз поручил Антону Макаренко создать в селе Ковалевка около Полтавы «колонию для дефективных» — то есть для несовершеннолетних правонарушителей. Так началась «педагогическая поэма» длиной в два десятилетия. Макаренко говорил: «Нет дефективных детей, есть дефективное отношение к ним». Вместе с ним в Ковалевку отправилась Елизавета Федоровна. Она стала

Кременчуг Полтавской губернии. Здание городской Думы. Построено в 1803 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Беспризорные дети у авто-мобиля. 1920-е годы

прототипом воспитательницы Екатерины Григорьевны в «Педагогической поэме» – «матерого педагогического волка», как ее характеризует автор. Первые шесть воспитанников привели немногочисленный коллектив колонии в отчаяние: «Четверо имели по восемнадцати лет, были присланы за вооруженный квартирный грабеж, а двое были помоложе и обвинялись в кражах. Воспитанники наши были прекрасно одеты: галифе, щегольские сапоги. Прически их были последней моды. Это вовсе не были беспризорные дети». Они держались нагло, требовали, чтобы им прислуживали, грабили окрестных крестьян. Макаренко в конце концов не выдержал: когда молодые люди отказались рубить дрова, чтобы можно было приготовить еды для них же, влепил одному

пощечину. А потом ударил еще раз и еще. И взялся за кочергу. И воспитанники отправились рубить дрова. Об этой знаменитой «макаренковской пощечине» педагогика спорит едва ли не до сих пор: допустимо насилие в воспитании или нет? Сам Макаренко не признавал общих решений: в каждом конкретном случае он выбирал решение соответственно ситуации. Силу он пустил в ход в первый и последний раз в жизни – это был единственный понятный взрослым людям способ обозначить границы, которые нельзя переходить. И этот способ сработал. Концепция «морально дефективных детей» развалилась сама собой, когда стало понятно, что в здоровой среде с сильным, взрослым и заботливым лидером, с четкими и ясными правилами, с работающей системой

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный лист Собрания сочинений А.С. Макаренко

СЕКРЕТНЫЙ ИНГРЕДИЕНТ

Доверие и уважение к человеку – краеугольный камень педагогики Макаренко. О ней часто спорят: может быть, это вообще не воспроизводимая, штучная вещь, зависящая исключительно от личных качеств воспитателя, личных качеств воспитанника и личных отношений между ними? Но ведь самые разные по характеру воспитанники Макаренко, становясь воспитателями, с успехом воспитывали следующие поколения детей – а стало быть, это воспроизводимо? Стало быть, нет никакого «секретного ингредиента»?

Этот базовый постулат – уважение к воспитаннику, уважение его свободы, его мнения, его прав – прижился в советской педагогике под именем «принципа социалистического гуманизма», хотя в нем нет ничего особенно социалистического. Ребенок – это личность, которая заслуживает уважения, просто потому, что это человек. И отсюда проистекает демократизм воспитательной системы Макаренко: обязательное самоуправление детского коллектива. Школьная педагогика, адаптировав этот принцип, превратила его в пол-

А.С. Макаренко с участниками драматического кружка коммуны

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ную противоположность самому себе: под коллективным воспитанием стала пониматься круговая порука, наказание всех за провинность каждого, разбор личных дел провинившихся на отрядных сборах и комсомольских собраниях. Достаточно просто почитать Макаренко, чтобы понять, как далек этот унылый опыт от реальной практики макаренковского самоуправления. «Принцип оптимизма», сформулированный Макаренко, сегодняшняя педагогика тоже не опровергает – напротив, как раз говорит, что в каждом ученике надо уметь найти хорошие качества и сильные стороны и опираться на них. Макаренко вообще не исходил из того, что ему надо исправлять какие-то дефекты воспитанников. Поначалу он исходил из практических соображений: надо сделать такую и такую работу, кому ее поручить, кто с ней лучше всего справится? Оказалось, этот подход дает отличные результаты. Трудовое воспитание – еще один кит педагогики Макаренко. Изначально в его колонии труд не был ни наказанием, ни средством воспитания: он был средством выживания. А потом стало понятно, что дети, занятые осмысленным делом, не только приносят пользу обществу, но и сами получают пользу, учась ответственности, планированию, взаимодействию с другими – и это важная часть взросления. Макаренко понял это раньше многих – именно потому, что он был сугубым практиком. Он имел дело с живыми людьми, исходил из их интересов, наблюдал за их взаимодействием и развитием, анализи-

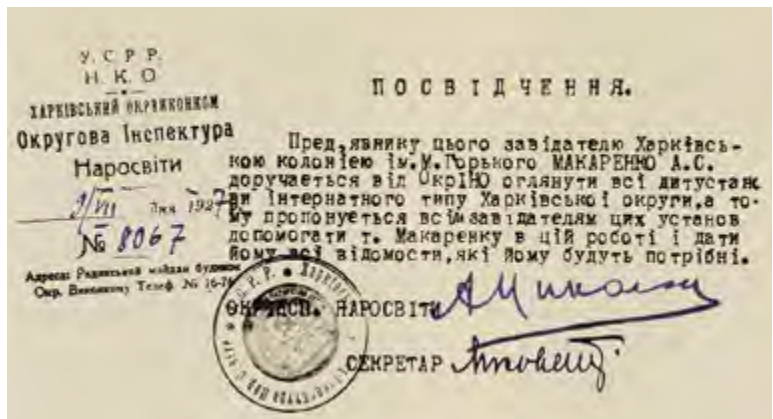
Воспитанники Детской трудовой колонии им. М. Горького на работе. Начало 1920-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.С. Макаренко. Книга для родителей. 1937 год

Куряжский Преображенский мужской монастырь. До 1917 года

Удостоверение А.С. Макаренко. 1927 год

ровал свои удаи и неудачи и делал из них выводы. А выводы эти были вполне ясные: если общество здоровое, построенное на справедливых базовых принципах, то под его влиянием даже те его члены, у которых есть тяжелый и болезненный опыт, могут поддерживать с окружающими нормальные отношения, основанные на взаимном уважении. У Стругацких один персонаж изобрел «позитивный реморализатор». Макаренковский опыт – уникальный для XX века – не фантастический, а практический опыт позитивной реморализации: никто из воспитанников не стал рецидивистом. Все нашли профессии, занятия, обзавелись семьями, некоторые стали воспитателями. Сегодняшняя наука говорит еще, что шансы проблемных подростков на успешную адаптацию в обществе резко возрастают, когда есть хотя бы один искренне заинтересованный в их жизни взрослый. Макаренко и был для вчерашних беспризорников, бандитов, воров, малолетних проституток таким

взрослым – не осуждающим, не вспоминающим вчерашнего, готовым поддержать. Однако при этом он ставил жесткие границы, строго спрашивал и многого требовал. «Как можно больше уважения к человеку и как можно больше требовательности к нему», – сформулировал Макаренко.

Он и к себе предъявлял множество требований. Как вспоминал его воспитанник Семен Калябалин, всегда был собран, подтянут, изыщен, остроумен, «всегда стоял в красивой позе, держался прямо». И еще его отличала «изумительная строгость», которая держала воспитанников на «педагогической дистанции». И умение увидеть, кто устал, кто сейчас расплачется, кого надо оставить в одиночестве. С кем можно помолчать – и он сам поймет, в чем не прав, а кого надо вывести на середину и обсудить на общем собрании. Нет единых правил для всех. Есть наблюдательность и забота.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ИМЕНИ ГОРЬКОГО

В 1924 году колония переместилась в имение братьев Трепке; через два года ее перевели в Куряжский монастырь – теперь Куряжскую колонию. Сначала Макаренко позвали туда на 10 дней понаблюдать; затем предложили ее возглавить и взять на воспитание еще более 200 человек. Он сначала отказался: в колонии царил хаос. Но потом посоветовался со своими воспитанниками и все-таки взялся за дело вместе с ними. Этот опыт описан в «Педагогической поэме»: честный опыт разочарований, обид, падений – и все равно это поэма. Почему? Просто по вере в человека, в его возможность восстать из пепла, расправить плечи и жить достойно. Недаром колония взяла имя Горького, недаром так зазывала его в гости – и он даже приехал однажды, поддержал, заступался потом за Макаренко. Ведь и для Макаренко, как для Горького, «человек – это звучит гордо». Без всякой иронии. Горькому Макаренко жаловался: «К вам приводят запущенного парня, который уже и ходить разучился, нужно из него сделать Человека. Я поднимаю в нем веру в себя, воспитываю у него чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом, перед человечеством, я говорю ему о его человеческой и рабочей чести. Оказывается, это все «ересь». Нужно воспитать классовое самосознание (между нами говоря, научить трепать языком по тексту учебника политграмоты)». Горького он позвал на помощь, когда

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.М. Горький
и А.С. Макаренко.
Куряж. 1928 год

руководство Наркомпроса заподозрило его в несоциалистических методах воспитания: Крупская обвинила Макаренко в том, что его система «несоветская». Макаренко писал в это время Галине Салько, что боится, что его посадят только потому, что он не желает «кланяться всяким сумасшедшим».

Галина Салько посетила колонию как инспектор в 1927 году и была весьма скептически настроена к педагогическим экспериментам Макаренко. Но, посмотрев на колонию, стала их горячей сторонницей. А он влюбился в эту маленькую круглолицую женщину. Писал ей трогательные письма: «...что я непременно обязан делать – это благодарить Вас за то, что Вы не прошли мимо случайности – меня. За то, что Вы украсили мою жизнь смятением и величием, покорностью и взлетом. За то, что позволили мне взойти на гору и посмотреть на мир». Галина Салько была разведена и растила сына Льва; Макаренко воспитывал дочь эмигрировавшего брата – Олимпиаду. Так он оказался мужем и отцом двоих детей.

Галина Стахивевна Рогаль-Левицкая
(по первому браку – Салько,
по второму – Макаренко). 1914 год

Горький приехал в 1928 году. Посмотрел на колонистов и хозяйство, восхитился. Макаренко показал ему черновики «Педагогической поэмы». Горький посоветовал ему всерьез заняться писательской работой. После отъезда писателя Макаренко уволился и занялся книгой.

Считается, что именно Горький способствовал переводу отвергнутого Наркомпросом Макаренко в новую колонию, имени Дзержинского, созданную НКВД. Чтобы ее возглавить, Макаренко пришлось стать штатным сотрудником НКВД. Горький же помог выпустить «Педагогическую поэму», которую отказались печатать все советские издательства. Она увидела свет в «Литературном альманахе», руководимом Горьким. Первая часть вышла в свет в 1933 году, вторая и третья – в 1935-м, и автор сразу стал знаменит на всю страну.

В его коммуны стали приезжать гости; однажды даже приехал премьер-министр Франции Эррио. Гостей удивлял образцовый порядок, чистота и красота: цветочные клумбы, розы, идеальные дорожки, опрятная одежда коммунаров, непохожих на сироток из приюта, серьезное сельскохозяйственное и промышленное производство, театр, клубы. Коммуна быстро вышла на самообучаемость – а это в начале 1930-х, во время голодомора, было важно как жизнь.

А.М. Горький
и А.С. Макаренко
среди воспитанников
Куряжской колонии. 1928 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ФОТОАППАРАТЫ И ЛЮДИ

Коммунары работали по четыре часа в день: производили электродрели. И учились. Для тех, кто хотел учиться после школы, в коммуне открыли рабфак Харьковского машиностроительного института. У Макаренко были не только интересные педагогические, но и управленческие идеи: недаром в последнее время все чаще анализируют его опыт руководства предприятием – и он тоже, как оказывается, опережал свое время. Макаренко первым внедрил на практике ряд идей – от корпоративного университета до мультипроектного управления. Большой бизнес стал внедрять эти идеи только в послевоенное время, и в наши дни они остаются актуальными.

Может быть, именно успешность колонии как производственного проекта и погубила ее как проект воспитательный. Макаренко не хотел останавливаться на электродрелях и замахнулся на производство фотоаппаратов:

«— ...Мальчики? Линзы с точностью до микрона? Хе-хе!

Но уже пятьсот мальчиков и девочек бросились в мир микрон, в тончайшую паутину точнейших станков, в нежнейшую среду допусков, сферических aberrаций и оптических кривых, смеясь, оглянулись на чекистов.

— Ничего, пацаны, не бойтесь, — сказали чекисты.

Фотоаппарат
ФЭД с надписью:
«Трудкоммуна
НКВД-УССР им.
Ф.Э. Дзержин-
ского»

Корпуса завода
фотоаппаратов

Коммунары в заводском цеху

Развернулся в коммуне блестящий, красивый завод ФЭДов, окруженный цветами, асфальтом, фонтанами. На днях коммунары положили на стол наркома десяти тысячный «ФЭД», безгрешную изящную машинку». Кстати, аббревиатура ФЭД – это Феликс Эдмундович Дзержинский.

Макаренко доказывал: мы здесь не фотоаппараты делаем, а людей! Но фотоаппараты были, вероятно, нужнее. Макаренко перевели с должности заведующего коммуной на должность заместителя по педагогической части. Он страдал от того, что у него отнимают налаженное, очень человеческое дело – сделать из уникальной коммуны обыкновенный завод. В это время у него случился тяжелый сердечный приступ.

Коммуна имени Дзержинского стала Харьковским комбинатом НКВД СССР (под названием «Харьковский машиностроительный завод ФЭД» он существует по сей день и производит гидроагрегаты для авиационной промышленности. — Прим. авт.). А Макаренко в 1935 году перевели в Киев в главное управление НКВД; он пытался разработать план перевода всех украинских колоний на свою систему, но этому не суждено было сбыться.

В 1936 году его позвали на выпускной вечер в Колонию имени Дзержинского, где, как вспоминают, он произнес в своем выступлении фразу: «Все мы работаем под руководством партии и товарища Сталина. И если даже товарищ Сталин сделает тысячу ошибок, мы все равно должны

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

идти за товарищем Сталиным». На следующий день харьковские газеты написали, что Макаренко допустил резкий выпад в отношении товарища Сталина, а в НКВД поступил донос, хода которому не дал министр внутренних дел Украины Балицкий – как не дал хода и показаниям непосредственного начальника Макаренко, Льва Ахматова, который был арестован как троцкист и назвал Макаренко своим соучастником. А ведь у Антона Семеновича был еще и брат-белогвардеец во Франции. И хотя переписку с ним Макаренко прервал по настоянию Галины Салько еще в 1928 году, он никогда не отказывался от брата, как этого от него настойчиво требовали. Работа в органах стала не просто обременительна, но и опасна.

НА НЕСКОЛЬКО ПЯТИЛЕТОК РАБОТЫ

Летом 1936 года Макаренко написал рапорт руководству, где прямым текстом заявил: я написал «Педагогическую поэму» и собираюсь писать книгу о методах коммунистического воспитания, у меня много литературных обязательств, которые я не могу совмещать со службой, при этом «польза, приносимая мною здесь, совершенно ничтожна». В заключение он просил руководство ходатайствовать перед наркомом «о скорейшем освобождении» его от должности. Чуковский, ко-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

торый встретил его тем летом в Киеве, писал: «...он уверенно наметил себе несколько пятилеток непрерывной работы, для которой, по его расчету, требуется десять-двенадцать томов. Я от души завидую его спокойной уверенности и вполне разделяю ее – такая чувствуется в этом человеке целеустремленная сосредоточенность воли». Чуковский уже тем летом заметил, что у Макаренко прихватывает сердце и что ему бывает очень плохо.

В марте 1937 года Антон Семенович, освободившись от службы в органах, приехал в Москву

А.С. Макаренко.
1930-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Французское издание романа А.С. Макаренко «Педагогическая поэма». 1939 год

Строй колонистов в парадной форме перед выходом в город

и поселился в «писательском доме» в Лаврушинском переулке. Может быть, это уберегло его от репрессий и дало немного больше времени для работы над книгами – хотя ему и не суждено было написать задуманные десять томов. Он быстро включился в писательскую жизнь Москвы. Много выступал по вопросам педагогики, взялся за книгу для родителей, дописывал «Флаги на башнях». Когда советское правительство в феврале 1939 года решило наградить большую группу писателей орденами, он получил орден Трудового Красного Знамени.

Весной 1939 года он работал в Доме творчества в Голицыне над киносценарием к фильму «Флаги на башнях». Утром 1 апреля он вошел в вагон пригородного поезда, чтобы отвезти киносценарий в Москву, сел на скамейку – и умер. Внучка Виталия Макаренко актриса Екатерина Васильева утверждает в фильме «Семейная тайна Антона Макаренко», что двоюродного деда вызвали в Москву, чтобы арестовать: «Его встречали с наручниками в Москве». Медицинское заключение гласило, что он умер от разрыва сердца. Хоронил его Союз писателей.

Педагог в нем всегда затмевает писателя, и это закономерно. Но писатель Макаренко – одаренный и ни на кого не похожий. Он умеет сделать своих персонажей живыми, а летопись жизни колонии превратить в захватывающий сюжет. Он умеет просто и без пафоса говорить о важном – и даже когда он рассказывает о невыносимо страшном и горьком, он умеет видеть абсурдное и смешное. И, несмотря на всю устаревшую уже коммунистическую риторику, которую он сам не любил, «Педагогическая поэма» звучит живо и современно – и читается с той редкой радостью, которую приносят весна, солнце и свежий воздух: это какой-то анти-Обломов по своему характеру, по ясной и твердой вере в то, что воскресить человеческое в человеке никогда не поздно. ♣

«НЕ БЕССЛЕДНО ПРОЙДУТ ЭТИ ГОДЫ...»

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТАЙНА. ЕЕ НАДО РАЗГАДАТЬ, И ЕЖЕЛИ БУДЕШЬ ЕЕ РАЗГАДЫВАТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ, ТО НЕ ГОВОРИ, ЧТО ПОТЕРЯЛ ВРЕМЯ; Я ЗАНИМАЮСЬ ЭТОЙ ТАЙНОЙ, ИБО ХОЧУ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ», – ПИСАЛ 17-ЛЕТНИЙ СТУДЕНТ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРНОГО УЧИЛИЩА ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ.

А ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ НА открытии памятника Пушкину Федор Михайлович, уже известный писатель, поделился этой тайной со всеми: «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-

нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его».

Сама судьба позволила Достоевскому разгадать эту тайну. Но для этого дворянину пришлось стать ссыльнокаторжным второго разряда и четыре года провести в Омском остроге. Перед тем был Семеновский плац в Петербурге, куда 22 декабря 1849 года привезли приговоренных к расстрелу петрашевцев. Петрашевского, Момбелли и Григорьева привязали к столбам, солдаты прицелились, но в последний момент прозвучало помилование: вольнодумцев приговорили к каторжным работам. Там, на Семеновском плацу, Достоевскому открылась первая тайна: он осознал, что «жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла быть веком счастья».

Заместитель директора Омского литературного музея Светлана Рудницкая демонстрирует арестантскую рубашку

МЕРТВЫЙ ДОМ

Дорога в Сибирь заняла месяц: в ночь с 24 на 25 декабря 1849 года Федор Достоевский, закованный в дорожные кандалы, отправился в путь по Московско-Сибирскому тракту, а 23 января 1850-го прибыл в Омский острог.

Острог находился на краю крепости у самого вала: «Представьте себе большой двор, шагов в двести длины и шагов в полтора ширины, весь обнесенный кругом, в виде неправильного шестиугольника, высоким тыном, то есть забором из высоких столбов (паль), врытых стойком глубоко в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами, скрепленных поперечными планками и сверху заостренных: вот наружная ограда острога. В одной из сторон ограды вделаны крепкие ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми; их отпирали по требованию, для выпуска на работу. <...> Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо Мертвый дом, жизнь – как нигде, и люди особенные», – писал Федор Михайлович в «Записках из Мертвого дома».

Вновь прибывших в острог перековывали в «форменные кандалы», в которых они находились до окончания срока: «кандалы, приспособленные к работе, состояли не из колец, а из четырех железных прутьев, почти в палец толщиной, соединенных между собою тремя кольцами. Их должно было надевать под панталоны. К срединному кольцу привязывался ремень, который в свою очередь прикреплялся к поясному ремню, надевавшемуся прямо на рубашку». Весили такие кандалы 4–5 килограммов. Всем арестантам особым образом брили головы. Каторжники делились на разряды и различались по срокам каторжных работ: срочные (осужденные на определенный срок) и бессрочные (осужденные пожизненно). Срочным выбривали половину

Берег Иртыша, где стояла Омская крепость

Кордегардия – караульное помещение при остроге. Разобрана в 1914 году

головы от уха до уха, а бессрочным – от затылка ко лбу левую половину. Раз в неделю каторжане обязаны были для бритья головы ходить в кордегардию при остроге. Одежда тоже была особенная. Летом носили серую холщовую рубашку с черным кругом на спине. А зимой на черную шинель пришивался бубновый туз. Это была мишень – на случай попытки побега. В остроге считалось нормой воровать друг у друга, а доносы были чем-то само собой разумеющимся.

Достоевский писал брату: «Вообрази себе старое, ветхое, деревянное здание, которое давно уже положено сломать и которое уже не может служить. Летом духота нестерпимая, зимою холод невыносимый. Все полы прогнили. Пол грязен на вершок, можно скользить и падать. Маленькие окна заиндевели, так что в целый день почти нельзя читать. На стеклах на вершок льду. С потолков капель – все сквозное. Нас как сельдей в бочонке. Затопят шестью поленами печку, тепла нет (в комнате лед едва оттаивал), а угар нестерпимый – и вот вся зима. <...> Поворотиться негде. <...> Спали мы на голых нарах, позволя-

лась одна подушка. Укрывались коротенькими полушубками, и ноги всегда всю ночь голые. Всю ночь дрогнешь».

Арестанты были в большинстве своем крепостные крестьяне или солдаты, набранные по рекрутскому набору из крестьян. Достоевский был им непонятен. А у таких людей все непонятное вызывает ненависть. В таких условиях было очень нелегко исполнить решение, которое Достоевский принял, отправляясь в Сибирь: «Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть – вот в чем жизнь, в чем задача ее». Не уныть и не пасть при таком раскладе было весьма непросто. Но Достоевскому это удалось. Он учил каторжан грамоте, не просил поблажек на работах, не кичился происхождением.

На каторге велся список, куда заносилось, за что каторжник осужден, какова его внешность, какая у него профессия. О Достоевском было записано: «чернорабочий, грамоте знает».

Работали арестанты на берегу Иртыша. Там они разбирали старые лодки, обжигали и дробили алебастр. Эта работа сказалась на здоровье писателя – алебастровая пыль разъедала легкие. Еще Достоевский крутил колесо в токарной мастерской, разгребал снег на омских улицах. Однажды ему пришлось перетаскивать кирпичи с берега Иртыша к строившейся казарме через крепостной вал: «...работа эта продолжалась месяца два сряду. Мне она даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала мне плечи. Но мне нравилось то, что от работы во мне видимо развивалась сила. Физическая сила в каторге нужна не менее нравственной для перенесения всех материальных неудобств этой проклятой жизни. А я еще хотел жить и после острога... Я, впрочем, любил таскать кирпичи не за то только, что от этой работы укрепляется тело, а за то еще,

Интерактивная выставка «Казарма Омского острога»: клейма и кандалы

Предметы быта омского каторжника середины XIX века

что работа производилась на берегу Иртыша. Я потому так часто говорю об этом берегу, что единственно только с него и был виден мир божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своею пустынностью».

Не случайно именно на этот берег у Тобольских ворот Достоевский потом перенес разговор Раскольникова с Соней, ставший для героя «Преступления и наказания» началом новой жизни.

ТЕТРАДКА КАТОРЖНАЯ

Вечера были временем отдыха: «Когда заперли нашу казарму, она вдруг приняла какой-то особенный вид – вид настоящего жилища, домашнего очага. <...> Казарма вдруг осветилась. Каждый держал свою свечу и свой подсвечник, большею частью деревянный. Кто засел тачать сапоги, кто шить какую-нибудь одежду. Мефитический воздух казармы усиливался с часу на час. Кучка гуляк засела в уголку на корточках перед разостланным ковром за карты. Почти в каждой казарме был такой арестант, который держал у себя аршинный худенький коврик, свечку и до невероятности засаленные, жирные карты. Все это вместе называлось: майдан».

Арестанты даже устраивали театр. Например, ставили лубочное представление про барина, которого черти утащили в ад. И веселились от души. К делу каторжане подошли со всей серьезностью: сделали афишу и занавес.

Письменных принадлежностей арестантам не полагалось. Невозможность писать для Достоевского оказалась настоящей пыткой: «Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет,

угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках» (Достоевский был приговорен к восьми годам каторги, однако император Николай I заменил этот срок Достоевскому четырехлетним с последующей военной службой рядовым. – **Прим. ред.**). Записывать увиденное и услышанное удавалось только в госпитале, куда страдающий эпилепсией писатель попадал часто. Врачи тайно приносили Достоевскому чернила, перо и маленькие, в четверть тетрадного листа, листочки бумаги. На них он записывал арестантские поговорки и выражения, а иногда и целые диалоги. После каторги Достоевский сшил эти листки в одну тетрадь, которую называл «Моя тетрадка каторжная». Сегодня эта драгоценная рукопись, которую исследователи именуют «Сибирской тетрадью», хранится в Российской государственной библиотеке в Москве. Священник Сибирского кадетского корпуса Александр Сулоцкий писал в Тобольск: «Достоевский все в лазарете, главный лекарь Троицкий <...> толковал с ним, предлагал ему луч-

шую пищу, а иногда и вино, но он отказывается от всего этого, а просит только о том, чтобы принимать почаще в лазарет и помещать в сухой комнате». Эта просьба была исполнена. Самые светлые воспоминания Достоевского об Омском остроге связаны с церковными праздниками. В эти дни арестанты молились в Воскресенском военном соборе: «В церкви мы становились тесной кучей у самых дверей, на самом последнем месте, так что слышно было только разве голосистого дьякона да

Воскресенский военный собор, восстановленный к 300-летию Омска

изредка из-за толпы заметишь черную ризу да лысину священника. <...> мы были закованные и ошелмленные; от нас все сторонились, нас все даже как будто боялись, нас каждый раз оделяли милостыней, <...> Арестанты молились очень усердно, и каждый из них каждый раз приносил в церковь свою нищенскую копейку на свечку или клал на церковный сбор. «Тоже ведь и я человек, – может быть, думал он или чувствовал, подавая, – перед Богом-то все равны...» Причащались мы за ранней обедней. Когда священник с чашей в руках читал слова: «...но яко разбойника мя приими», – почти все повалились в землю, звуча кандалами, кажется, приняв эти слова буквально на свой счет». Многие жители Омска принимали участие в судьбе осужденных. Комендант Омской крепости Алексей де Граве послал в столицу запрос, заслуживают ли петрашевцы Достоевский и Дуров «быть причисленными к военно-срочному разряду арестантов» – это сократило бы срок каторги на полгода, ходатайствовал об их освобождении от ножных оков. Оба запроса остались без удовлетворения. Тогда комендант стал оказывать неглас-

Страница из «Сибирской тетради», которую вел Федор Достоевский во время лечения в омском госпитале

ную помощь петрашевцам. Иногда ему удавалось отправить Достоевского на более легкие работы, например в чертежную мастерскую.

Омская каторга стала для Достоевского школой веры. Позже он напишет: «...не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла». Наедине с Евангелием, которое ему в Тобольской пересыльной тюрьме подарили жены декабристов (других книг в остроге

Тобольские
ворота

Макет
кордегардии,
который сделали
заключенные
исправительной
колонии №7
Омска

не позволялось), писатель обрел свой «символ веры». «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

В Омске сохранились здания, связанные с вынужденным пребыванием в этом городе будущего классика русской литературы. Судьба их сложилась по-разному. Сохранились Тобольские ворота, через которые арестанты выходили на берег Иртыша. На этих воротах в 1956 году была установлена мемориальная доска в память о Достоевском. Зданию инженерной мастерской, где писателя заковывали и расковывали, повезло и не по-

Алексей де Граве, генерал-майор, последний комендант Омской крепости

Здание
гауптвахты

везло одновременно. Оно сохранилось, но в нем, как и во всей Омской крепости, была проведена спорная реставрация – появились подвесные потолки, керамогранит, пластиковые окна. В доме, где жил комендант крепости Алексей де Граве, в конце XX века очень символично разместился Литературный музей имени Достоевского.

До наших дней дожили и здания госпиталя. Кстати, омский госпиталь – это единственный сохранившийся в Западной Сибири такого рода комплекс деревянных зданий. Но эта территория принадлежит Министерству обороны, и в прошлом году там, в самом центре города, выстроили модульный медцентр Минобороны для лечения больных коронавирусом. Для этого снесли одно из исторических зданий – бывший дом врача, в котором предположительно хранилась «каторжная тетрадка» Достоевского. А заодно под бульдозеры угодило историческое кладбище при омском военном госпитале. Ведь статус госпитальных зданий долгое время оставался неопределенным. В 1980 году на охрану был поставлен объект культурного наследия – «Старая часть гарнизонного военного госпиталя, в котором в 1850–1854 гг. бывал писатель Федор Михайлович Достоевский». Вот так – в общем, без особой конкретики. К конкретике Министерство культуры Омской области, которому неоднократно об этом напоминали, перешло только после того, как на историческом объекте провели масштабную стройку.

Вопрос о внесении в перечень выявленных объектов культурного наследия построек на территории военного госпиталя был поднят после того, как Омское отделение ВООПИиК направило множество обращений во все возможные инстанции – в Министерство культуры Омской области, губернатору, президенту... В ноябре 2020 года два старых госпитальных здания наконец признали памятниками, члены консультативного совета, куда входят

представители Минкульта, Минимущества, Департамента имущественных отношений, омские архитекторы и краеведы, поддержали это предложение. Здание аптеки с лабораторией было первым кирпичным сооружением омского военного госпиталя. До 1870-х здесь находилась и контора госпиталя. Это одно из старейших омских зданий, сохранившее облик и изначальную функцию на протяжении 195 лет. Зимний больничный корпус – здание типичное для мало сохранившейся гражданской архитектуры Омска 1870–1880-х годов. Яркий пример «экономного» подхода к казенному строительству, стилиевой эволюции от ампира до позднего сдержанного классицизма.

А вот третье связанное с Достоевским госпитальное здание охранного статуса не получило.

Летние арестантские палаты – уникальный памятник русского деревянного классицизма 1823 года постройки, имеющий галерею с колоннадой тосканского ордера. Именно в летних арестантских палатах Достоевский занимался писательством. Судьба исторического здания военных, увы, не заботит: крыша там уже упала, еще немного и его вполне могут разобрать из-за ветхости.

ВООПИиК направило в Министерство обороны письмо с просьбой предоставить реставраторам доступ к историческим зданиям и получило такой ответ: «Использование данных зданий в качестве музеев не представляется возможным ввиду использования их в интересах Минобороны России». Примечательно, что письмо было адресовано министру обороны Сергею Шойгу, а ответ пришел из округа. По сути, отписка. Кстати, здание летних палат военными давно не используется и, более того, запланировано к сносу.

Члены Омского отделения ВООПИиК написали еще одно обращение в Минобороны, которое подписали 10 омских общественных организаций: «Накануне 200-летнего юбилея

Литературный музей имени Достоевского

Ф.М. Достоевского мы считаем очень важным сохранить и желательно, хотя бы частично, музеефицировать данный объект. Общественность Омска просит Вас рассмотреть возможность проведения восстановительного ремонта этого здания и так как оно расположено на внешней границе участка Госпиталя, в парковой зоне, обеспечения доступа к нему, без ущерба для инфраструктуры госпиталя». Ответ пока не получили.

И наконец, самый знаковый омский объект – фундамент казармы того самого «Мертвого дома». На него несколько лет тому назад случайно наткнулись рабочие,

которые устанавливали в сквере возле Театра драмы новый водопроводный колодец. Приглашенные археологи дали заключение, что это просто «навал кирпича», и траншею закопали. Но реставратор Игорь Коновалов сразу понял, что «навал кирпича» – типичный для XIX века бутовый фундамент. А о том, что в Степном бастионе, который был на этом месте во времена Омской крепости, находился острог, было известно давно. Энтузиасты начали раскопки и вскоре нашли сохранившуюся часть старинного фундамента. Омский архитектор Андрей Сергеев сделал точную привязку к местности

Летние арестантские палаты

всех построек, бывших в крепости, так выяснилось, что найти удалось левую казарму. Потом был обнаружен фундамент еще одного здания – кухни-столовой. По мнению участников Омского отделения Общества охраны памятников, на старинных фундаментах можно воссоздать деревянные строения. Поскольку улица их разрезает, они тоже могли бы быть «в разрезе». А за витринным стеклом могла бы разместиться экспозиция: фигуры, сделанные по эскизам омского художника Кичигина к спектаклю «Мертвый дом». То есть можно воссоздать визуальную «цитату» из времен Достоевского.

Но у городских властей на исторический объект оказались совершенно иные планы. Недавно в Омске прошло заседание оргкомитета по празднованию 200-летия Федора Михайловича Достоевского, на котором решили «установить информационный памятный знак на месте сохранившегося фундамента предполагаемой казармы Омского крепостного острога, в котором писатель отбывал свое заключение». А для исторического фундамента готовится «оригинальное дизайнерское решение», которое представляет собой «теплицу», совершенно неуместную в историческом центре.

Фундамент
кухни-столовой
Омского острога

– Надо ли говорить, что для фундаментов это губительно? Здесь температурный режим, влажность, лучевая энергия – чтобы прокачать весь объем воздуха, нужно будет делать сумасшедшую вентиляцию. И потом, о какой игровой или информативной составляющей здесь можно говорить? Где драматургия этого объекта? – недоумевает председатель Омского отделения ВООПИиК Никита Шалмин.

Увы, в Омске процедура преобразования знаковых городских пространств является «абсолютно непрозрачной. Утверждение проектов по историческим улицам происходит без проведения предусмотренных законом архитектурного и градостроительного советов, публичных слушаний. Замечания и предложения ВООПИиК ответами не удовлетворяют».

А ведь объекты, связанные с пребыванием в Омске Федора Достоевского, можно объединить в музей под открытым небом. Для Омска это мог быть основной бренд, в перспективе – ведущий для России и, с учетом популярности Достоевского, для всего мира. Культурный, познавательный, исторический...

Реставратор
Игорь Коновалов

«ЦАРСКИЙ» ПОДАРОК

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ПО ПЫШНОСТИ МУНДИРОВ, ПО РОСКОШИ ТУАЛЕТОВ, ПО БОГАТСТВУ ЛИВРЕЙ, ПО ПЫШНОСТИ УБРАНСТВА, ОБЩЕМУ ВЫРАЖЕНИЮ БЛЕСКА И МОГУЩЕСТВА ЗРЕЛИЩЕ ТАК ВЕЛИКОЛЕПНО, ЧТО НИ ОДИН ДВОР В МИРЕ НЕ МОГ БЫ С НИМ СРАВНИТЬСЯ» – ТАК В 1914 ГОДУ ПОСОЛ ФРАНЦИИ В РОССИИ МОРИС ПАЛЕОЛОГ ОТЗЫВАЛСЯ О РОССИЙСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ. УБЕДИТЬСЯ В СПРАВЕДЛИВОСТИ ЭТИХ СЛОВ МОЖНО И СЕГОДНЯ: ДОСТАТОЧНО ПОБЫВАТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ НА ВЫСТАВКЕ «ПРИДВОРНЫЙ КОСТЮМ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА».

Наряды императрицы Марии Федоровны от лучших портных Парижа и Петербурга

«СУПРУЖЕСТВО ПРИМЕРНОЕ И УДИВИТЕЛЬНОЕ»

Исторический музей ведет свою летопись с 1872 года, когда император Александр II подписал указ о его основании. Почетным председателем музея был назначен увлеченный отечественной историей, искусством и древно-

стями цесаревич Александр Александрович. Спустя одиннадцать лет, в майские дни коронационных торжеств 1883 года, уже император Александр III вместе со своей супругой Марией Федоровной посетил «воздвигнутый во славу вековой жизни русского народа» музей. Венценосная пара стала первыми посетителями нового музея, открывшегося для публики несколькими днями позже. В дальнейшем августейшие супруги не раз навещали национальную сокровищницу России и пополняли ее собрание. Посему не удивительно, что кураторы нынешней выставки – хранитель коллекции костюмов Эрмитажа Нина Тарасова и хранитель коллекции городского костюма ГИМ Ирина Сафонова – особое внимание уделили истории жизни и нарядам именно этой императорской четы.

Пространство выставки искусно воскрешает атмосферу придворной жизни последних десятилетий Российской империи: официальных церемоний, церковных праздников, маскарадов и балов. «Особое впечатление, – по словам директора Исторического музея Алексея Левыкина, – производят «дуэты» портретов и костюмов, когда живописный образ человека обретает «тело»... Именно такое

Юные посетительницы приходят вместе с мамами полюбоваться на наряды

В 2022 ГОДУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ историческому музею (ГИМ) исполнится 150 лет. Однако уже в этом году музей начал принимать поздравления и подарки. Первым и поистине «царским» подарком стала выставка «Придворный костюм середины XIX – начала XX века из собрания Государственного Эрмитажа». В Москву из Санкт-Петербурга доставили 47 костюмов и около 60 аксессуаров, принадлежавших двум последним российским императрицам и императорам, представителям аристократии, придворным и служителям царского двора.

Г. Ангели. Портрет великой княгини Марии Федоровны. 1874 год

совмещение подлинных памятников заставляет верить в достоверность событий и персон».

Посетителей встречает парадный портрет императрицы Марии Федоровны кисти французского художника Франсуа Фламенга. Она изображена в невероятном по красоте бархатном платье багряного цвета с оторочкой из меха соболя и в изумительных жемчужно-бриллиантовых украшениях. Неслучайно этот портрет фактически открывает выставку: именно образ блистательной императрицы, законодательницы мод является центром всей экспозиции.

Великий князь Александр Александрович, чьей супругой 28 октября 1866 года стала Мария Федоровна, незадолго до церемонии бракосочетания сделал пометку в своем дневнике: «Я теперь нахожусь в самом дурном настроении духа в преддверии всех несносных праздников и балов, которые будут на днях. Право, не знаю, как выдержит моя милая бедная душка Минни все эти мучения...» Ах, как же по-мужски наивен был тогда цесаревич! Минни, как называли датскую принцессу Марию-Софию-Фредерику-Дагмар

Бальный и вечерний туалеты императрицы Марии Федоровны от парижских модных домов Morin-Blossier и Charles Worth

в семье, перейдя в православие, стала императрицей Марией Федоровной. По воспоминаниям ее внука Тихона Куликовско-го-Романова, она «любила красоту, роскошь, наряды и танцы и, после бедной Дании, наслаждалась пышностью русской придворной жизни, которой она и впоследствии придавала блеск и веселье при дворе своего мужа, ставшего Императором Александром III».

Несмотря на то, что начало супружеской жизни этой четы было связано с трагическим уходом из жизни старшего брата Александра Александровича,

первого жениха Дагмар – цесаревича Николая Александровича, несмотря на разницу во вкусах и пристрастиях – Мария Федоровна обожала официальные церемонии, парадные выходы и, более всего, балы, а ее супруг выносил все это с трудом, они, по словам Ивана Тургенева, «образовали супружество примерное и удивительное по согласию и постоянству привязанности». Подтверждение этому можно увидеть на фотографиях с выставки, на которых запечатлен один из самых любящих и прочных брачных союзов на российском престоле.

Посетительницы выставки очень внимательно изучают детали костюмов

Визитное
платье
Марии
Федоровны,
созданное
в Доме моды
Чарльза Ворта.
1882–1884 годы

«Мама
нравились
броские,
с отделкой
платья», –
вспоминала
великая
княжна Ольга
Александровна

Фрагмент
вечернего
платья,
которое Мария
Федоровна
носила, будучи
вдовствующей
императрицей

«ИМПЕРАТРИЦА С ГОЛОВЫ ДО НОГ»

Мария Федоровна понимала, что положение первой дамы самого блестящего монаршего двора того времени обязывает ее быть образцом вкуса и изящества. Она весьма грамотно распоряжалась так называемыми «деньгами на булавки» (50 тысяч серебряных рублей), которые, согласно брачному договору, полагались ей на пополнение гардероба. Свои наряды она заказывала у первоклассных портных Парижа и Петербурга.

Любимым модельером Марии Федоровны на протяжении всей ее жизни оставался Чарльз Фредерик Ворт. На выставку в Москову Эрмитаж привез четыре из 14 принадлежавших Марии Федоровне и сохранившихся до наших

дней платьев, созданных фирмой первого в истории моды кутюрье. До сих пор историки разбираются, что было первично при создании этих эксклюзивных нарядов: желания и вкусы венценосной клиентки или авторское видение диктатора моды. Скорее всего, имело место сотворчество. По замечанию Ворга, не лишнему толики лести, «Ее Величество, Императрица России, дает мне возвышенное, божественное вдохновение». Именитый кутюрье создавал для Марии Федоровны «платья – произведения искусства и верх элегантности».

Один из таких шедевров на выставке – визитный туалет из светлого атласа с рисунком из цветущих гортензий и букетиков астр и однотонного бархата брусничного цвета. Ткани наряда эффектно смотрятся вместе с плюшем оттенка болотной зелени, которым подбит трен платья. Столь неожиданные сочетания фактур и контрастных тонов в одном наряде наглядно иллюстрируют, что в конце XIX века парижане, по замечанию одного английского автора, «открыли секрет соединения наиболее бунтующих цветов». Государыня обладала смелостью «сочетать несочетаемое», разумеется, в дозволенных придворными правилами границах.

Живописное платье Марии Федоровны декорировано кружевом и украшено пушистыми помпонами-пуговицами *grelot* (от фр. – «погремушка, бубенчик»), действительно напоминающими детскую игрушку. Аналогичные можно увидеть и на убранной перьями страуса мантилье из плюша цвета мха, сшитой в петербургской мастерской Авдотьи

Атласные туфельки 35-го размера императрицы Марии Федоровны. Говорили, что ее ножка «достойна башмачка Сандрильоны»

Даже будучи вдовствующей императрицей, Мария Федоровна одевалась со вкусом

Визитное платье императрицы Марии Федоровны

Ивановой. Ее работы Мария Федоровна выделяла среди прочих, создаваемых российскими портными. Из этой мастерской вышло и элегантное алое платье,

гарнированное черным кружевом шантильи, и наряд, который императрица надела в день бракосочетания своего сына, императора Николая II.

ПОДЛИННЫЕ ВЕЩИ

В отличие от супруги император Александр III официальные мероприятия не любил. В экспозиции представлены унтер-офицерский доломан лейб-гвардии Гусарского полка из алого сукна, который надевал 8-летний великий князь, и пальто генеральское лейб-гвардии Преображенского полка, которое он носил, будучи императором.

Что касается штатской одежды, то государь предпочитал вещи довольно простые. «Подобно Петру Великому, он не переносил помпезность и роскошь, у него были простые вкусы, и, по его словам, он чувствовал себя особенно свободно, когда мог облачиться в простое крестьянское платье», – вспоминала его дочь, великая княгиня Ольга Александровна. Император не жаловал новую, только вышедшую из-под иглы портного одежду. «Носил он преимущественно все то же и зашивал платье, дома ходил в тужурке», – отмечал в мемуарах граф С.Д. Шереметев. Императрица, как любящая супруга, и камердинер Его Величества, как преданный слуга, снова и снова штопали одежду государя, не желавшего расставаться с полюбившимися вещами.

От не слишком обширного изначально гардероба императора Александра III мало что сохранилось до наших дней. «В октябре 1917 года, когда штурмовали Зимний дворец, – объясняет Нина Тарасова, – на пути штурмующих оказались прежде всего гардеробные... И в том числе гардеробные Марии Федоровны и Александра III. Все, что не уничтожили на месте, не порвали, не разрубили шашками, все это было передано в Музей революции, который располагался в Зимнем дворце. Потом чудесными превращениями оказалось в Музее этнографии и только перед Великой Отечественной войной часть вещей, хранившихся в Русском музее

Платья Марии Федоровны стоили немалых денег. Однако, как отмечала в 1873 году редактор журнала «Модный магазин» Софья Мей, «богатое платье определяет ценность туалета, но само по себе не придает щеголеватости, составляющей главный аромат туалета... Все дело в том, как платье надето». Государыня же умела носить наряды эффектно и со вкусом, так, что даже относительно простое платье казалось на ней верхом элегантности. Этому немало способствовали и сохранявшийся долгие годы молодежавший внешний вид, и стройная фигура, и тонкая, даже после рождения шестерых детей, талия – около 65 сантиметров.

При заказе нарядов императрица старалась не выходить за рамки выделяемого на ее гардероб бюджета. Она нередко заказывала платья с одной юбкой и двумя лифами: закрытым и с длинным рукавом – для визитов, а второй – открытый, богаче декорированный и с короткими рукавами – для вечерних приемов. «Императрица считала, что часть не потраченных на платья средств лучше направить на благотворительность», – замечает Нина Тарасова. «Мария Федоров-

на была императрицей с головы до ног, – вспоминала дочь Петра Столыпина Мария Бок, – и умела сочетать свою врожденную царственность с такой добротой, что была обожаема всеми своими приближенными».

Туфли и чулки
в тон к ним
императрицы
Марии
Федоровны

Нарядный
костюм
придворного
арапа

Детские доломаны
унтер-офицерские
гусарских полков,
принадлежавшие
великим князьям
Александру
и Николаю
Александровичам

и Музее этнографии, попала в Эрмитаж».

Как оказалось, самым востребованным у революционеров предметом из гардероба императорской семьи, а также гардероба ливрейных служителей оказались... штаны. Именно их они забирали для собственных нужд в первую очередь, и именно поэтому до наших дней их дошло меньше всего. Из практически чудом уцелевших комплектов на выставке впервые демонстрируются визитный и прогулочный костюмы императора.

Сохранился и представлен в экспозиции еще один костюм, который император использовал всего один раз в жизни: «перед тем, как войти в день венчания в спальную своей молодой жены». Роскошный церемониальный халат из переливающегося серебряного глазета и туфли, отороченные лебяжьим пухом – дань традиции, закрепленной в правилах церемониала венчания.

Из мужской одежды, представленной Эрмитажем в Историческом музее, впечатляют и костюмы придворных чинов, а также служителей высочайшего двора. Затканый золо-

Фрагмент
золотого шитья
на парадном
мундире
камергера
императорского
двора

тым шитьем парадный мундир камергера с золочеными пуговицами с изображением двуглавых орлов ослепляет своим сиянием. Яркие одежды придворных арапов встречают посетителей при входе. С ними соперничают по эф-

фектности костюмы придворных скороходов – «дворцовых курьеров», которые были очень быстро передвигаться по бесконечным анфиладам дворцовых залов. Униформа придворных чинов и служителей своим великолепием должна была соответствовать статусу блестящего императорского двора.

За роскошью этих костюмов проступают черты живых людей. «Мы постарались привезти на выставку в Москву только подписные костюмы ливрейных служителей, которые были непосредственно рядом либо с Марией Федоровной, либо с Александром III, – объясняет Нина Тарасова. – Привезли два костюма телохранителей императрицы. Один из них принадлежал Петру Ивановичу Землину – камер-казаку, который был с государыней с самого начала, с 1866 года, и до конца 1917 года. К концу служения он был уже не очень здоров, почти ничего не видел, но императрица оставила его на службе. Этот костюм показывается публике впервые».

Трогательные воспоминания детства о камер-казаках оста-

вила великая княгиня Ольга Александровна. «После крушения в Борках я впервые обратила внимание на то, что у входа в наши апартаменты в Гатчинском дворце дежурят казаки Императорского конвоя. Слыша, как они на цыпочках проходят мимо моей двери в своих мягких кожаных чуваках, я засыпала с удивительным чувством безопасности. Все они были великаны, как на подбор, и я ощущала себя одним из персонажей «Путешествий Гулливера», – писала она.

КРАСОТА ПРИДВОРНЫХ ЦЕРЕМОНИЙ

Перемещаясь по экспозиционным залам, посетители и особенно посетительницы мысленно примеряют роскошные наряды и представляют придворные праздники и торжества, не всегда догадываясь, сколь сложным, а порой и утомительным был придворный церемониал. Разработанный на основе западноевропейских образцов, законодательно он был закреплен в 1826 году после выхода указа императора Николая I о создании Министерства императорского

«Мундиры для дам» – так в шутку называли эти роскошные парадные придворные шлейфы

двора. По сути, это был свод сформировавшихся столетиями правил придворного этикета, определявших порядок проведения официальных торжеств, представления Их Императорским Величествам, приема глав государств и послов, наложения траура и т.д.

Одними из строго регламентированных и, пожалуй, самых впечатляющих действий придворного церемониала были Высочайшие выходы, по определению кураторов выставки: «шествие императорской семьи во главе с правящей четой из личных покоев в парадные залы резиденции, затем в дворцовую церковь и обратно». «В дни больших праздников и особых торжеств богослужение отправлялось в большой церкви Зимнего дворца: в таких случаях мужчины были в парадной форме, при орденах, а дамы в придворных костюмах, то есть в повойниках и сарафанах с треном, расшитым золотом, производивших очень величественное впечатление, – писала в 1854 году фрейлина императорского двора Анна Тютчева. – Такое торжество носило название большого выхода. В обычные воскресные дни и второстепенные праздники имел место малый выход, то есть кавалеры свиты в обыкновенной форме, а придворные дамы в городских платьях, все же очень нарядных, собирались к обеду в маленькую церковь». Красота придворных церемоний в немалой степени определялась нарядами участников. Неслучайно взгляды посетителей выставки притягивает композиция из трех парадных придворных платьев, одно из которых принадлежало императрице Марии Федоровне, два других – статс-даме и фрейлине. Наряд государыни из малинового бархата с великолепным золотым шитьем в виде гирлянд кружев, листьев и цветов был исполнен к коронационным торжествам 1883 года. В отличие от статс-дам и фрейлин, чьи придворные «мундиры» были строго регламентированы

Парадные бархатные платья украшали сияющим золотым шитьем, поражающим иностранных дипломатов

(см.: «Русский мир.ru» №4 за 2021 год, статья «Свидетели времени» – Прим. ред.), императрица была свободна в выборе цвета и узора шитья своих придворных туалетов. Исключение составляли лишь коронационные и подвенечные платья.

Официальные церемонии при дворе можно сравнить с рабочими буднями, а выходными и праздничными днями можно считать балы и маскарады. Разгаром светского сезона считалось время от Нового года до Великого поста. «Балы сменяются вечерами, театры маскарадами, и каждый такой вечер дарит нас какой-либо новинкою туалета», – писал в 1883 году журнал «Модный магазин». Здесь демонстрировали вкус и умение одеться по случаю и к месту, оттачивали мастерство кокетства, с упоением танцевали, как Мария Федоровна, или, напротив, как ее супруг, считали танцы сущим наказанием.

Маскарады и костюмированные праздники, особенно посвященные какой-либо теме, позволяли отойти от строгих правил придворного этикета и проявить фантазию при создании туалета. На выставке манят изысканностью и роскошью отделки два платья в венецианском стиле, принадлежавшие княгине Зинаиде Юсуповой и графине Софье Гендриковой. Наряды обеих дам были созданы в мастерской Авдотьи Ивановой для театрализованного представления с живыми картинами, устроенного в Михайловском дворце в апреле 1890 года. Как вспоминал об этом вечере великий князь Константин Константинович, «напротив зрителей, разместилась густая пестрая толпа пирующих венецианцев в нарядах по картинам Веронеза. Они то оставались неподвижны, то пели и играли. Мы видели перед собою всю нашу знать, переряженную в платья XVI столетия».

В экспозиции представлено и детское парадное платье великой княжны Ольги Николаевны. Летом 1904 года, когда ей было всего 9 лет, вместе с сестрой, великой княжной Татьяной, она

Маскарадные платья в стиле эпохи Возрождения принадлежали графине Софье Гендриковой и княгине Зинаиде Юсуповой

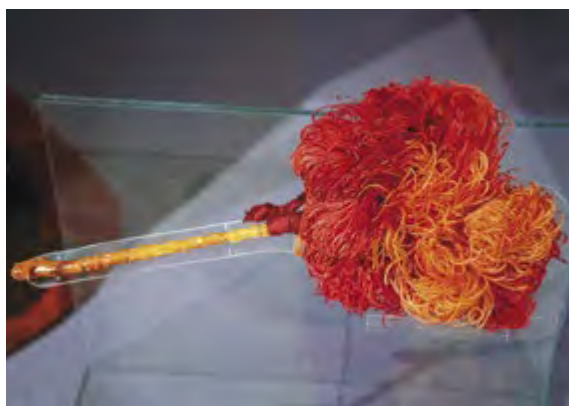
Веер-опяхало княгини Зинаиды Юсуповой для костюмированного праздника 1890 года

приняла участие в первом в своей жизни официальном мероприятии: церемонии крещения младшего брата – цесаревича Алексея. Платье шито из брокара (тяжелой шелковой ткани) серебряного цвета с узором из пушистых одуванчиков. Так любимый всеми детьми летний цветок, символизирующий счастье, добавляет легкости и нежности этому слегка тяжеловесному наряду. Детские и взрослые придворные «мундиры для дам», шитые из бархата, атласа, шелка, обильно украшенные золотой или серебряной вышивкой, весили действительно немало. Но они не шли ни в какое сравнение с тяжестью подвенечных и коронационных нарядов русских императриц.

ПОСЛЕДНЕЕ ВЕНЧАНИЕ

Финальный аккорд выставки – подлинные костюмы последнего венчания в истории российской монархии. На фоне черных стен из полумрака эффектно выступает сияющее подвенечное платье принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, ставшей последней российской императрицей Александрой Федоровной. Наряд шит из серебряной парчи производства знаменитой московской фирмы братьев А. и В. Сапожниковых настолько высокого качества, что она ничуть не потемнела за сто с лишним лет. Платье заткано объемными лилиями и украшено белоснежными пушистыми перьями марабу, которые вместе с цветами являются символами невинности невесты. Подвенечный наряд был изготовлен в петербургской мастерской поставщицы императорского двора Ольги Бульбенковой, создававшей придворные парадные платья первых дам империи.

Александрке Федоровне непросто пришлось в этот день. Помимо естественного волнения ей нужно было справиться (с помощью придворных) еще с немалой тяжестью подвенечного наряда и огромной мантии из золотой

парчи, подбитой горностаем. Общий вес всего костюма, состоявшего из лифа, нижней юбки, распашной юбки-шлейфа длиной 3,4 метра, а также мантии, был около 24 килограммов! Тем не менее, как писал в письме королеве Виктории лорд Чарльз Каррингтон, «Император в самом простом мундире шел с невестой, которая была просто великолепна... Она выглядела так, как должна, по общему мнению, выглядеть императрица».

В день бракосочетания, 14 ноября 1894 года, по правую руку от государя императора Николая II шла его мать – Мария Федоровна. Менее месяца назад после смерти императора Александра III она стала вдовствующей императрицей. Венчание ее сына было назначено на день ее рождения – единственный день, когда, согласно этикету, императрица могла ослабить строгий траур. В тот день Мария Федоровна была в платье из шелко-

Парадный туалетный прибор из серебра. 1851–1852 годы

Подлинные костюмы последнего венчания в истории российской монархии

вого крепа – ткани, традиционно считавшейся траурной. Наряд строгого покроя украшали лишь ряд пуговиц из драгоценных материалов (до наших дней не сохранились) и рюш, обрамляющий шлейф. «В простом, крытом белым крепом вырезном платье с жемчугами на шее, она казалась еще бледнее и тоньше обыкновенного, – записал в дневнике великий князь Константин Константинович. – ...Ей невыразимо тяжело было явиться перед тысячами глаз в это трудное и неудобное для нее время». Несложно заметить, что длина шлейфа платья Марии Федоровны заметно больше, чем у ее невестки. Как позже отмечала фрейлина Анна Вырубова, вдовствующая императрица «так никогда и не сошла со сцены, продолжая занимать первое место во всех торжественных случаях». Выставка Государственного Эрмитажа в Государственном историческом музее не только о костюмах. Это уникальная возможность вспомнить о памятных событиях последних десятилетий Российской империи и персонах, которые сыграли в ее истории значимые, а порой и решающие роли. ■

СЕКРЕТЫ МАСТЕРА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КОГДА-ТО В ПОДМОСКОВЬЕ РАЗЛИВЫ БЫЛИ ТАКИЕ, ЧТО БЕЗ ЛОДКИ НЕ МОГЛО ОБОЙТИСЬ НИ ОДНО ХОЗЯЙСТВО. ТЕПЕРЬ ОТ РАЗЛИВОВ ОСТАЛИСЬ ЛИШЬ ВОСПОМИНАНИЯ, ПО ВОЛНАМ КОТОРЫХ ВПОЛНЕ МОЖНО СКОЛЬЗИТЬ БЕЗ ЛОДКИ, ТАК ЧТО ПЛАВСРЕДСТВА В ПОДМОСКОВНЫХ ДВОРАХ СЕЙЧАС НЕ ДЕРЖАТ. ТОЛЬКО ВИКТОР ПИВОВАРОВ, ЖИТЕЛЬ НЕБОЛЬШОЙ ДЕРЕВНИ ЛИСЬИ НОРЫ, ХРАНИТ СЕКРЕТ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СТАРИННЫХ ЧЕЛНОВ – ТАКИХ, НА КОТОРЫХ ПЛАВАЛИ И В XV, И В XX ВЕКАХ...

«КОГДА РАЗЛИВ начинался, из дома без челна не выберешься.

Мы и в школу на них плавали, и скотину ездили кормить, и рыбачили, – вспоминает Виктор Николаевич. – Самый большой разлив был в 1970-м: тогда мы вообще жили как на острове, вода прямо к дому подступила. Выходишь – с порога садишься в челн и плыви».

У Пивоварова припасено много таких историй. И про то, как лещ вместе с паводковыми водами заплыл в открытую калитку двора, где так и остался. И про то, как с братом совсем мальчишками плавали проверять мережки, как радовались, когда в них попадалась рыба: они еще маленькие, а уже добытчики. И про то, как перед разливом всегда закупали мешок муки – хлеб приходилось печь самим.

Со смехом вспоминает Виктор Николаевич и про то, как прогуливали уроки. Хотя, пожалуй, «прогуливали» не совсем верное слово, правильнее сказать «проплывали». «Заплывем на какой-нибудь остров, там просидим нужное время – у кого часы есть, сориентируемся, потом домой. Когда родители узнавали, то мы говорили, что заблудились в тумане», – смеется Виктор Николаевич. Еще в его памяти жив случай, когда во время очередного разлива родители поселили детей в квартире «на материке», чтобы те не пропускали уроки в школе. Вдруг среди весны ударил мороз, и ребята решились перебраться домой по хрупкому, едва схватившемуся льду. «Вода бурлит, замерзает плохо, лед трещит, мы взяли палку, переползли через канаву, а там уже бегом домой. Прилетели счастливые... Ух, и влетело нам тогда, – вспоминает Виктор Николаевич. – Сейчас иногда думаю: как мы выжили? Постоянно у нас в жизни такой экстрим был».

ВСПОМИНАЯ ЖИЗНЬ

В этих краях Пивоваров прожил всю жизнь. Родители его когда-то решили перебраться в Подмосковье из насиженных мест – с границы Липецкой и Воронежской областей. Месяц проработали в Рыбном, потом «примерили» еще несколько вариантов, да все что-то было не то – даже ночью снова собирали вещи, грузили на телеги и отправлялись дальше на поиски родного угла. Наконец нашли пристанище по душе, здесь и осели. «Уж не знаю, почему именно эти края им так понравились. Места у нас, конечно, красивые. С одной сто-

роны, здесь очень хорошо... А с другой – зимой все замедляет, весной все заливают. Так и жили – то снег, то вода». – Даже в сговорах Пивоварова чувствуется нежность, с которой он относится к любимому уголку. У него была масса возможностей уехать отсюда: где только не работал – и в Коломне, и в Луховицах, и в Рязани. Но всегда возвращался сюда. «Недалеко от Дединова у нас Гольный Бугор – там мои родители и остановились. Два клана приехали – Таншины и Пивоваровы, всего человек двадцать. Кто с детьми, кто – без. Там был скотный двор, четыре барака на четыре семьи.

В душе веселого, неунывающего Виктора Пивоварова находится место и для сентиментальности – к родным местам, к их истории он относится очень трепетно

Виктор Николаевич не представляет своей жизни без родных мест – здесь родился и вырос, сюда всегда возвращался, куда бы ни забрасывала судьба

Правда, вместо четырех в тех бараках поселилось по восемь семей. И в землянках жили, и даже на скотном дворе – отгородили уголок, там и обитали. Жили бедно, но дружно. Потом деревня стала расстраиваться, еще скотный двор построили, два дома поставили, бараки расселили, детей нарожали – в каждой семье было по пять-шесть, а у кого и по семь-восемь детей. Света не было, демография нормальная была. Весело жили, и всё всегда вместе. Бывало, идешь по осени, слышишь: поросенок завизжал, ага, – потирает руки Пивоваров, – значит, сегодня печенкой полакомимся. Пока взрослые поросенка палят, отвлекутся, а мы, ребятня, или уши отрежем, или хвостик, или шкурку подкроем – она подпаленная вкусная».

Семилетним мальчишкой Витя Пивоваров уже и траву косил, и копны на лошадях возил. «У нас же здесь заливные луга, травостой богатый, – с гордостью расхваливает родные места наш герой. – Помню, в 7 лет идешь по лугу, а трава выше тебя... Я в этом возрасте уже всю косил – отец меня в бригаду брал». Всех членов той бригады Виктор Пивоваров перечисляет поименно, ведь входили в нее «брат отца, мама, тетка, еще одна тетка»... Настоящий семейный подряд. Всю семью, да что там семью – всю деревню можно увидеть на фотографиях, что развешаны на стенах мастерской Пивоварова.

«Этой фотографии лет семьдесят уже. Это вот бабушка моя, мамка сидит и двоих на коленях держит, – поясняет Виктор Пивоваров. – Это вот, бородатый, дедушка. Он еще с Буденным воевал. А другой дедушка был комендантом Кремля. Парады принимал, Сталина видел... Когда война началась, его на фронт забрали. И в первые дни войны он погиб в Белоруссии». О своем деде Пивоваров рассказывает с особой гордостью: недавно выяснил, что дед его вроде бы послужил одним из прототипов романа Симонова «Живые и мертвые». «Я про деда мало знал, только вот эту фотографию всегда видел, –

показывает Виктор Николаевич на черно-белый портрет полковника. – А не так давно интерес взял, стал узнавать про него. Оказывается, под Могилевом наши оказались в окружении. Леса поблизости не было, они залегли в рожь, но немцы увидели их с самолетов. Приказали сдаться, наши – ни в какую, и их всех расстреляли. Среди них был и мой дедушка – Слепокуров Яков Степанович. В Могилеве есть улица, названная его именем, – улица полковника Слепокурова», – говорит Пивоваров. Отец Пивоварова тоже воевал, прошел всю войну, три раза был в окружении, два раза ранен. «Вот он молодой, а это его друзья-фронтовики, – показывает на фотоэкспозицию на стенах своей мастерской Пивоваров. – Это его награды – у него было девять орденов и медалей. За Сталинград, за Варшаву, за взятие Берлина, за боевые заслуги... Он три года в армии прослужил, потом четыре года войны. Семь лет не был на своей родине. Потом вернулся, грудь в наградах – мамка как увидела такого орла, разве тут устоишь... Потом она вспоминала: пришли в сельсовет, она расписалась, а он крестик поставил – неграмотный оказался. Она чуть со стыда не сгорела. И не знала, что жених грамоте не обучен – так очаровал».

Эти воспоминания как кадры из советского фильма. О простой жизни, о ценности человеческих отношений, о семье, о людях... И Пивоваров, хоть и не производит впечатления сентиментального человека, на самом деле очень дорожит этими «кадрами». Ведь это и есть его жизнь. Воспоминания воскресают, превращаясь в живые картинки. Большая семья, в которой ты самый младший – пятый по счету. Друзья-соседи, неугомонные мальчишки. Футбол, лапта, юрки, расшибец, ножички, сплавы на челнах, работа на сенокосе, пахота... Деревенская баня, где парились все вместе, от мала до велика. Школа в соседнем селе с классной комнатой 6 на 6 метров, в которой за каждой партой умещалось по классу...

Владелец пивоваровской усадьбы всегда рад гостям. Сюда приезжают насладиться природой, отдохнуть от суеты и, конечно, прикоснуться к истории – где еще можно покататься на челне?

Судя по упитанности местных обитателей, несмотря на увлеченное изготовление челнов, хозяин не забывает сытно покормить своих компаньонов по уединенной жизни

ПЛАВАНИЕ НА «АПЕЛЬСИНОВОЙ СКОРЛУПКЕ»

Сейчас он живет чуть в стороне от того места, с которого его предки начали освоение здешней территории, но время от времени возвращается туда, где стояла деревня детства. «Многие говорят – чего туда ехать? А меня туда тянет. Грустно мне, что ли, – с грустью говорит Пивоваров. – Я даже специально «Ниву» купил, чтобы туда проезжать без проблем. Тут расстояние-то всего километров пять... Просто так приезжаю туда. Похожу, грибы пособираю, посижу...

И как-то легче станет». Странно слышать такие речи от деревенского балагура, у которого на все случаи припасена прибаутка или шутка, который сам освоил гармошку и, думается, своими проникновенными песнями очаровал не одну красавицу... Но в русской душе каких только граней не найдешь. Вот и в душе Пивоварова хватает места и для грусти, и для воспоминаний, и для сантиментов. Казалось бы, зачем ему нужно возиться с челнами, выстругивать, вымерять, подгонять? Он и сам говорит, что сегодня гораздо проще купить резиновую лодку – с ней

хлопот меньше. Говорить-то говорит, а сам продолжает долбить челны. Да какие! Не идут с ними ни в какое сравнение резиновые лодки.

«Раньше челн был не просто средством для рыбалки и охоты, раньше он был средством выживания. Без него в наших краях никак, — объясняет Виктор Пивоваров. — В Дединове и его окрестностях всегда на таких лодках плавали. Даже огромные челны делали, чтобы навоз от скотного двора возить. Да и молоко надо было ежедневно возить на молзавод. Это уж потом катера появились, а раньше только челны и выручали. В каждом доме по лодке было, а то и по две».

Свой первый челн Пивоваров сделал, когда учился в девятом классе. Они с братом учились у одного из местных умельцев. Челн, который смастерили братья Пивоваровы, получился тяжелый, толстый. Таскать его было непросто. Как-то случилась с ним забавная история. «Мы плыли с братом, вдруг загудела моторка — инспекция. С перепугу мы быстро перетаскивали челн за бугор, метров за двадцать, — рассказывает Виктор Николаевич. — А вот обратно — никак, так и не смогли сдвинуть с места, пришлось людей просить. Не зря говорят: у страха глаза велики».

«КОРАБЕЛЬ» ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Чуть позже Виктор сделал второй челн. Нашел огромную ветлу и выдолбил лодку. Она была такая легкая, что он прозвал ее «апельсиновая скорлупка». «Встанешь в нее, руки поднимешь, телогрейка вме-

Когда-то в Дединове жили самые умелые плотники-судостроители. Получается, Виктор Пивоваров — единственный наследник их мастерства

сто паруса, и несет тебя ветром, — рассказывает Пивоваров. — Но на течении и на ветру на ней было плохо — уж больно легкая, ее крутило и вертело во все стороны. Потом я свою скорлупку распилил. Мне не нравилось, что форму я не мог поймать, чтобы красиво получилось. Пока делаешь, кажется, хорошо, а закончишь — тупорылый какой-то получается. Но я упертый».

Сейчас форму Пивоваров точно поймал. В его гараже ждет спуска на воду настоящий красавец. «Вот он, мой корабель», — любит мастер на получившийся шедевр, нежно поглаживая гладкий нос своего судна. Этот челн его попросила сделать матушка из Новодевичьего монастыря. Причем делался он не просто так — готовился в подарок президенту. Правда, пока до сих пор не презентован. Выглядит он прекрасно. Гладкий, красивый, видно, что при изготовлении мастер постарался на славу, вложил в него весь опыт. А за годы работы его набралось немало. Виктор Николаевич знает все повадки каждого дерева. Для челна идеально подходит ветла — она как пробка на воде, легкая и маневренная. Делал свои лодочки Пивоваров и из осины, и из тополя. Можно изготовить челны и из липы, но это материал капризный, может и потрескаться. Мастерам челны зимой или поздней осенью — важно, чтобы в дереве остановилось сокодвижение. «Если будешь делать летом, в жару их разорвет», — объясняет мастер.

Вообще, челны — штука капризная, при их изготовлении надо учитывать множество тонкостей. И как дерево выдолбить, и чем обработать... Да и за готовым челном надо правильно ухаживать. «Шури-ну своему три или четыре челна делал — он его после разлива забудет убрать, постоит челн на сырой земле, под солнцем, через год-два начинает гнить, надо новый делать, — делится

С помощью такого нехитрого инструмента умелые руки могут смастерить лодку

Свое первое судно Пивоваров изготовил, когда учился в девятом классе. С того времени мастер выпустил в плавание флотилию не менее чем из четырех десятков челнов

Пивоваров. – Сосед у меня был академик, мы с ним очень дружили. Сделал ему челн, а он его лаком покрыл. Я говорил, что нельзя этого делать – дерево должно дышать. Получилось, что он лаком все поры закрыл, а дерево все равно набухает, потом солнце его нагревает, возникает парниковый эффект, вода выйти не может, внутри остается, начинается гниение. Сгнил у него челн. Надо маслом обрабатывать. Накипятишь, гудрончику чуть-чуть добавишь, чтобы почернее был, а то от светлых на охоте утки шарахаются, – делится секретами мастер. – На темном в кусты заплыл, и тебя не видно». Правда, предназначенный президенту «корабль» Пивоваров не решился пропитывать гудроном – «а то еще измажется, чего доброго», – поэтому купил специальное средство, чтобы уж никаких «форс-мажоров».

В XVII веке село Дединово было центром речного судостроения

ТОПОР, ТЕСЛО И СКОБЕЛКА

Свои первые суда Пивоваров делал так, как мастерили умельцы в XV веке – кроме топора, тесла и скобеля, ничего больше не использовал. Долбил, забивал клинья... «Товарищ мой как-то посмотрел на процесс, только головой покачал, говорит: долбежу много, – улыба-

ется мастер. – Вот они, основные инструменты для челна: простой топор, тесло и скобелка (так нежно Пивоваров называет инструмент «скобель». – Прим. авт.). Сейчас, конечно, очень облегчают процесс бензопилы. Прошелся раз, и готово». Вообще, современные средства значительно упрощают жизнь:

прежнее здоровье, я бы за неделю сделал. Но сейчас уже по вдохновению работаю, – смеется Пивоваров, потом добавляет серьезнее: – Да я сейчас и не знаю, как браться за изготовление – материала нет. Не понимаю, где лес брать. Меня вот тут оштрафовали за сараи, которые лесхоз строил еще полвека назад. Приехала проверка, говорят: где документы? А какие у меня документы – это все давным-давно строилось, к тому же не мной. А нет документов – плати 30 тысяч. Потом еще по 300 рублей два раза выписали и сказали, если не снесешь, еще оштрафую на 50 тысяч. И не знаешь, как мастерить. Я для истории делаю, а тут – штрафы...» Такое положение вещей вызывает недоумение у человека, много лет проработавшего с деревом. Но, несмотря на все трудности, он все-таки продолжает мастерить свою «флотилию» – и в натуральную величину, и уменьшенные копии. Как он управляет с огромными челнами, вес каждого из которых не менее 80 килограммов, представить сложно, но он рассказывает о своей работе с такой легкостью, что понятно: от процесса он получает истинное удовольствие. И челны приносят ему радость.

Изделия Пивоварова есть в разных уголках России. К примеру, в Калининграде у пирса причален челн, сделанный руками дединовского мастера. На берегах далекой Балтики стоит корабль «Витязь», который изучает морские глубины, и научно-исследовательское судно космической связи «Космонавт Виктор Пацаев»... И подмосковный челночок занял рядом с ними достойное место. Один из челнов Пивоварова отправился в Ясную Поляну – там на небольшом прудике катают в нем гостей музея Льва Толстого... В разные уголки разлетелись изделия Пивоварова и живут собственной полноценной жизнью. С начала своей деятельности «челно-создатель» изготовил не менее четырех десятков «кораблей».

если наши предки использовали паклю, то сегодня ее можно заменить просмоленной веревкой. Там, где предкам приходилось прокладывать разрезанные вдоль веточки черемухи, сегодня проложил телевизионный кабель – и гниение ему уже не страшно.

«Сначала одну половинку выдалбливаешь – «тюбка» называется, потом вторую тюбку, потом их подгоняешь, в середину доску вставляешь, чтобы лодка пошире была. Потом водорезы, – раскрывает этапы «челнотворчества» Виктор Николаевич. – Подгоняешь все но-

жовочкой, вставляешь распорочки, скобками скрепляешь». Весь процесс мастер объясняет на небольшой модели – точной копии настоящего челна. Кажется, что маленькую копию сделать проще, но мастер качает головой: «Тут все такое маленькое, пока с этими деталями провозишься...» И хотя он сделал немало моделей для музея, больше его увлекает процесс изготовления настоящих челнов. На вопрос, сколько времени уходит на создание одной лодки, однозначного ответа мастер дать не может: «Если бы взять нынешний опыт и

Пивоваров уже сделал немало экспонатов для будущего музея окского судостроения – в местной истории так много интересных фактов, что хватит на создание увлекательной экспозиции

Такой «штурвал времени» на стенах мастерской «челнотворца» выглядит очень символично

ГНЕЗДО ДЛЯ «ОРЛА»

Сегодня о Пивоварове говорят, что он – единственный мастер, владеющий секретами изготовления челнов. Похоже, это действительно так. «Челноделов» сегодня не осталось, хотя раньше их в Дединове, Бору, Лисьих Норах и окрестностях было множество. Дединово вообще особое место, ведь именно здесь был изготовлен первый русский корабль. Тот самый «Орел», спущенный на воду 17 мая 1669 года и вошедший в историю как первый российский парусный корабль западноевропейского типа, – с него начинается отсчет отечественного кораблестроения. В Дединовском краеведческом музее есть модель корабля «Орел» – ее сделал по просьбе сотрудников музея Виктор Пивоваров.

«Все материалы, которые сохранились об «Орле», это гравюра, показывающая корабль с двух позиций. А описание корабля уместилось в три строчки. Самая главная информация – то, что у него была осадка полтора метра. Это очень мало для морских судов, – рассказывает историю знаменитого корабля экскурсовод Дединовского краеведческого музея, учитель местной школы Сергей Кочетков. – Когда отмечалось 300-летие корабля «Орел», все-таки решили восстановить его облик. Исследователь и художник, которые занимались этим вопросом, изучив все существовавшие материалы, пришли к выводу, что, скорее всего, это был флейт. В своей работе они поместили чертежи флейта – рассказали, откуда взяты чертежи, однако вскоре все разъяснения и предположения были убраны, и сегодня в Интернете все эти материалы размещены под названием «чертежи корабля «Орел». На самом деле чертежей этих не было, и то, что сегодня фигурирует под таким названием, лишь попытка восстановить облик первого парусного корабля. Перед Виктором Николаевичем стояла непростая задача – ему надо было не просто дать описание, а вос-

Про родные места Виктор Николаевич говорит, что зимой здесь все замедляет, весной – заливаает. Но все равно это родные места, нежно любимые

произвести корабль в модели. Первую модель он сделал трехметровой – она находится в ДК «Старт». Вторую сделал для нас – я считаю, что получилось очень душевно, этот экспонат украшает наш музей».

Для Дединова все, что касается кораблестроения, имеет особое значение, ведь именно это место в XVII веке было центром московского речного судостроения. «В таком качестве село прожило до XIX века, – поясняет Сергей Кочетков. – В начале XVIII века Дединово и вовсе было признано эталонным центром речного судостроения».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

«Коломна тоже в какой-то период стала центром речного судостроения – в 1718 году Петр I купил коломенку – судно барочного типа. У нее борта перпендикулярны основанию. За счет этого осадка уменьшается, а грузоподъемность увеличивается, – объясняет Сергей Александрович. – Петр повелел приехать дединовским мастерам, показал, как надо делать, потом приказал установить коломенку у входа в храм. Спустя годы вокруг коломенки построили Никольский придел. Позднее эту лодку разобрали и похо-

Модель знаменитого «Орла», с которого начался отсчет отечественного кораблестроения, украшает краеведческий музей села Дединово

ронили как царский подарок, написали, что она устарела. Думаю, она просто много места занимала. Вместо лодки поставили модель, и она простояла в храме до 1917-го – в революцию модель выбросили, орла сбили... А в 2018 году Виктор Николаевич сделал модель коломенки по тем рисункам, которые были. Митрополит Коломенский Ювеналий дал благословение, и эту коломенку торжественно, в присутствии народа, внесли в храм, а вместе с ней водворили на место и петровский указ – теперь лодка находится на своем законном историческом месте. Былая слава пока не возвращается, но хотя бы память вернулась».

И Сергей Александрович, и Виктор Николаевич говорят о родных местах с нескрываемой гордостью. И это не просто местечковый патриотизм, их края действительно богаты историческими событиями. Ведь помимо знаменитого «Орла» именно в Дединове был построен ботик, на котором Петр I учился ходить под парусом. В планах Пивоварова сделать модель этого ботика. «Виктор Николаевич уже делает заготовки моделей для будущего музея окского судостроения – нам есть о чем рассказать, и надеюсь, удастся

открыть такой музей», – делится планами Сергей Кочетков. «Я когда в Калининграде был, меня приглашали в Музей морской славы. Я им говорю: вы даже не представляете, из каких исторических мест я приехал, – рассказывает Виктор Пивоваров. – Вот у вас тут Петр I

Такой челн-
красавец
мастер
приготовил
в подарок
президенту

был два раза – и для вас это уже стало поводом для гордости. А у нас и не посчитать, сколько раз бывал Иван Грозный – он в наших краях любил охотиться с соколами, и место в память о том именуется Соколиным Бугром. Алексей Михайлович бывал, когда флот зарождался. И Петр приезжал. С момента его приезда, кстати, дединовцев стали называть макарами. Шел Петр по Дединову, остановил мужика, спросил, как зовут. Тот ответил: «Макар», Петр дал ему монету. Мужик рассказал, как деньги получил, и все встречные мужики стали представляться царю Макарами. Петр только рукой махнул: «Все вы тут Макары». Краеведы утверждают, что это правдивая история».

Даже неожиданно, что немало исторических событий связано с подмосковным селом Дединово. Ведь в Дединове был не только сделан первый корабль, но и впервые поднят триколор. Конечно, это лишь одна из версий. Новгородцы и воронежцы тоже претендуют на славу «родителей» российского флага, но местные краеведы, опираясь на исторические документы, уверены, что российский флаг впервые затрепетал на ветру именно в Дединове.

«Вообще, наша земля обласкана свыше, – считает Виктор Пивоваров. – Столько у нас всего происходило, столько людей уникальных, ведь у нас тут и первая любовь Есенина жила, и Шутовы – коньячные короли – отсюда родом... Всех не перечислить. История богатая, и люди удивительные. Я из этих краев не смог уехать. Видно, так мне было указано – надо быть здесь». Так и живет Пивоваров в стороне от больших городов. Правда, несмотря на удаленность от цивилизации, тихо здесь не бывает – к Пивоварову регулярно приезжают гости. Насладиться природой, окунуться в красоту и, конечно, покататься на челне – кто по пруду, а кто по волнам памяти. Это уж кто как для себя выберет... »

На память
от корабля
«Орел» оста-
лись лишь две
гравюры с его
изображением.
Вот и все доку-
менты, которы-
ми располагал
Пивоваров,
воспроизводя
первый корабль

СЕМЕЙСКИЕ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

«МОЙ ДЕДУШКА БЫЛ УСТАВЩИК. ВЫСОКИЙ КРЕПКИЙ СТАРИК С БОРОДОЙ. ЗА НИМ ПРИЕЗЖАЛИ, И ОН РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ СОВЕРШАЛ. А ЗА ЧТО НАШИХ В СИБИРЬ СОСЛАЛИ – ЗА ТО, ЧТО КРЕСТИМСЯ ВОТ ТАК: ДВУМЯ ПАЛЬЦАМИ».

ФЕДОСЬЯ ФЕДОТОВА, крепкая 60-летняя женщина с румянцем во всю щеку, разговаривает с нами и одновременно печет в русской печи оладьи. Блюдом, сделанным на скорую руку, нас угощают в Бичуре. Это одно из сел в Бурятии, где живут потомки старообрядцев. Их здесь называют «семейскими». В 2001 году при содействии ЮНЕСКО культура старообрядцев Забайкалья была признана шедевром мирового наследия человечества.

Для того чтобы познакомиться с семейскими, мы прилетели в Улан-Удэ, а оттуда на машине отправились в Мухоршибирский район Бурятии по дороге, которой ездили в Читу еще двести лет назад. Автомагистраль идет мимо реки Сэлэнгэ (по-русски – Селенга), мимо железной дороги в Монголию, построенной после Великой Отечественной. Здесь непременно нужно остановиться и выйти из машины. Высокое небо, яркое солнце – красота! Справа от дороги – скала Спящий Лев, очертаниями действительно напоминающая

царя зверей. Слева высится на сопке белый крест. Так отмечен путь протопопы Аввакума в Даурскую землю.

В 1653 году священномученик, выступивший против реформы патриарха Никона, был выслан в Сибирь с женой и детьми.

«Семейские живут здесь в трех районах – Мухоршибирском, Тарбагатайском и Бичурском, – рассказывает наш проводник, журналист, глава пресс-службы Министерства культуры Бурятии Туяна Зондуева. – Много их и в Забайкалье, ближе к Чите. У них такие интересные имена, необычные. Я окончила факультет филологии и проходила диалектологическую практику, нас возили в семейские деревни. Там в 1990-е годы еще жили старики, которые вместо «ф» произносили «хв»: «сарахван», «Хвёдор». Сейчас это утрачено».

Живут семейские с екатерининских времен среди бурятских высоких холмов и бескрайних степей

В СТРАШНУЮ ГЛУШЬ

Первыми в Забайкалье прибывали казаки – охранять границы. Об этом напоминают названия сел: Сотниково, Вахмистрово. Старообрядцев выслали в Сибирь позже – в XVIII веке, при разделе Речи Посполитой. Считается, что прагматичная Екатерина Великая, выселяя старообрядцев, преследовала две цели: обуздать неблагонадежных и накормить казаков, несущих службу.

Так началась история семейских. Ссылали их целыми семьями, отсюда и название. Здесь любят цитировать строчки из стихотворения Николая Некрасова «Дедушка»: «Горсточку русских сослали в страшную глушь, за раскол...»

Ближе всего к Улан-Удэ находится семейское село Тарбагатай, туристов обычно привозят именно сюда. Но наш путь лежал дальше – в село Шаралдай Мухоршибирского района. В центре села церковь Петра и Павла, которая относится к древлеправославной

Село Шаралдай Мухоршибирского района. В центре села церковь Петра и Павла, которая относится к древлеправославной

церкви. А мы, дети, сядем и тянемся рукой к еде – она бух деревянной ложкой по лбу. В доме у бабушки собирались молиться, и уставщик приходил. Мне казалось, что они все черные стоят, одеты были во все темное. Снизу смотрела на них – страшно. У бабушки такие четки были черные, они блестели, перебирала она их постоянно, молилась и меня научила молитве «Отче наш». Она мне привила любовь к Богу, хотя я в то время этого не понимала, мы же были атеисты, комсомолцы, а в душе все осталось. Бабушку все побаивались. Она была сухонькая такая, но крепкая. Строгая. Чтобы она произнесла слово нехорошее –

такого никогда не было. Все время трудилась. Скажем, пряжу дергала и нас заставляла, а пряжа колючая была, мне не нравилось. Учила нас ссучивать нитку, чтобы вязать варежки. Бабушка Агафья говорила, как надо любить своего будущего мужа: «Ты мужа своего ублажай. Он сказал налить чай, так наливай. И вообще не жди, когда попросит». А потом я собиралась замуж, молодая была и спрашиваю: «Баба, а как ты замуж выходила?» – «Как я выходила? Сижу дома, приехал Андрей со сватами, нас сосватали родители, и все. Я вышла замуж». В семье у них было семеро детей. Двое в младенчестве умерли. Сам дедушка был рука-

«Моя прабабушка Агафья Тимофеевна – я ее бабушкой называла – была очень богобоязненная, веру соблюдала, постилась всегда, – рассказывает Маргарита Горховская. – Пила не чай, а кипяченую воду, даже молоком ее не белила. Мы садились за стол, но сначала бабушка должна была обязательно прочитать

Семейские очень любят яркие цвета. Дома, ставни, ворота – все украшено резьбой. Таких нарядных деревень нигде в стране не встретишь

стый, дом срубил. Бабушка мне сундук показывала. Я спрашиваю: «Баба, у тебя там что?» А она: «Да у меня припасено на смерть. Смертная одежда». Там был саван из белой холщовой ткани, она с годами пожелтела даже, готовили ее заранее. Я спросила: не надо ли поменять саван? Нет, не надо. Сарафан у нее лежал, ичиги, шаль такая большая цветная семейская. И эту шаль, когда ее хоронили, на крышку домовины положили. Был не гроб, а домовина. Ее вырубали из ствола дерева. Ствол лежал, высыхал. Потом его топориком вытесывали изнутри и делали гроб. Прабабку хоронили вот в домовине, ничем не обшивали. Несли домовину на кладбище на полотенцах. Семейские в нашем районе всегда были закрытые, они исконно такие, домой никого не приглашали. У них дом – крепость. У родственников дома стоят рядом. Родителей никто не бросает. Я не слышала случая, чтобы кто-то сдал родителей в дом престарелых».

В ЖЕЛТЫХ ПЕСКАХ

Шаралдай в переводе означает «желтые пески». Семейских сюда привезли в 1767 году на подводах под конвоем. К тому времени здесь уже было семь русских дворов, семейских сразу же окрестили «польскими переселенцами». Место это для поселения выбрано не случайно: почвы на берегу реки Сухары плодородные. Трудолюбивые семейские быстро отстроились, стали заниматься еще и гончарным делом, так что соседи их даже «горшками» звали. Сейчас гончаров в Шаралдае нет, о них напоминает только старинная посуда в местном небольшом музее. В советское время Шаралдай был знаменитым селом: сюда привозили ремонтировать технику со всей Бурятии. Здесь же был совхоз-миллионер, где разводили птиц: для гусей вырыли искусственные озера, а утят грели под лампами. Маргарита Гороховская вспоминает, как помогала своей бабушке, работавшей птич-

Степаниде Кушнаревой 80 лет. Она давно овдовела, живет одна. Но по соседству дома родственников и свояков. У семейских принято жить кучно, члены одной семьи строят дома рядом

ницей. После перестройки совхоз прекратил существование. Сейчас в Шаралдае есть крупные фермерские хозяйства. Впрочем, и те, кто не считает себя фермером, держат по 10 коров, делают творог и сметану. «У нас есть районный Дворец культуры и Центр сохранения и развития национальных культур, – объясняет Маргарита Гороховская. – Татары, казаки, буряты, русские и семейские – пять культур. Есть библиотека имени Калашникова, школа на 200 учеников. В домах – центральное отопление. В 70 километрах отсюда – Тугнуйский угольный разрез, люди работа-

ют в шахтах, возят их туда и обратно на автобусах. В Шаралдае держат коров казахской белоголовой породы. Когда наступают час вечерней дойки, коровы сами, без пастуха, расходятся по своим дворам. Подходят к воротам и мычат, пока хозяин не откроет. Это возвращение с пастбищ производит впечатление. К каждому двору подходит по несколько коров». У одного из домов мы увидели мужчину лет шестидесяти, который ловко колол дрова. Виктор Алексеев пригласил зайти в гости. Он живет бобылем, держит пять коров, дома у него невероятная чистота, на полках

В Бурятии семейские живут в трех районах. Тарбагатайский совсем недалеко от Улан-Удэ, поэтому туда и везут туристов. Мы совершили путешествие в Мухоршибирский и Бичурский районы

Виктор Алексеев рожден от брака семейской и православного «сибиряка». Живет в Шаралдае в доме своего деда, крепкой столетней избе

аккуратно расставлены банки с вареньем и домашними заготовками. Виктор рассказал, что его мать была семейской, а отец – «сибиряком». «Сибиряками» здесь до сих пор называют никониан. Кстати, до революции семейских пытались вернуть в лоно РПЦ, например если старообрядец женился на бурятке, такой семье полагались льготы. Супруги заново крестились, получали дом, землю, скотину. Селились отдельно, такие села назывались «корымскими», от бурятского слова «чужой». Они действительно становились чужими для бурят и семейских.

«НОСИ БОРОДУ, КРЕСТИСЬ ДВУМЯ ПЕРСТАМИ»

В двух шагах от Петропавловской церкви – старинные резные ворота усадьбы. Направо – изба, где обычно принимают туристов. Угощают семейскими яствами, показывают собранные для музея предметы быта. Знакомят с обрядами. На лево – дом-музей самого известного уроженца этих мест – Исаа Калашникова. Народный писатель Бурятии родился в Шаралдае, был семейским. Наверное, самым известным его произведением стал роман «Жестокий век» – о Чин-

гисхане. В советское время личность этого завоевателя было принято характеризовать отрицательно. Калашников создал сложный образ, описал детство и становление Тэмуджина. То, что писатель взялся за такую тему – неудивительно. Недалеко от Улан-Удэ находится Меркитская крепость. В этих местах Чингисхан воевал с монгольским племенем меркитов, перебил их, повелев не оставить в живых ни одного меркита: ведь они похитили его жену Бортэ. Остальные свои произведения Калашников посвятил истории семейских. Вот, к примеру, отрывок из повести «Не поле перейти»: «Староверов со времен царя Алексея Михайловича, заставляя отречься от прежних верований, давили как могли – батогами били, кнутами секли, голодом морили, наиболее ретивым языки урезали... Слабые сникали, оставались те, чей дух нельзя сломить ни мором, ни кнутом, ни огнем. Их-то и удалили в Сибирь. Огляделись семейские на новом месте – ничего, жить можно. Носи бороду, крестись двумя перстами, как прадеды крестились – твое дело. А земли сколько! Пешком не обойти, глазом не охватить. Подымай, сколько сможешь».

Саше Ефимовой 19 лет. Она училась в техникуме в Улан-Удэ, но решила вернуться в Шаралдай, чтобы помогать маме вести хозяйство

КИЧКА И САРАФАН

В музее туристам обязательно продемонстрируют свадебный обряд. 19-летнюю Сашу Ефимову одевают семейской невестой. Головным убором занимаются две женщины: он сложный, иначе не справиться. «Вот это кичка – головной убор замужней женщины у нас, у семейских, – объясняет бойкая Галина Финогентовна Фетисова. – Это шапочка с клювиком впереди. Встала, помолилась, надела кичку и пошла у свекрови спрашивать разрешения встать к печи. Без кички нельзя выйти на улицу, да и дома тоже. Ведь жили большими семьями – дома, значит, свекор и деверя. Девушке перед венцом расплетаем одну косу и заплетаем две. Потому что теперь

она не одна, их двое. Надеваем кичку. А поверх платок шерстяной с цветами – заматываем вот так. Концы платка свисают сзади до пояса. Чем больше платок, тем богаче женщина».

Посмотреть сарафаны из бабушкиного сундука нас повезли в семейское село Калиновка в гости к двум невесткам – Степаниде и Нине Кушнаревым. Невестки, то есть жены двух братьев, живут на одной улице рядом, как и положено у семейских.

80-летняя Степанида встречает частушками под балалайку: «А мне милый изменил, я сказала: «Ох ты. У тебя одна рубаша, и то из моей кофты». Степанида давно овдовела, живет одна, хозяйство у нее крепкое, она играючи носит воду в ведрах на коромысле. Говорит, к ней сватались, но всем отказала. В комнате у нее стоит огромный, расписанный цветами сундук. В нем самое главное – узелок со смертной одеждой. А внизу – мамины еще столетние наряды. Для повседневной работы – сарафан темный, с яркими широкими лентами по подолу. А праздничные сарафаны – ярко-оранжевый с голубым, малиновый с зеленым. Наряды эти «добрые», то есть выходные, из канфы – толстого атласа. Их не стирали, только чистили и меняли потемневшие ленты на новые. Садилась, как рассказывает Степанида, аккуратно, чтобы не смять сарафан. Под него надевали станушку, то есть яркую рубашку, и нижнюю юбку. Носили высокие чулки, связанные в одну иголку. Степанида уточняет: «Нижнего белья не надевали, это за грех считалось». На ноги – ичиги, легкие сапоги.

Обязательным украшением замужней женщины были янтарные бусы. И дело тут не только в красоте. Жители этих мест испытывают дефицит йода. Семейские женщины скребли крупные бусины ножом, заливали стружку водой и пили как лекарство.

Вторая невестка, Нина, рассказывает, что познакомилась с будущим мужем в клубе на тан-

Саша Ефимова из села Шаралдай наряжена как замужняя семейская женщина. Сарафан, станушка, то есть рубаша, и головной убор, кичка – это шапочка, вокруг которой наматывается большой шерстяной платок

цах здесь, в Калиновке. Он уже успел отслужить в армии, побывать в городе, стать «интеллигентом», как выразилась Нина. На свадьбу она очень хотела надеть кичку, но «интеллигент» не разрешил. Не модно это, нужно красивое платье, никаких сарафанов. Нина Калашникова вспоминает, что хоть и в современной одежде были жених и невеста, но стариков уважили. Свадьба гуляла несколько дней, нужно было по очереди навестить всех родственников. А в последний день свадьбу «тушили». Развели во дворе костер. Гости прыгали через костер, держа в руках поднос с

рюмками. А потом вином заливали огонь.

«Меня привезли первый раз к Григорию, его отец и мать стояли с хлебом-солью и иконой, – вспоминает Нина. – Кланяешься им в ноги и говоришь: «Матушка и батюшка, благословите меня!» А они: «Бог благословит». На второй день свекровь надо назвать «мамой». Меня научили: сразу надо идти за водой наутро. И будто бы ты ведра не видишь, и надо сказать свекрови: «Мама, а где ведра-то?» Я так сразу и сделала. Со свекровью мне тяжело было – у нее такая к сыну ревность была. Девять лет мы с ними жили, потом све-

Степанида и Нина Кушнаревы невестки, замужем за братьями. Они показали нам сундук, полный старинных нарядов

Многие семейские занимаются пчеловодством, весной в садах цветут вишни, черешни, сирень

кровь умерла. Похороны устраивали так. Мы привезли сюда старенького уставщика из Большого Куналея. Он отмаливал, отпевал, потом на 40 дней снова приехал. 9 дней мы только сами молились, а на 40 дней уже привозили уставщика и поминали, а потом на полгода опять уставщик приезжает. А молились всю ночь старики, это «всенощная» называлось. А вот крестила детей бабушка сама. Все сами, без попов. Воды теплой налива-

ли да молитвы читали. А у нас тут жила бабка Хавронья, она в холодную воду окунала. Дома строили себе – обязательно соседи помогали, как иначе? А потом всех угощали».

В КАЛИНОВКЕ

У села Калиновка Мухоршибирского района история необычная. Сто лет назад вокруг местечка Рогово буряты пасли скот. Земельные реформы 1917 года дали крестьянам возмож-

Главная черта семейских – невероятное трудолюбие. Женщины ходят в гости со своей прялкой

ность осваивать необжитые земли. Семейские из Тарбагатай и Большого Куналея решили переселиться в Рогово, но буряты не собирались уступать землю. Случились столкновения, и в 1919 году жители Большого Куналея обратились к председателю ВЦИК Михаилу Калинину. Вопрос был решен в пользу колхозников-переселенцев. Семейские быстро поставили рубленые избы, организовали земельную артель «Факел». Село переименовали в Калиновку.

В селе несколько улиц, вдоль которых выстроились добротные дома. Мы уже заметили, что семейские очень любят яркие краски: это видно и по традиционным сарафанам, и по нарядным интерьерам. Но Калиновка поразила. Каждый дом – это живописное чудо. Бледно-розовый со ставнями цвета первой травы, канареечно-желтый с синими ставнями, зеленый – с малиновыми. Ставни все резные. К Пасхе хозяева моют и скоблят свои жилища, убирают приусадебные участки. Чистота здесь редкая – во дворе не найти ни одной сухой иголки или листика. У семейских не принято сидеть без дела, руки всегда должны быть заняты работой.

«Я семейская, муж Петр приехал из Забайкалья, – рассказывает Ирина Казанцева. – В 1975 году я окончила сельхозинститут с дипломом агронома. У нас в саду растет все. Цветник – розы, гортензии, лилейники и лилии 16 сортов. Черноплодная рябина, сирень, жимолость, яблони и абрикосы, конечно, черемуха – куда без нее? Смородина черная и красная – это не характерно для наших мест. Ирга, облепиха, сливы. Черешковая вишня, клубника, малина. Когда молодые были, держали ангорских коз. В школьные годы летом в колхозе работали, да и дома с утра до вечера. Сейчас у нас 9 домиков пчел, но это невестка занимается. Мед идеальный: полей нет вокруг, ничего не обрабатывается». Мед действительно идеальный. Мы попробовали.

КАК ХОДЯТ В ГОСТИ

Надя Евдокимова, красивая блондинка в ярко-красном платке, показала нам свое хозяйство. А затем отвела в избу к своей свекрови Наталье Нестеровне. К ней в этот момент зашла подруга Лидия. Здесь принято так ходить в гости – со своей прялкой или рукоделием. Подруги разговаривают, иногда смотрят телевизор, прялка скрипит, Лидия прядет шерсть. Еще недавно семейские считали, что в магазине можно покупать только спички и соль, все остальное в доме должно быть свое.

Наталья Нестеровна родилась в 1934 году, ноги у нее сейчас ходят плохо, руки не заняты, и это ей непривычно. Жизнь у нее была тяжелая: в семье ее было восемь детей, отец умер от ран после возвращения с войны. Пришлось Наталье только одну зиму в школу ходить. «Дояркой я сначала была, а потом на гусях 27 лет отработала, – вспоминает Наталья Нестеровна. – С птицей еще сложнее, чем с коровами, растишь их, чтобы не пропали, ходишь за ними. По 3 с лишним тысячи было у меня гусят. Откормить надо было птицу до 3 с половиной килограммов, потом сдавать. Я коммунисткой была, у меня орден Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени есть. До кавалера одного ордена не хватило».

Семейские умеют принимать гостей. В Калиновке нас пригласили в дом к Розе Петровой, которая считается здесь лучшим пекарем. А хлеб, пироги и разнообразная выпечка – основа стола у семейских. Роза Петрова при нас делала постное тесто: из муки, воды, дрожжей. Кусочки такого теста она бросала на сковородку, которую ставила в русскую печь. Запах этих лепешек ни с чем не сравнить. А еще калачи: две полоски теста переплетаются косой и потом соединяются в круг. Интересно, что семейские переняли у бурят умение готовить буузы, а буряты к праздникам всегда заказывают выпечку у семейских. Роза Петрова говорит, что особым спросом пользуются ее булочки-тарочки.

В каждом семейском селе есть фольклорные ансамбли. На любом празднике, да и просто в гостях, семейские очень любят петь

НОВЫЕ СЕМЕЙСКИЕ

В XX веке многое в старом укладе было сломано. Семейские работали в колхозах, вступали в КПСС, смело ставили свою подпись под документами, начали смотреть телевизор и слушать радио. Мужчины стали брить бороды и курить. Постепенно посещение молеального дома или приглашение уставщика для совершения обряда становилось уделом стариков. В свое время я, ленинградская студентка, с группой однокурсников побывала в Сибири.

В Минусинске мы попросили воды в одной из изб. Вышла женщина с косой, в длинной юбке, вынесла кружку воды. В дом нас не пустили, в середине 1980-х старообрядцы еще жили закрыто.

В XXI веке все поменялось. В Тарбагатае, Бичуре и Шаралдае ждут туристов, готовы угощать, водить экскурсии, рассказывать про свои обычаи и традиции. И, конечно, петь семейские песни. Не по крюкам, как их предки пели, а по нотам. ■

Хлеб и выпечка – основное блюдо на столе у семейских. Роза Петрова из Калиновки печет калачи по традиции в печи на поду, то есть на камнях

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru